

В.В.Витюк

ПОД ЧУЖИМИ ЗНАМЕНАМИ

ЛИЦЕМЕРИЕ И САМООБМАН
«ЛЕВОГО»
ТЕРРОРИЗМА

В.В.Витюк

**ПОД
ЧУЖИМИ
ЗНАМЕНАМИ**

**ЛИЦЕМЕРИЕ И САМООБМАН
«ЛЕВОГО»
ТЕРРОРИЗМА**

МОСКВА
«МЫСЛЬ»
1985

ББК 66.019

В 54

РЕДАКЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Рецензенты:

доктор философских наук С. И. Великовский,
кандидат исторических наук А. С. Грачев,
доктор исторических наук И. С. Кремер

В $\frac{0302030900-089}{004(01)-85}$ 48-85

© Издательство «Мысль» . 1985

Бикфордов шнур и пятиконечные звезды

На обложке одной из изданных на Западе книг, посвященных современному терроризму, голубовато-желтый земной шар изображен на фоне ослепительно синего неба. Крутится-вертится шар голубой, а по бикфордову шнуру, подсоединенному к нему снизу, уже бежит роковой огонь. Бомба! Для довершения эффекта земная суша усеяна красными звездочками, отмечающими очаги террористических пожаров. Особенно густо усыпаны звездочками районы Средиземноморья, Западной Европы, Латинской Америки. Прорастающие из этих звезд метастазы охватывают Северную Америку и Южную Африку, Азию и Австралию.

Впечатляющая символика плаката делает излишними слова о беспрецедентном размахе политического терроризма в наши дни. Она освобождает от необходимости загромождать сознание читателя набором цифр о количестве политических убийств, взрывов, захватов заложников, угонов самолетов и тому подобных акций. К чему эти цифры, когда можно наглядно продемонстрировать, что нашей планете грозит участь превратиться в одну чреватую глобальным взрывом бомбу, а терроризм способен стать детонатором этого взрыва?

Плакатные образы, опирающиеся на достоверные факты, в то же время предельно обобщены и заострены. Это и придает им выразительность. Однако там, где наглядность служит заменой доказательности, а мысль выражается в откровенно условной форме, нетрудно при желании, смещая пропорции, произвольно отбирая детали и сгущая краски, придать видимость убедительности неправде и полуправде. А такое желание явно двигало рукой автора данного плаката.

Оставим пока в стороне вопрос о том, какие именно явления обозначает он красными звездочками и какими критериями при этом руководствуется. Но по логике реальных фактов на карте должны были еще большее место занять фашистские знаки, а также кресты, полумесяцы, шестиугольные звезды.

Общеизвестно, что правый, неофашистский терроризм своей активностью не только зачастую предшествует по-

явлению терроризма «левого», как это было, например, в Италии, но по своему размаху и числу уносимых жертв превосходит его. Известно также, как широко практикуют терроризм спецслужбы ряда империалистических государств, чем, кстати, играют на руку левым экстремистам, провоцируя их на открытые насильственные акции и снабжая поводами для самооправдания.

Не менее очевидно, что деятельность ряда террористических организаций продиктована националистическими и религиозными устремлениями. В их идеологии нередко сплетаются национальные, религиозные и социальные мотивы, но всегда можно определить, какие из этих мотивов являются первостепенными и преобладающими. Вошедшее в современных условиях в привычку употребление многими из таких групп «левой» фразы, основывающееся на том, что они рассматривают себя как борцов против «империалистического гнета», еще не делает их левотеррористическими. Здесь важно, против чего именно они на деле выступают и какие реальные цели преследуют. Поучителен в этом плане пример баскской террористической организации ЭТА. В период господства франкистского режима ЭТА считала низвержение данного режима необходимой предварительной ступенью на пути к достижению баскской самостоятельности. Она включала в свою программу лозунги антифашистской революции и весьма радикальных социальных преобразований. Организация в тот период выглядела в значительной мере как левоэкстремистская. Однако, как только фашизм в Испании рухнул, социальная мимикрия была отброшена ЭТА, и она предстала в своем подлинном обличье чисто националистической террористической группировки.

Наивно полагать, что художнику, как и автору предваряемой его плакатом книги «Террористический интернационал» Ж. Кауфману, эти вещи неизвестны. Многообразие типов современного терроризма — факт, отчетливо бросающийся в глаза. Между тем и в данной книге, и в десятках вышедших на Западе работ о терроризме, претендующих на обобщенную характеристику этого феномена, все внимание авторов сосредоточивается почти исключительно на «левом» терроризме. Последний, бесспорно, не может не привлекать к себе сегодня внимания уже в силу неожиданности его возрождения в разных точках земного шара, в капиталистических странах с различными социально-экономическими условиями и политическими режимами. Тем более что произошло это

в эпоху господства, казалось бы, небезосновательного убеждения в том, что «левый» терроризм, осужденный и отброшенный исторической практикой классовой борьбы, безвозвратно канул в прошлое. Не могут не ставить перед исследователями и политическими деятелями многочисленные и сложные вопросы и загадки также и некоторые новые, специфические черты современного «левого» терроризма, отличающие его от непосредственных предтеч и далеких предшественников.

И однако, только этими естественными соображениями ориентацию внимания западных политологов не объяснишь. Присущая им аберрация зрения решающим образом обусловлена предвзятой политической тенденцией, диктующей сознательное использование «фигуры умолчания» во имя того, чтобы создать у массовой аудитории впечатление, что современный терроризм — это прежде всего и почти исключительно терроризм «левый». С этой целью к последнему систематически подверстываются и различные формы националистического и даже религиозного терроризма.

Но не только они. На обложке книги «Террористический интернационал» красными звездами помечены территории, например, Алжира, Зимбабве, Никарагуа, ЮАР, Сальвадора — словом, регионов, народы которых вели в недавнем прошлом или ведут сегодня борьбу за свое национальное освобождение и социальный прогресс. Знакомая идея, несколько позднее легшая в основу международной политики администрации США. Как видим, отождествление национально-освободительных движений с терроризмом вовсе не открытие А. Хейга и Р. Рейгана. Более того, это давняя традиция колониалистов, которую систематически развивают реакционные идеологи.

Террористами в их глазах оказываются все, кто ведет активную борьбу против экономического и политического диктата империалистических государств и транснациональных корпораций (ТНК), независимо от того, стремятся ли они к коренным социально-экономическим и политическим преобразованиям или к достижению национальной независимости, руководствуются марксистскими, леворадикалистскими, маоистскими или популистскими идеями, выступают как лидеры массового движения или как авантюристы-вспышкопускатели. Как с солдатским прямодушием выпалил бывший глава аргентинской военной хунты генерал Видела, «террористами являются все те, кто угрожает ценностям западной и христианской цивилизации»¹.

Примитивность солдафона? Но вот какой конфуз произошел с одним крупным английским издательством. Накануне открытия переговоров между правительством Великобритании и руководителями патриотических фронтов Зимбабве ему пришлось срочно переверстывать титульный лист и обложку книги, содержащей жизнеописание Р. Мугабе, поскольку ей поначалу было дано название: «Биография террориста».

На разном профессиональном уровне, прямолинейно и откровенно или более тонко и замаскированно, проводят свою основную мысль штатские политики и полковник швейцарского генерального штаба Г. Деникер, бывшие разведчики Б. Дженкинс и Р. Клаттербак, публицисты К. Стерлинг, Ж. Кауфман, Х. Добсон и Р. Пейн и академические авторитеты И. Александер, Б. Крозье, Р. Куперман и Д. Трент, но сама эта мысль у них одина. Она по существу сводится к нехитрому силлогизму с ложной посылкой и не менее ложным выводом: «Все террористы — «красные», и все «красные» — террористы».

Вот теперь и настал момент спросить: а насколько обоснованна квалификация «левых» террористов как «красных», и правомерно ли зоны их активности помечать пятиконечными звездами? «Почему же нет?» — может последовать внешне резонный ответ. Разве не сами «левые» террористы ввели в свои эмблемы наряду с автоматом красную звезду? Разве они не выступают с обличениями по адресу империализма, капиталистического государства, деятельности ТНК? Разве они не провозглашают своей целью осуществление «мировой», «пролетарской», «коммунистической» революции, не клянутся в верности «классовой борьбе» и «марксизму-ленинизму»? И разве, в конце концов, не это позволяет классифицировать их как террористов именно «левых» в отличие от террористов иных направлений?

Верно. Можно, конечно, отметить определенные различия между латиноамериканскими «левыми» террористами с их специфичными социальными корнями, условиями деятельности и заметным националистическим уклоном и «левыми» террористами высокоразвитых капиталистических стран. Можно учитывать известные особенности состава и тактики террористических организаций, действующих в пределах одной страны. Но так или иначе именно спекуляция на революционной фразе и делает эти организации левотеррористическими.

Вопрос, однако, заключается в другом: насколько обоснованны претензии «левых» террористов на звание

«пролетарских борцов», «революционеров», «марксистов-ленинцев»? Иначе говоря, под своим ли органически соответствующим их политической природе и реальным целям знаменем они шагают на кровавые дела или присвоили себе в сущности чуждое им, но авторитетное для масс красное знамя? Ответ на этот вопрос давным-давно дан революционным марксизмом.

Достаточно вспомнить критику К. Марксом и Ф. Энгельсом заговорщического авантюризма, их выступления против апологетов политического убийства К. Гейнца и И. Моста, гневное осуждение ими нечаевщины, решительную борьбу А. Бебеля и Ж. Геда против террористической кампании, развернутой анархистами Европы и Америки в конце прошлого века, работу В. И. Ленина «Революционный авантюризм», посвященную анализу и разоблачению эсеровского терроризма, книгу В. И. Ленина «Что делать?» и ряд его работ того же и более позднего времени вплоть до написанной в 1921 г. «Детской болезни «левизны» в коммунизме», многочисленные статьи Г. В. Плеханова и В. И. Засулич, осуждение терроризма в специальной резолюции II съезда РСДРП.

«А мы именно потому-то против терроризма, что он не революционен»², — сформулировала общую мысль искровцев В. И. Засулич. Не революционен уже потому, что он базируется не на научном познании общества, закономерностей классовой борьбы, реального соотношения политических сил, но на субъективистских, идеалистических, волюнтаристских установках, сводящихся по существу, как иронически заметил Ф. Энгельс, к примитивному принципу: «Должно же что-то делаться, надо же что-то предпринимать»³. Не революционен потому, что вера в едва ли не мистическую роль «инициативного меньшинства» и связанный с ней принцип «пропаганды действием» неминуемо приводит это меньшинство к обособлению от рабочего движения, отказу от пропагандистской и организаторской работы в массах. А между тем, как писал В. И. Ленин, «без рабочего народа бессильны, заведомо бессильны всякие бомбы»⁴. Не революционен в силу авантюристической тактики, абсолютизации не приемлемых ни с политической, ни с нравственной точки зрения методов борьбы. «...Цель, для которой требуются неправые средства, не есть правая цель...»⁵ — подчеркивал К. Маркс. С этих позиций осудили К. Маркс и Ф. Энгельс покушения Геделя и Нобилинга на кайзера Вильгельма I и убийство фениями секретаря по делам Ирландии лорда Кавендиша.

Эти положения выдвигались в тот период, когда деятельность некоторых террористических организаций имела определенное историческое оправдание в том, что они боролись против абсолютистского и полицейски-бюрократического произвола, за конституционные свободы и республиканский политический строй и обратились к террористической практике в силу отсутствия каких-либо условий для легальной политической деятельности и пропаганды в народе, во имя завоевания этих условий. Их утопизм и идеализм были производными от социального развития и идеологической атмосферы эпохи, несли на себе печать того, что Гегель и Маркс называли всемирно-историческим заблуждением. Практика других могла находить себе какое-то объяснение (но отнюдь не оправдание) в закономерности сектантства на начальных стадиях формирования рабочего движения, низком уровне классового сознания масс, настроениях стихийного бунтарства и попросту в отсутствии накопленного и осмысленного опыта социалистической борьбы.

Конкретно-исторически подходя к людям и организациям, прибегавшим к террористическим акциям, классики марксизма умели отличать подлинных революционеров, движимых передовыми идеалами своей эпохи и обратившихся к ошибочной тактике вынужденно, в силу логики политической борьбы в определенных социальных условиях и порожденных этими условиями иллюзий, от вспышкопускателей и авантюристов, идейный и нравственный уровень которых целиком реализовался в экстремистском активизме. Однако, симпатизируя первым, понимая закономерность их заблуждений и трагизм пройденного ими пути, высоко оценивая их личную боевитость, бескорыстие и самоотверженность, революционные марксисты не амнистировали их тактики, рассматривая ее как бесплодную и обреченную на провал. Само обращение к подобной тактике они связывали также с характером политического мировоззрения революционеров данного типа,— мировоззрения, передового для своей эпохи, но отмеченного печатью социального идеализма и волюнтаризма, ограниченного буржуазными иллюзиями и утопиями. Терроризм, по оценке классиков марксизма, есть метод политической борьбы, закономерный для буржуазного и мелкобуржуазного радикализма, но несовместимый с марксистским мировоззрением и пролетарским социализмом.

С тем большим основанием, с тем большей резкостью и категоричностью марксистские оценки терроризма мо-

гут и должны быть применены к позициям и практике современных левых экстремистов, которые, действуя в рамках демократических по преимуществу режимов, атакуют именно демократические институты, ставя своей целью разрушить их. Речь сегодня идет не о неизбежно возникающей вопреки их воле обособленности «левых» террористов от массового движения, а об их сознательном противоборстве с профессиональными и политическими организациями рабочего класса, не о вынужденном обращении к ошибочной тактике, но о культуре террористического насилия. Этот культ провозглашается в эпоху, когда перед рабочим классом раскрываются широкие перспективы для ненасильственных действий, способствующих продвижению к социалистической цели. Он осуществляется людьми, имевшими возможность ознакомиться и с трагическим опытом террористов-республиканцев XIX в., и с бесславными итогами попыток привнесения терроризма в социалистическое движение на рубеже двух веков, и с сокрушительной критикой этих попыток К. Марксом, В. И. Лениным и их соратниками. Критикой, из которой следует вывод не просто о несовместимости марксизма с терроризмом, но об их антагонистичности, непримиримой враждебности друг другу. Последняя не только не смягчается тем, что некоторые группы террористов искренне почитают себя за революционеров, социалистов и даже марксистов, но еще и обостряется и усугубляется благодаря этому.

Казалось бы, историческим опытом навсегда поставлен крест на «левом» терроризме, а марксистской критикой пресечена напрочь возможность каких бы то ни было иллюзий на его счет. И тем не менее он возродился. Возродился в невиданных ранее масштабах. Более того, к традиционным характеристикам прибавил и новые, в частности впервые за свою историю терроризм прикрывается и санкционируется не просто «левой», но квазимарксистской фразой, впервые террористы стремятся предстать в облике не вообще «революционеров», но именно «марксистов-ленинцев».

Парадокс? Да, парадокс логический и психологический, но, пожалуй, не политический. В политике стремление идентифицироваться с самым передовым идейным течением эпохи нередко бывает присуще далеко не самым прогрессивным деятелям и организациям. Мог же, например, апологет капиталистического развития России П. Б. Струве так трансформировать в своем сознании этот идеал, что в течение определенного времени полагал

себя марксистом и даже стал автором Манифеста I съезда РСДРП.

Современные «левые» террористы осуществляют политическое самоопределение по стандартной в сущности схеме, хотя, естественно, и вносят в нее элемент своеобразия. Ими также движет неприятие существующего положения вещей, убежденность в необходимости его изменения, которые обретают форму приверженности к «идеалам коммунизма» и стремление освящать этими «идеалами» свою разрушительную практику. Восприятие ими марксистских положений также избирательно и осуществляется на уровне общих лозунгов и фраз, вырванных из исторического и политического контекста, вплетенных в идеологическую ткань, сотканную из обрывков чуждых марксизму теорий. Таким способом под прикрытием терминологии марксизма осуществляется его извращение и ревизия.

Социальная мимикрия далеко не всегда является расчетливым обманом (хотя и это систематически имеет место). Она может быть и очень часто бывает итогом неосознанного самообмана. Как писал К. Маркс, «этикетка системы взглядов отличается от этикетки других товаров, между прочим, тем, что она обманывает не только покупателя, но часто и продавца»⁶. Искренность самооценки еще не гарантия ее истинности. Суть дела состоит в том, что в классовой борьбе решающее значение имеют не субъективные намерения личностей, но объективный результат и смысл их деятельности, не собственные представления людей о самих себе, но их реальная политическая сущность.

Коренной характеристикой современного «левого» терроризма является кричащее противоречие между политической саморекламой и последствиями ее воплощения в жизнь. Но именно поэтому самооценку активистов «левого» терроризма нельзя сбрасывать со счетов. Когда некоторые западные политологи объявляют террористические кампании «революцией помешанных», совершающих «бессмысленные убийства», т. е. не ведающих, что творят, когда другие отказываются видеть различия между террористическими акциями и уголовными преступлениями, между террористами и «обыкновенными убийцами», справедливый гнев, продиктовавший подобные оценки, не идет на пользу действительному познанию и разоблачению терроризма. Среди террористов известно определенное число лиц с нервными расстройствами и патологически преступными наклонностями, но не ими

определяется состав террористических организаций, а людьми по-своему идейными. Терроризм есть политический феномен, террористическая акция есть акция, продиктованная идеологическими соображениями, а не историческим припадком или стремлением набить карман. В этом качестве терроризм представляет политическую проблему, и, только считаясь с этим, можно вести с ним результативную борьбу.

Ненависть к существующему обществу, облаченная в идеологическую форму ненависти к капиталистическому строю, социальному гнету, колониалистской и милитаристской политике империализма, вера в утопические социальные мифы — это не только реальный факт. Это еще и фактор вовлечения в ряды террористов людей социально активных, энергичных, решительных, — фактор, побуждающий их упорно следовать по избранному пути, преступать не только нормы законности, но и нормы общечеловеческой морали.

Демонстрируемые многими «левыми» террористами убежденность, преданность своему делу и самоотверженность, подчеркнутые отказом от благополучной, зажиточной жизни и карьеры, определенной частью общества воспринимаются как серьезный аргумент в пользу основательности самого дела. Таинственная и необычная жизнь в подполье, единоборство маленькой группы с могущественным государством, сенсационно-приключенческие сюжеты, развертывающиеся на различных этапах этого единоборства, порождают в жаждущих необычного и тоскующих по активности душах молодых (а иногда не только молодых) людей из определенных социальных кругов воспоминания о Робине Гуде и шерифе, Давиде и Голиафе. Романтический ореол и мученический венец способны пробуждать симпатии и сочувствие. Таким образом, к социальной опасности со стороны самого «левого» терроризма прибавляется опасность иллюзий на его счет.

Эти иллюзии могут распространяться не только среди зеленой молодежи, малообразованных и обозленных люмпен-пролетариев, эстетизирующей насилие интеллигенции. В известной мере они проникают и в сознание части рабочих, замечающих, что отдельные удары террористов направлены против их врагов, и не распознающих конечного смысла террористической активности. В этих случаях возникают определенные симпатии, сочувствие или двойственное отношение к террористам: отрицание их методов, отвращение к убийству и насилию

над людьми сочетаются с представлением об активистах «левого» террора как об «отважных борцах» против капитализма, «защитниках интересов рабочих», «заблуждающихся товарищах».

Показательно также и то, что иллюзии по поводу «левого» терроризма охотно разделяются и старательно культивируются правыми идеологами и политиками, легко принимающими на веру, а точнее, сознательно выдающими за чистую монету саморекламные декларации экстремистов. Причина ясна: таким способом ультра-левизна приписывается и подлинно революционным народным движениям, жупел терроризма используется для клеветы на них, борьба с терроризмом — для борьбы с левыми силами вообще. Поучительна заинтересованность реакции в «левом» терроризме, открывающая еще одну грань его политического облика, его роли в классовой борьбе на современном этапе.

Наконец, с появлением современного «левого» терроризма, спекулирующего на революционных лозунгах, широкое использование таких лозунгов вошло в моду и у террористов националистического и религиозно-этнического направлений. А это в свою очередь послужило многим буржуазным политологам для откровенного или подспудного отождествления понятия «современного» терроризма с понятием «левого» терроризма. В западной террологической литературе сложилась любопытная традиция. С одной стороны, в рамках теоретического анализа о современном терроризме говорится как о некоем особом и едином явлении, даже «социальном течении», характеризующемся употреблением насильственных средств ради достижения политических целей. При такой формальной и расширительной трактовке терроризма не только стирается разница между собственно террористической практикой и не имеющими отношения к терроризму насильственными формами политической борьбы. Таким образом игнорируются также и чрезвычайно существенные различия между террором как способом подавления оппозиции господствующими социальными силами и терроризмом как активностью выступающих против существующего строя группировок. Но главное, благодаря этой трактовке возникает возможность игнорировать тот факт, что терроризм — это метод политической борьбы, используемый различными социально-классовыми силами, цели которых (равно как и идеологические обоснования этих целей) далеко не однозначны, а подчас и противоположны.

С другой стороны, при практическом рассмотрении «современного терроризма» дело обычно сводится к освещению практики и установок именно левозэкстремистских организаций, к которым нередко подверстываются группировки чисто националистической ориентации. Что же касается правого, в частности неофашистского, терроризма, то его роль либо вообще замалчивается, либо до предела затушевывается. Так общая расширительная трактовка терроризма становится на службу произвольно-избирательной конкретизации явления.

Парадоксальным аналогом той же методологической установки, только вывернутой наизнанку, выглядит и позиция некоторых прогрессивных политологов, отказывающихся на основании совпадения мишеней атак и конечного смысла деятельности усматривать существенную разницу между «левым» и правым терроризмом и даже ставящих под сомнение само понятие «левый терроризм». Что «левый» терроризм в сущности не является левым и что он по своему смыслу и значимости вовсе не то, за что он пытается себя выдать, в этом сегодня нет никакого сомнения. Но то, что он обладает своей спецификой и при общей с неофашистами ненависти к демократии и коммунистическому движению отличается от последних своими целевыми установками и мотивациями, тоже совершенно очевидно.

Эту специфичность необходимо иметь в виду отнюдь не ради противопоставления «левых» террористов правым как якобы «лучших» «худшим». Здесь, как говорится, «оба хуже». Однако терроризм, драпирующийся полотнищем красного флага, будучи в военном отношении сегодня значительно более слабым, чем терроризм, вздымающий знамя со свастикой, в политическом отношении гораздо опаснее последнего именно в силу своей социальной мимикрии.

Идейно-политическим спекуляциям на проблематике терроризма способствует кроме научной и политической недобросовестности инерция расширительной и терминологически нечеткой трактовки понятий «террор» и «терроризм» в прошлом. В течение длительного времени они воспринимались как синонимы, обозначающие и определенный политический режим, и использование террористических акций для борьбы с ним, и боевые действия во время народных восстаний, и военные кампании, имеющие целью устрашение и подчинение правительств и народов других государств. С появлением в конце XIX в. оппозиционных организаций, практикующих си-

стематические политические убийства, понятия «террор» и «терроризм» вычлняются в качестве характеристики только определенного вида социальной борьбы, отличающегося и от массовых вооруженных выступлений, и от военных действий регулярных армий, и от уголовной преступности, хотя во всех этих случаях применяется вооруженное насилие, нередко осуществляемое при помощи в той или иной мере сходных методов. В свою очередь эти понятия, сохраняя в самом общем контексте идентичное содержание, постепенно обретают самостоятельный смысл и в современных условиях вне этого контекста не могут рассматриваться как тождественные. Все формы террористической деятельности сегодня связаны с нарушением или игнорированием законности и носят характер открытого, идеологически мотивированного, организованного, систематического насилия, преследующего цель устранения и запугивания противника, выражающегося в осуществлении действий, угрожающих жизни, свободе и безопасности людей. Однако следует отличать государственный террор от оппозиционного терроризма. Первый осуществляется более сильными в отношении более слабых, второй — более слабыми в отношении более сильного. Основным специфическим орудием первого являются репрессии, второго — политические покушения и другие террористические акты.

В последние годы все больший размах приобретает еще одна форма террористической деятельности — государственный терроризм, выступающий в двух основных разновидностях. Первая — использование в интересах реакционных сил и обеспечения условий для осуществления их политики спецслужбами империалистических государств (и в первую очередь ЦРУ) различного рода подпольных террористических групп как неофашистской, националистической, религиозной, так и левацкой ориентации. Вторая форма государственного терроризма выражается в открытых агрессивных акциях типа разбойничьего нападения США на Гренаду. Террористическими, а не просто военными действиями их делает то, что они рассчитаны на запугивание народов целого региона.

В тех случаях, когда акции государственного терроризма направляются на нанесение ущерба другим государствам, вмешательство в их внутреннюю жизнь, изменение международных отношений, они обретают одновременно характер международного терроризма.

Сделав международный терроризм одним из основных методов осуществления своей внешнеполитической

линии, администрация Рейгана одновременно объявила сущностью этой линии «борьбу против международного терроризма». Попытка Рейгана и некоторых руководящих деятелей других империалистических государств объявить освободительные массовые движения «международным терроризмом» и возложить вину за его возникновение и развитие на СССР и другие социалистические страны разоблачается в ответах Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко на вопросы газеты «Правда» 14 июня 1984 г. К. У. Черненко подчеркнул: «Советский Союз осуждал и осуждает любые проявления терроризма. И мы решительно отвергаем политику Соединенных Штатов, взявших терроризм как метод ведения дел с другими государствами и народами. И не пристало тем, кто осуществляет «государственный терроризм», выступать с декларациями о неких «демократических ценностях»... Это всего лишь перелицовка авантюристической концепции «крестового похода», очередная попытка перенести идеологическое противоборство в сферу межгосударственных отношений». Для того чтобы точно оценить сущность «левого» терроризма, надо сорвать с него маску, вскрыть контрреволюционный смысл его идей и дел.

Но чтобы полностью рассеять иллюзии на его счет и предупредить их возможное возрождение, этого еще недостаточно. Необходимо выявить внутреннюю логику «левого» терроризма, постичь сконструированный им механизм социальной демагогии и самовнушения, характер использования и извращения «левыми» террористами марксистских понятий и революционных лозунгов, уяснить связь идейно-политических установок террористов с их психологическими мотивами и импульсами. Надо без упрощений и мистики ответить на элементарные, но важные вопросы: откуда взялись и кто они такие, эти люди, позволяющие себе распоряжаться чужими жизнями во имя собственных представлений о «благах человечества», что на деле означает это «благо» и как совмещается в сознании непрошенных благодетелей гуманистическая якобы посылка с человеконенавистнической практикой? Следует, наконец, рассеять апокалиптический туман, напускаемый падкой до сенсаций буржуазной прессой, отбросить мнимые и с возможной ясностью и полнотой представить себе реальные угрозы, исходящие от «левого» терроризма, пути и методы борьбы с ним.

Не слишком ли, однако, велика честь, оказываемая

столь пристальным и подробным вниманием этому феномену? Ведь в конце концов террористы — это всего лишь горстка людей, составляющая ничтожнейшую долю человечества. Любители статистики давно подсчитали, что количество пострадавших от автомобильных катастроф и потерпевших от уголовных преступлений и даже самоубийц в главных капиталистических странах многократно превышает число жертв террористических акций. Но как справедливо замечает известный специалист по терроризму П. Вилкинсон, «большое заблуждение — пытаться определять значимость терроризма только в некрологических понятиях»⁷. Политическое убийство есть ядро, сердцевина тактики терроризма. Однако устранение тех или иных, даже высокопоставленных, личностей не является основной задачей терроризма. Главное — устрашение общества. «Убить одного — значит запугать десять тысяч», — гласит старинная китайская пословица, которую любят повторять «левые» террористы.

Обращение к терроризму само по себе уже есть показатель политической слабости. Всё так. Но именно в силу этого его методы крайне жестоки, а возможности нанесения экономического ущерба и осуществления неожиданных индивидуальных и массовых убийств, учитывая характер современного оружия, велики. Терроризм сам не в состоянии достичь многого, но он может быть орудием в руках гораздо более мощных социальных сил и стать провокатором серьезнейших социальных потрясений. Когда речь идет о жизни и смерти людей, об угрозе экономического и политического хаоса, о защите демократической законности и перспективе установления кровавых диктатур, о сохранении мира и создании атмосферы напряженности, способной разрядиться через войну, чрезмерного внимания быть не может. Мал огонек, бегущий по шнуру, но шнур этот — бикфордов!

«Право на ненависть!»

1

Предтечи и последователи

Распространение «левого» терроризма в капиталистическом мире можно уподобить лесному пожару, быстро перебрасывающемуся с одного охваченного пламенем участка на другой, еще не загоревшийся, но уже иссушенный горячим ветром, затухающий в одном месте, чтобы вспыхнуть в другом.

Начало этому процессу было положено развертыванием в ряде латиноамериканских стран так называемой городской герильи. Наиболее известной из организаций, практиковавших городскую герилью, и первой по времени возникновения было уругвайское «Движение за национальное освобождение» (МНР), или тупамарос. Основателями МНР были молодые интеллигенты, ведшие до этого легальную и бескорыстную работу в массах, но вынужденные в момент осуществлявшегося в традиционно демократическом Уругвае сдвига вправо прервать ее и уйти в подполье. Поначалу они еще продолжали нелегально сотрудничать с профсоюзами, принимать участие в антиамериканских демонстрациях, но, по мере того как права профсоюзов все более урезались, а репрессии усиливались, они перешли к боевым операциям террористического характера.

Вслед за тупамарос на тот же путь вступили и зародившиеся в недрах экстремистских левацких группировок «Национально-освободительное действие» (АЛН), «Революционный авангард народа» (ВРП), «Авангард революционной армии» (ВАР) в Бразилии, «Революционная армия народа» (ЕРП) и «Революционные вооруженные силы» (ФАР — монтанерос) в Аргентине и некоторые другие, менее значительные организации в ряде стран Южной Америки.

В отличие от тупамарос, проделавших первые шаги в направлении терроризма стихийно, поборники городской герильи в других латиноамериканских странах, имея пе-

ред глазами опыт уругвайских террористов, встали на этот путь вполне сознательно. Террористическая тактика была обоснована и даже опоэтизирована Карлосом Маригеллой, организатором городской герильи в Сан-Пауло, погибшим в схватке с полицией в 1969 г. «Быть террористом,— писал К. Маригелла,— это в наши дни положение, которое делает честь каждому человеку доброй воли, ибо это означает бороться с оружием в руках против постыдной военной диктатуры и ее ужасов»¹.

В написанном им «Мини-учебнике городской герильи» Маригелла обосновывал необходимость перехода к террористическим формам борьбы наличием двойного террора сверху: террора военных диктатур и террора «индустрии сознания». Он дал характеристику перспективной (национально-освободительная и социальная революция) и ближайших (демонстрация силы «революционного авангарда», деморализация и ослабление правительства, пропаганда действием, самообеспечение) целей городской герильи.

Маригеллой были намечены и охарактеризованы основные формы террористических акций: нападения на полицейские участки и военные казармы; покушения на повинных в репрессиях политических деятелей, юристов, офицеров полиции и армии; налеты на редакции газет, радио- и телестудии с целью воздействовать на средства массовой информации; акции промышленного саботажа и диверсии, с тем чтобы, угрожая экономике страны, действовать обострению кризисной ситуации; «пролетарские экспроприации», важные не только с финансовой стороны, но еще и как тренировочные акции; политические похищения, захваты самолетов, преследующие и финансовые и пропагандистские цели, а также используемые как метод давления на правительство, чтобы добиться освобождения арестованных соратников.

Исходя из принципа «Горстка борцов может обрушить лавину», Маригелла доказывал целесообразность и преимущества «агрессивной тактики», связанной с неожиданным нанесением ударов и мгновенным отступлением. Им предлагалась оптимальная, с его точки зрения, структура террористических организаций, состоящих из небольших, относительно независимых друг от друга групп боевиков, давалось множество практических советов насчет конспирации, тренировки, идейной и физической закалки террористов, способов планирования, подготовки и осуществления террористических акций. Словом, это был документ, вместивший в себя программу,

указ и инструкцию. Не случайно он стал настольной книгой террористов всего мира.

В отличие от их позднейших подражателей в индустриально развитых капиталистических странах, прикрывающих отсутствие позитивной социальной программы декларациями о «коммунизме» и «пролетарской революции», тупамарос и их единомышленники в других странах Латинской Америки такую программу имели. Она включала завоевание экономической независимости, подразумевающее национализацию иностранных предприятий и банков, земельную реформу, структурные преобразования, меры по улучшению труда и быта рабочих, расширению и обеспечению прав профсоюзов и т. д. По своему содержанию эти требования в основном совпадали с требованиями левых партий и профсоюзов. Однако, когда тактические вопросы выходят на первый план, они неминуемо оттесняют на второй программные, в конце концов попросту подменяя их. Но одновременно происходит и эволюция самих программных установок. История тупамарос и родственных им группировок — классический пример справедливости этого положения.

Сегодня, когда подведены грустные итоги латиноамериканской городской герильи, когда она может быть рассмотрена не только сама по себе, но и как первое звено в той левотеррористической цепи, которая несколько позднее опоясала почти весь капиталистический мир, уже кажется странным и неестественным то широкое сочувствие, с которым воспринимались первые шаги тупамарос и их латиноамериканских единомышленников и последователей. А между тем такое сочувствие — реальный факт. Когда в середине 60-х годов среди крестьян одной из уругвайских провинций журналисты произвели опрос, выясняя, что тем известно о тупамарос, оказалось, что известно понаслышке очень немного, но сами тупамарос представлялись крестьянам чем-то вроде ранних христиан. Им симпатизировали интеллигенция, некоторые слои буржуазии и даже часть духовенства. Латиноамериканская пресса популяризировала их операции, культивируя образ самоотверженных борцов за национальную независимость, свободу и социализм. С этим христианским нимбом и героическим ореолом появились тупамарос и на страницах многих европейских газет.

Нельзя сказать, чтобы благожелательное или сочувственное отношение к ним было вовсе неосновательным или диктовалось неизбежным человеческим интересом к рискованным действиям и людям, способным на такие

действия. Латиноамериканские левые экстремисты, вставшие на путь городского терроризма, выступили в этом качестве в период, когда внимание мировой общественности было привлечено к Латинской Америке, «пылающему континенту», народы которого, вдохновленные успехом кубинской революции, поднялись на борьбу против экономического гнета, политического диктата со стороны империализма США и поддерживаемых им тоталитарных режимов. Террористы вышли из недр этого процесса, и на них лег его отблеск, мешавший многим исполненным радужных надежд людям увидеть, что эволюция в направлении к терроризму является свидетельством не дальнейшего подъема, а, наоборот, спада и кризиса национально-освободительного движения, что деятельность террористов не означала переход этого движения к высшей фазе борьбы, но воплощала тенденцию к отрыву экстремистского «авангарда» от масс и последующего разрыва с ними.

Латиноамериканские «левые» террористы объявили свою практику городской герильей, т. е. партизанской борьбой, проводящейся в городах, а не в сельской местности. Смысл этого терминологического приема совершенно ясен: на городской терроризм таким способом распространялся ореол победоносной борьбы на Кубе, в Алжире и ряде других стран. Одновременно подчеркивалась якобы существующая преемственность между партизанской борьбой (герильей) и городским терроризмом, которому придавался облик народного движения.

Подчеркнем сразу, что речь здесь идет не об обращении уругвайских тупамарос и подобных им организаций к вооруженным формам борьбы, а о том характере, который приняла у них эта борьба. В условиях Латинской Америки сама мысль о вооруженной борьбе как наиболее реальном, а чаще всего и единственном пути к свержению неокOLONиализма и военных диктатур в принципе вполне правомерна. Не случайно такое широкое распространение здесь получила партизанская борьба (сельская герилья). Она, как подчеркивал Генеральный секретарь Коммунистической партии Уругвая Р. Арисменди, явилась «плодом социально-политической обстановки на Южно-Американском континенте и его отпора американскому империализму...»².

В то же время сама по себе очевидность мотивов обращения к вооруженной борьбе отнюдь не оправдывает ни абсолютизации этой борьбы, ни тем более подмены подлинно массовых движений авантюристическими на-

сильственными акциями, даже если террористы руководствуются при этом искренним стремлением к свободе и справедливости. Хотя психологическая грань между участием в сельской герилье и осуществлением террористических актов в городах может для самих экстремистов быть достаточно тонкой и неразличимой, объективно она вполне отчетлива, и разница между тем и другим принципиальна.

Герилья — это партизанская война с правительственными силами, ведущаяся в сельской местности. Объектом атак для партизан являются военные соединения противника, своими действиями они стремятся добиться непосредственных материальных результатов: уничтожения живой силы и техники, вывода из строя коммуникаций, освобождения территории. Городская герилья заменяет сражения нападениями из-за угла по сформулированному Маригеллой принципу: «Бей и беги!» И нападениями не столько на правительственные войска (на что у террористов, как показали результаты нескольких неудачных попыток атак на казармы и аэродромы, попросту не имелось достаточных сил), сколько на отдельных, зато высокопоставленных военных. Основным же объектом политических покушений со стороны городских террористов оказались гражданские лица, с которыми партизаны, как известно, не воюют. Городская герилья преследует прежде всего цель вызвать психическую реакцию — создать атмосферу напряжения, страха, паники.

Характерна в этой связи полемика между аргентинскими террористами по поводу осуществленного монтанерос в 1969 г. убийства вице-президента Аргентины генерала Арамбуру. Дебютировав этой акцией, монтанерос преследовали двойную цель: вызвать политический хаос и падение правительства, с одной стороны, и дать отпор либерально-демократическим тенденциям — с другой. Это по их замыслу должно было привести к установлению «народной власти», однако привело только к усилению репрессий. «Революционная армия народа» (ЕРП) осудила эту акцию, повлекшую за собой большие потери в рядах экстремистов. Но любопытна аргументация: лидеры ЕРП вполне солидаризировались с утверждением монтанерос о необходимости создать «климат напряженности», а для этого уничтожать «столпов власти», но считали это преждевременным. Монтанерос, с их точки зрения, «начали с того, чем следовало кончать»³.

Партизанские соединения способны стать центром, к которому стягиваются и вокруг которого вырастают мас-

совые революционные силы. Но террористические группы с их неизбежной законспирированностью, малочисленностью и раздробленностью эту роль выполнять не могут. В ходе герильи в партизанских очагах проводится работа не только по военному обучению, но также и по просвещению и политическому воспитанию бойцов. Для городской герильи, оценивающей людей преимущественно по степени готовности их к террористическим операциям, все это — излишняя роскошь.

Таким образом, если сельская герилья является определенной ступенью развития и формой революционной войны, содержит в себе потенциал для развертывания в подлинно массовое движение, то городская герилья быстро и неминуемо скатывается к чисто террористической тактике, даже если некоторые ее участники и пытаются удержаться в рамках действий, характерных для партизанской войны.

Наконец, если сельская герилья в условиях Латинской Америки может вырасти в силу, способную свергнуть диктаторский режим, то обращение к терроризму само по себе уже признание собственного политического бессилия. Экстремисты, льстящие себе сравнением террористической тактики с откусыванием кусочка за кусочком от артишока, в результате чего плод будет якобы полностью съеден, явственно подменяют анализ последствий террористической практики неадекватным и неубедительным сравнением.

Городская герилья — понятие мнимое и ложное, маскировочная эмблема обыкновенного терроризма. К. Маригелла, поднимая знамя городской герильи, имел мужество трактовать ее именно как терроризм, чего не делают многие из его латиноамериканских и европейских последователей. Однако Маригелла весьма опасался перерождения «идейного» терроризма в поток становящихся самоцелью насильственных акций. Поэтому он настойчиво предупреждал против забвения политической направленности городской герильи, требовал от своих сторонников высокой идейной убежденности и личной нравственности. «Городская герилья, — писал он, — разовьется и упрочится только в том случае, если найдутся люди, способные действовать, не теряя при этом нравственности»⁴. Слова, заслуживающие уважения, тем более что неподдельность убеждений автора подкреплена его жизнью и смертью. Но о какой идейности идет речь? Что, с точки зрения Маригеллы, представляла собой нравственность террориста?

«Долг революционера — в любых обстоятельствах делать революцию»⁵, — гордо декларировал он. Именно революцию! В любых обстоятельствах! Немедленно! А отсюда и любыми средствами! Нравственный порог для Маригеллы лежал не на том рубеже, где забота о благе народа соединена с уважением к воле масс, с признанием права личности на собственные убеждения и саму жизнь, а за его пределами, там, где политические убийства и ограбления отмежевываются от уголовных.

Делая свои первые шаги в городской герилье, латиноамериканские экстремисты стремились к осуществлению бескровных акций. Излюбленными их операциями были налеты на сберкассы, склады оружия, захват заложников. С самими заложниками они, особенно это характерно для тупамарос, обращались корректно, не допуская грубостей и издевательств по отношению к ним. Все это и явилось основанием для обретения ими репутации этих «джентльменов от терроризма», которую они до поры до времени пытались поддерживать. И, однако, не просто «джентльменством», и не только этическими тормозами объясняется бескровный, как правило, исход их акций на начальной ступени деятельности. Решающую роль здесь играли тактические и пропагандистские соображения.

Похищениями и освобождениями видных политических деятелей, юристов, иностранных дипломатов и предпринимателей они стремились привлечь к себе симпатии и заразить массы примером «прямого действия». Внезапными визитами на дом к высокопоставленным чиновникам и сотрудникам репрессивных органов, организацией «народных тюрем», захватом на считанные часы незащищенных поселков они старались создать впечатление о наличии в их странах «второй власти», не менее могущественной, чем правительство, которому таким способом бросался открытый вызов. Вызов эффектный, но не эффективный. Угроза нападения на представителей социальных верхов еще не означает реальной политической власти. Именно в силу этого претенденты на «вторую власть» и не могут, даже если бы они этого захотели, выйти за пределы терроризма. Терроризм аналогичен наклонной доске, сев на верхний конец которой неминуемо скатываешься вниз независимо от того, желаешь ты это или нет.

Вынужденный признать, что акции террористов приводят совсем не к тем последствиям, на которые они рассчитывали, а это в свою очередь требует не предусмотренных ранее реакций и поступков, лидер тупамарос

Л. Мадруга сравнил этот процесс с шахматной игрой, в ходе которой снятие фигуры резко меняет ситуацию, заставляя изменять и план игры. Логика террористической игры неумолима, и она заставила латиноамериканских борборников городской герильи отбросить те нравственные табу, которые ими до поры до времени уважались, признать наивность и несостоятельность попыток примирить непримиримое: шантажировать государство при помощи акций, ставящих на кон человеческую жизнь, и одновременно избегать кровопролития. В ходе операций по захвату заложников, при штурмах полицией убежищ, игравших роль «народных тюрем», жертвами неминуемо становились и похитители и похищаемые. Репрессии со стороны правительства, зверские пытки, применяемые полицией к захваченным боевикам, рост и усиление политической реакции в свою очередь побудили латиноамериканские левотеррористические организации выдвинуть на первый план мотивы самозащиты и возмездия и поставить своей первоочередной целью «прямую и систематическую атаку на репрессивный аппарат», что практически выражалось в целеустремленной охоте на военнослужащих и полицейских.

Латиноамериканские «левые» террористы всячески стремились подчеркивать свое единство с народом. Лозунг тупамарос гласил: «Тупамарос — это народ, народ — это тупамарос!» Осуществляя налеты на сберкассы и банки, захватывая магазины и склады с товарами, герильерос, культивировавшие образ Робина Гуда, раздавали беднякам товары и часть захваченных денег, возмещали убытки мелким вкладчикам, но добиться реального контакта с народными массами и поддержки с их стороны так и не смогли. Легенда о Робине Гуде ценна именно тем, что она — легенда. Вблизи же он выглядит страшноватым. Когда крестьянам или жителям «крысиных поселков» доводилось впрямую сталкиваться с террористами и их благотворительностью, они, как правило, относились к этому с опаской, справедливо полагая, что за этим может последовать нежелательная для них встреча с представителями закона. Цели террористов были для масс неочевидными; сами они, даже будучи окружены романтическим ореолом, оставались людьми непонятными и чуждыми; их методы вызвали любопытство, страх, осуждение или, наоборот, восхищение чужой удалью, наблюдаемой со стороны, но никоим образом не служили примером для подражания. В движении тупамарос, в момент его апогея насчитывавшем, по некото-

рым (вероятно, все же преувеличенным) сведениям, до 5 тыс. человек, приняло участие только 12 рабочих. Остальные — студенческая или дипломированная молодежь.

В искренней любви (или по крайней мере в сострадании) латиноамериканских городских террористов к своим народам не приходится сомневаться. Они отнюдь не презирали массы, не считали их, как европейские леваки, «обуржуазившимися», зараженными тред-юнионизмом и т. д., что, собственно говоря, и невозможно в условиях Латинской Америки. Они исходили из того, что народные массы достаточно «политизированы», но все еще не сознают своей подлинной силы, а потому и нуждаются в прищипоривании примерами «прямого действия» со стороны «революционного авангарда». Однако, в то время как тактика партизанской борьбы, если для этого существуют должные социальные условия, объединяет инициаторов и лидеров этой борьбы с массами, тактика городской герильи приводила к тому, что массы практически рассматривались только как объект политических манипуляций. Сама радикальность выдвигавшихся террористами от имени народа требований имела по существу служебное назначение: она была призвана скомпрометировать в глазах масс легальные формы борьбы и подтолкнуть массы к насильственным действиям террористического типа. Свою заинтересованность в участии в городской герилье рабочих К. Маригелла мотивировал тем, что они лучше, чем террористы-гуманитарии, могли бы осуществлять экономические диверсии.

Да, латиноамериканские поборники городской герильи поначалу старались сохранять лояльные отношения с массовыми организациями. Тезис, гласящий, что террористические группы должны быть не «вооруженной рукой» каких-либо партий, но «вооруженной рукой» народа, аргументировался не только тактическими разногласиями и соображениями конспирации, но также и необходимостью уберечь от репрессий легальные оппозиционные организации. Однако, не получив от последних ожидавшихся признания и благодарности, террористы круто сменили точку отсчета и стали огулом обвинять профсоюзы и рабочие партии в оппортунизме, реформизме и тому подобных смертных грехах.

Осуждение массовыми левыми организациями террористической практики становится для экстремистов поводом к отождествлению позиции этих организаций с позицией властей. «Против народа объединились политики всех мастей: правые и левые»⁶. Характерная формула.

Здесь любопытно не только то, что оказавшиеся в полной изоляции леваки-террористы продолжали в собственном сознании идентифицировать себя с народом. Еще существеннее то, что взамен вчера еще подчеркивавшихся в качестве основных противоречий между классами, между массами и правительством, между нациями и империализмом США они начинают выдвигать на первый план противоречие между «народом» и «политиками», почерпнутое из арсенала, архаичного даже для примитивного популизма и стихийного анархизма.

Да, герильерос строго (значительно строже, чем их европейские подражатели) отбирали объекты и мишени своих атак. Но до поры до времени. Одну из акций по захвату заложников террористы из аргентинской ЕРП решили для большего резонанса приурочить ко дню возвращения в страну Перона. Стычка, происшедшая на дороге, запруженной толпами движущихся на встречу Перона людей, привела к многочисленным жертвам со стороны гражданского населения. Вытесненные из городов и преследуемые правительственными войсками, бразильские террористы в целях самосохранения убивали владельцев захватываемого ими транспорта и крестьян, случайно оказавшихся на их пути.

Да, они яростно ненавидели диктаторские режимы, но их установки и практика только способствовали осуществлению военных переворотов и ужесточению режимов. В качестве «социалистов» они рассматривали любой наличный социальный строй как подлежащий уничтожению и замене «народной властью». Националистический же критерий способствовал обоснованию призыва к немедленному свержению всех правительств, поскольку каждое из них расценивалось как «проамериканское» и «предательское». Таким способом не только нивелировались условия политической борьбы в разных странах континента, но и ставились на одну доску диктатуры военных хунт и парламентские демократические режимы, действительно проамериканские и национал-реформистские правительства.

Да, многие из латиноамериканских террористов-леваков объявляли себя «коммунистами» и «марксистами». Однако широко использовавшиеся ими марксистские категории в их общей системе взглядов были не более чем идеологической арматурой для националистических, популистских, леворадикалистских и различного рода вульгарно-революционаристских идей. Величием и гуманностью провозглашаемых ими конечных целей они преж-

де всего санкционировали свое обращение к крайним, террористическим методам.

Поборники городской герильи попытались использовать в своих интересах привлекательность обаятельного и героического образа Че Гевары. Преклоняясь перед ним, они тем не менее искажали его облик, предвзято и односторонне трактовали его боевой опыт и политическое наследие, выдавая за главное в них частные и не всегда безошибочные стороны. Гевара на основании успеха кубинской революции придал преувеличенное значение тактике «фокизма» — организации партизанского «очага». Не учтя всей совокупности обстоятельств, которые предопределили этот успех, Гевара попытался создать аналогичный «очаг» в Боливии на не подготовленной для этого почве, что стоило ему жизни.

Но, и это главное, Гевара в отличие от геваристов не противопоставлял «очаг» массовой политической борьбе, не считал его первоисточником самой этой борьбы. Более того, вопреки распространенным попыткам изобразить его сторонником только и исключительно вооруженных действий Гевара утверждал, что они допустимы далеко не во всяких условиях. «Там, где правительство пришло к власти через какую-то форму выборов, мошеннических или нет, и где сохраняется хотя бы видимость конституционной законности,— писал он,— там невозможно создание партизанского очага, поскольку остаются неисчерпанными возможности легальной борьбы»⁷. Наконец, Гевара решительно высказался против террористической тактики, указывая, что она неминуемо приводит к отрыву от масс.

История латиноамериканской городской герильи глубоко трагична. Трагична уже потому, что большинство ее участников погибло в ходе террористических операций и в тюремных застенках. Трагична и потому, что на роковой и ошибочный путь встали многие из лучших, идеалистически настроенных представителей молодого поколения. Трагична, наконец, потому, что между их идеалами и объективным результатом их деятельности лежит непроходимая пропасть. Этой деятельностью они сослужили добрую службу лишь реакции. Личные мужество и честность активистов городской герильи не могут перечеркнуть этот итог.

Строго говоря, латиноамериканских городских герильерос нельзя без существенных оговорок квалифицировать как современных «левых» террористов, полностью приравнивая к их европейским, японским, североамери-

канским последователям и подражателям. Здесь речь идет скорее о непосредственных предтечах. Во-первых, в накаленной атмосфере Латиноамериканского континента иллюзии по поводу городской герильи если не более оправданны, то во всяком случае более объяснимы, чем в условиях высокоиндустриальных капиталистических стран с парламентскими режимами. Во-вторых, в устремлениях и мотивациях латиноамериканских экстремистов главную роль играл пафос национального освобождения, а в плане социальном они связали свою активность с целым рядом задач, исторически решенных в Европе, Японии, США, но насущных для Латинской Америки. Наконец, их исходные установки по отношению к массам, их профессиональным и политическим организациям, нормам морали, допустимым и предпочтительным акциям хотя и претерпели в ходе городской герильи серьезную трансформацию, но все же существенно отличались от исходных установок «левых» террористов в главных капиталистических странах.

И однако, городской герилье в Латинской Америке были уже присущи все основные существенные признаки современного «левого» терроризма: отрыв от масс и ориентация на крайние, насильственные и, если можно так выразиться, «кустарные» методы политической борьбы, претензии на роль «пролетарского авангарда» и спекуляция на революционной фразе, культ «прямого действия» и практически превращающейся в самоцель террористической практики. Пожалуй, о латиноамериканской городской герилье правильнее будет говорить не только как о специфической, но и как о незавершенной форме «левого» терроризма. Она еще не эталон, но уже переходная ступень.

Она сыграла важную роль в становлении «левого» терроризма индустриально развитых стран, заимствовавшего у нее не только практический и организационный опыт, но также и теоретическую аргументацию, политические лозунги и даже само наименование городской герильи. Одна из наиболее жестоких европейских левотеррористических групп называлась «Тупамарос Западного Берлина». Европейские, японские, североамериканские «левые» террористы канонизировали образы «мучеников и святых революционной борьбы» в Латинской Америке, стремясь таким способом идентифицироваться не только с ними, но и с теми, кого латиноамериканские экстремисты неправоммерно зачисляли в свои духовные отцы и практические наставники.

С начала 70-х гг. городская герилья, постепенно сходящая на нет в Латинской Америке, на периферии капиталистического мира, начинает перемещаться в его главные центры. В 1970 г. в Латинской Америке осуществлялось вдвое больше террористических актов, чем в Европе. В 1978 г. соотношение было обратным. Стоит еще учесть и то, что к 1978 г. монополия на терроризм в Латинской Америке прочно принадлежала правым группировкам, а в Европе этот год ознаменовался террористическим шабашем «Красных бригад» в Италии и повторным оживлением активности западногерманских «левых» террористов.

В начале 70-х гг. террористические акции проводились почти во всех капиталистических странах. Однако далеко не всегда в каждой из этих стран возникали сколько-нибудь значительные террористические организации. Практически не знали терроризма Скандинавские страны, хотя на их территории инонациональными террористами осуществлялись такие акции, как, например, захват посольства ФРГ в Стокгольме, политические убийства, похищения людей. На территории Бельгии, Голландии, Канады террористическую активность развернули националистические группировки, нередко использовавшие и левацкую фразеологию. Серия взрывов и покушений, прокатившихся по Великобритании в начале 70-х гг., была делом рук сепаратистской экстремистской организации «временная» Ирландская революционная армия. Деятельность же единственной собственно левотеррористической группки, именовавшей себя «Гневными бригадами», оказалась практически незначительной, сведясь к изданию грозных деклараций и нескольким не причинившим значительного ущерба и не повлекшим за собой человеческих жертв взрывам.

В Испании националистический терроризм ЭТА несколько затенил террористическую деятельность левых экстремистских группировок, но сама по себе она была достаточно значительной. Из испанских левотеррористических организаций наибольшую известность приобрела ГРАПО (Группа антифашистского и патриотического сопротивления имени Первого октября), возникшая еще в недрах фашистского режима и привлекавшая к себе впервые внимание вскоре после смерти Франко убийством председателя Государственного совета Ориоля-и-Уркихо. ГРАПО активизировалась в момент начавшегося процесса демократизации страны, резко выступив против его мирного характера, расценив отказ от вооруженных

авантюр как измену делу рабочего класса и социализма, а левые политические партии и профсоюзы — как соглашательские и прирученные буржуазией.

В 1977 г. ГРАПО осуществила убийство председателя Высшего совета военной юстиции, которым открылась серия покушений на военных высшего ранга в демократической Испании. В течение 1977—1980 гг. ею был совершен целый ряд террористических акций, в том числе и осуществленных одновременно в ряде городов взрывов. Деятельность ГРАПО способствовала дестабилизации политической обстановки в Испании, тормозила процесс ее демократизации, играла на руку правым силам и неофашистской реакции. Аналогичные группировки время от времени дают о себе знать и в Португалии.

Стоит упомянуть также и о весьма своеобразном турецком терроризме, представленном, с одной стороны, правыми светскими и религиозными организациями, из которых наиболее известны «Серые волки», возглавлявшиеся отъявленным фашистом полковником Тюркешем, а с другой — рядом левацких группировок различного толка. Характерная особенность турецкого терроризма заключалась в том, что представлявшие его группировки не только совершали многочисленные целенаправленные политические покушения на видных государственных деятелей, юристов, журналистов, ученых, иностранных и турецких военнослужащих, но и систематически использовали безадресный террор, подкладывая бомбы в места скопления большого количества людей.

Еще одна особенность турецкого терроризма состояла в том, что правые и «левые» террористы систематически истребляли друг друга и вступали в открытые вооруженные столкновения между собой, вовлекая в них сотни людей. Не случайно число жертв турецкого терроризма в годы его наивысшего подъема (конец 70-х гг.) измерялось тысячами. Турция — единственная страна в мире, где полицейские, разделившись на два лагеря, создали собственные организации в поддержку правых или «левых» террористов, расклеивали их листовки и манифесты, вступали в вооруженные конфликты друг с другом. Разгул терроризма в Турции спровоцировал утверждение в стране военного режима, разгромившего как «левых», так и правых террористов, но главной своей тяжестью обрушившегося на прогрессивные силы страны.

Своеобразно сложилась судьба экстремистских организаций во Франции. Страна, в которой леворадикалистское движение молодежи имело наибольший размах и

выразилось в самых разнообразных, в том числе и крайних, формах, в течение ряда лет не знала собственного левотеррористического движения, хотя на ее территории располагались штаб-квартиры, убежища, тренировочные лагеря террористов соседних стран. Этот феномен постоянно занимает умы исследователей. Ряд авторов подчеркивают, что наличие во Франции давних демократических традиций, уважение к национальной истории и культуре, память о терроре времен Великой французской революции, о вспышке оасовского терроризма, наличие условий для свободного осуществления оппозиционной деятельности привили французам прочный иммунитет против терроризма, еще усилившийся благодаря проведению террористами других стран ряда кровавых акций на территории Франции.

В конце 70-х гг. во Франции после целого ряда провалившихся попыток организовать себя заявляют о себе и «левые» террористы отечественного происхождения. Идет становление «автономистского движения», оформляющегося в «бригады», «борющиеся за народную автономию». В 1978 г. эти бригады осуществили несколько серий одновременно произведенных в ряде городов взрывов. В ночь на 3 мая 1979 г. левацкие группировки произвели в Париже 11 взрывов в полицейских участках и зданиях правительственных учреждений. В 1979 г. во Франции делается попытка создания единой левотеррористической организации на базе нескольких распавшихся экстремистских групп. Созданная таким образом организация «Прямое действие» осуществила в том же году 12 политических покушений, а также ряд взрывов на предприятиях, в помещениях комитетов политических партий и профсоюзов. В 1980 г. ядро организации было арестовано, и деятельность ее сошла на нет.

Левотеррористические группировки в США были представлены в начале 70-х гг. так называемыми «везерменами» и «Соединенной освободительной армией». «Везермены» выделились из известной молодежной организации «Студенты за демократическое сообщество», бывшей организатором мирных демонстраций против войны во Вьетнаме, рейдов свободы, движения за гражданские права. В 1969 г. эта организация распалась на ряд фракций, в том числе и террористическую. Последняя сложилась из группы экстремистски настроенных белых студентов, объединившихся с определенным числом выходцев из «Черных пантер». Не имея поддержки в студенческой и рабочей среде, «везермены» сделали ставку на

молодежь «из преступных гетто», претендуя на создание первой в истории «революционной уличной банды». Объявив своей целью ликвидацию истеблишмента в крупных городах, «везермены» устраивали погромы в университетах и школах, произвели ряд эффектных взрывов в зданиях, где размещались правительственные учреждения и руководящие полицейские органы, осуществили несколько политических покушений. Группа была быстро разгромлена, некоторые из ее лидеров, исповедовавших самый крайний аморализм и предельный нигилизм, в заключении пересмотрели свои позиции и отказались от них.

Весьма специфический характер имела «Соединенная освободительная армия», основанная группой женщин — тюремных педагогов и психиатров, действовавшая в Калифорнии. К основателям группы примкнуло и несколько их бывших пациенток, вышедших на свободу. В соответствии со своей основной объединительной и душевспасительной идеей «Соединенная освободительная армия» ставила цель сплотить людей различного социального происхождения, представителей разных рас и народов и даже разнообразные социальные группы и партии для борьбы против «фашистского государства». В основе идеологии группы лежала странная смесь религиозно-мистических и социально-политических идеалов. Под соединением (симбиозом) имелись в виду как единение человечества в будущем, так и гармония внутри группы, а также гармоничное, в соответствии с принятой ими трактовкой понятия, развитие личности, сочетающей элитарность и опрощение, активизм и аутсайдерство. Символом группы являлась семиглавая кобра — старинный знак, означающий бога и жизнь. Что же касается социально-политических задач террористической борьбы, то они сформулированы в программной декларации группы следующим образом: «Разрушить все формы и институты Расизма, Сексизма, Эйджизма (возрастных перегородок.— В. В.), Капитализма, Фашизма, Индивидуализма, Собственничества, Конкуренции и все тому подобные институты, на которых основан и которыми закрепляется капитализм»⁸. Эта всеобъемлющая претензия практически реализовалась в нескольких перестрелках, ограблениях и взрывах. Реальную известность группе, более того — сенсационную славу, принесло похищение дочери известного газетного магната Херста Патриции, которая выразила желание вступить в ее ряды и была принята остальными членами, отказавшимися ради обретения но-

вой подруги от выкупа. В ходе произведенной полицией облавы шесть членов организации были убиты, остальные арестованы.

В Японии в качестве вооруженных крыльев левацких молодежных организаций формируются террористические «Красная армия» и «Токийско-Йокогамский совет борьбы против угрозы договора США — Япония». Обе организации дебютировали в 1969 г. Первая осуществила ряд нападений на полицейские участки и экстремистских дебошей в Осаке и Токио, вторая забросала бутылками с горючей смесью территории американского и советского посольств. И та и другая совершили ряд ограблений с целью добычи средств и намеревались приступить к планомерной террористической деятельности. Потеряв в результате арестов многих своих членов, они в июле 1971 г. слились в недолго просуществовавшую «Объединенную Красную армию» (Рэнго сёкигун), на развалинах которой снова возродилась «Красная армия Японии» (КАЯ), ставшая главным представителем и символом японского терроризма.

Целью своей «бескомпромиссной борьбы» японские «левые» террористы объявили организацию нового Интернационала, призванного осуществить «мировую революцию». В изданном ими в 1971 г. сборнике под многозначительным заглавием «Скачок в мировую революционную войну» ставилась задача создания «Красной армии» народов Африки, Латинской Америки, Кореи и Японии и провозглашался курс на продвижение от организации национальных «Красных армий» к созданию «Мировой Красной армии», затем «Мировой революционной партии» и, наконец, «Мирового революционного фронта». Отсюда — апология японскими террористами мировой войны как катализатора революции и первостепенное значение, придававшееся ими задаче «разбить вражеский фронт мирного сосуществования»⁹. Основными врагами мировой революции они объявляют: а) мировой империализм; б) государство Израиль и сионизм; в) антиарабское движение; г) советский ревизионизм. Из этой мешанины кроме всего прочего следует, что претенциозный «интернационализм» японских «левых» террористов явственно, хотя и своеобразно, заквашен на национализме.

На идеологию и психику японских экстремистов, сформировавшиеся под влиянием современной капиталистической цивилизации и искалеченные ею, свой отпечаток наложили и региональное мышление, и остаточные влия-

ния традиционного духа бусидо. Здесь, видимо, и лежат корни той, можно сказать, мистической жертвенности и соответственно не знающей пределов жестокости, которая отличает японских террористов от их далеко не мягкосердечных европейских единомышленников.

Единственные из современных «левых» террористов члены японской «Красной армии», смыкаясь в этом отношении с неофашистами, сознательно и систематически планировали и осуществляли акции, приносившие многочисленные человеческие жертвы. Беспрецедентную, уникальную как по ее бессмысленной жестокости, так и по не менее бессмысленному и фанатичному самоотречению операцию провели трое японских террористов в аэропорту Лод в 1975 г. В ходе массового побоища было убито 26 и ранено 72 человека. Перед операцией современные камикадзе поклялись друг другу умереть на месте и потому, забрасывая гранатами и поливая автоматным огнем пассажиров в зале аэропорта, одновременно стреляли друг в друга.

Всеобщее негодование, вызванное чудовищными преступлениями японских террористов, волна арестов и гибель многих соратников привели к распаду «Красной армии» и эмиграции уцелевших ее членов. КАЯ — единственная левотеррористическая организация, целиком переключившаяся на деятельность за рубежом, где ею был осуществлен ряд крупных террористических акций. В последнее время деятельность организации свелась к публикации пропагандистских материалов и попыткам вербовки новых адептов из японцев, проживающих за границей. Однако ее лидеры не прекращают попыток восстановления организации на территории Японии.

В 1970 г. широковещательными декларациями, «пролетарскими экспроприациями», нападениями на казармы и военные склады, взрывами и политическими покушениями заявляет о себе в ФРГ, а также в Западном Берлине первая четко оформившаяся левотеррористическая организация в Европе — так называемая банда Баадера — Майнхоф, позднее принявшая название «Фракция Красной армии» (РАФ). Параллельно возникает и несколько других левотеррористических групп, среди которых «Движение 2 июня», сложившееся и вышедшее на первый план после ареста первого поколения боевиков РАФ. В конце 70-х гг. разбитое «Движение 2 июня» стало базой для создания «Революционных ячеек», вобравших в себя уцелевших членов старых организаций и привлечших новых адептов. Несколько позднее западногерман-

ские «левые» террористы осуществляли свои акции и под эмблемой организации «Революционный гнев»*.

До похищения и убийства «Красными бригадами» Альдо Моро западногерманские «левые» террористы некоторое время были как бы символом и эталоном «левого» терроризма в Европе. Этому способствовали и склонность западногерманских террористов к эффектным жестам и театрализации акций, и их приоритет в использовании тактики городской герильи, и их «удачливость» на первых порах, когда растерявшееся поначалу правительство ФРГ не находило эффективных средств борьбы против левотеррористической угрозы. Немаловажно и то, что, складываясь из обломков леворадикалистского молодежного движения, левотеррористические организации Западной Германии в отличие от обычной для конспиративных групп практики формировались из людей, многие из которых до этого были на виду, и их биографии были достаточно хорошо известны широкой общественности. А в силу того, что прямым толчком к образованию РАФ послужил побег А. Баадера, организованный У. Майнхоф, которая была опознана, имена руководителей организации не составляли тайны. Большинство из них, и особенно У. Майнхоф, имели широкие связи в интеллигентской, и прежде всего литературно-художественной, среде, отдельные представители которой, идеализируя террористов, на первых порах выражали им симпатии и оказывали определенную помощь.

Лидерами РАФ было выпущено несколько документов, в которых делалась попытка подвести теоретическую базу под террористическую практику и создать более или менее систематическую шкалу аргументаций в ее пользу. Наиболее важные из них — брошюры У. Майнхоф «Концепция городской герильи» и «Городская герилья и классовая борьба», а также распространявшаяся в Западном Берлине 2 июня 1972 г. (к пятой годовщине разгона по-

* Здесь необходимо иметь в виду следующее: в публикациях о «левом» терроризме нередко приводятся названия десятков террористических группировок, якобы существующих в отдельных странах. Однако, когда дело доходит до конкретного анализа, в поле зрения авторов попадают лишь две-три организации. И не только потому, что они наиболее весомые. Многочисленность мелких и независимых групп — факт временный, соответствующий начальным стадиям левотеррористического движения. Позднее они либо сливаются, либо примыкают к более крупным организациям, сохраняя за собой в интересах конспирации и саморекламы старое наименование. Достаточно типично также и выступление под именем новой и самостоятельной организации групп, специально созданных для осуществления разовых операций.

лицией студенческой демонстрации, повлекшего за собой смерть одного из ее участников) брошюра Х. Малера «Заполнить пробелы революционной теории — создавать Красную армию». В «Концепции городской герильи» группа впервые назвала себя «Фракцией Красной армии», подчеркивая тем самым, что она рассматривалась ее лидерами в качестве составной части некой «мировой революционной армии».

Лидеры РАФ объявили, что «революционная партия пролетариата», на роль инициаторов создания которой они претендовали, сможет привести к победе в том случае, если она будет организацией не только политической, но и военной. Однако они никогда не признавали свою стратегию террористической, квалифицируя ее как городскую герилью. В своем коллективном заявлении на суде, отмежевываясь от обвинений в терроризме, они утверждали, что городская герилья «борется против терроризма государства», «вносит страх в аппарат», «вбивает клин между аппаратом и массами», в то время как террористы «делают своим объектом массу»¹⁰.

Деятельность рафовцев, приурочивавших свои кампании к датам, обретшим для них символическое значение, осуществлялась волнами, за которыми следовали периоды затишья. Особенную активность РАФ проявила в конце весны — начале лета 1971 г. и весной 1972 г. В 1971 г. ею было произведено 555 различных операций, экспроприровано более 2 млн. марок. К летней (1972 г.) кампании террористов правительство, ранее проявлявшее известную нерешительность, уже тщательно готовилось. На борьбу с терроризмом было мобилизовано 16 тыс. полицейских. Несколько террористов погибло, попав в облавы и засады. Террористы ответили на это «образцовыми атаками на репрессивный аппарат», устроив настоящую охоту на полицейских и военнослужащих. В мае 1972 г. члены РАФ произвели ряд повлекших за собой человеческие жертвы взрывов в различных городах страны, однако к концу месяца большинство из них было арестовано. По подсчетам специалистов по проблемам городской герильи, к этому моменту на совести «группы Баадера — Майнхоф» было 39 убитых и 75 раненых.

Эстафету у РАФ быстро перехватило «Движение 2 июня». 1975 год был годом его наивысшей активности. Наряду с уже ставшими традиционными формами борьбы «Движение» обратилось и к новым приемам. В феврале 1975 г. им впервые был осуществлен захват заложника — председателя западноберлинской ХДС Петера Ло-

ренца. Лоренц был обменен на группу арестованных членов организации. Позднее они снова появились в ФРГ, приняв участие в нескольких совершенных на ее территории и в ряде других стран крупных акциях, что стало серьезным аргументом для правительства ФРГ в пользу отказа от переговоров с террористами.

Ободренные успехом атаки на Лоренца, лидеры «Движения 2 июня» решили провести еще более крупную операцию, с тем чтобы сорвать открытие процесса над руководителями РАФ и добиться их освобождения. Первая такая попытка была сделана в апреле 1975 г., когда группа террористов попыталась захватить посольство ФРГ в Стокгольме. В результате кровавого столкновения было убито три и ранено 30 человек. 21 мая 1975 г. процесс, которому суждено было продолжаться несколько месяцев, был открыт.

Второй пик активности западногерманских террористов наметился в 1977 г., когда ими была проведена целая серия операций с целью вынудить правительство дать свободу осужденным членам «банды Баадера — Майнхоф». Террористами был похищен генеральный прокурор Карлсруэ Бубак. Несколько позднее (в июле 1977 г.) была сделана попытка похищения руководителя Дрезденер банка Ю. Понто, убитого в ходе операции. Наконец, 5 сентября 1977 г. боевиками восстановившейся РАФ была осуществлена самая знаменитая из акций западногерманских террористов — похищение председателя Союза западногерманских промышленников Ганса Мартина Шляйера. Условием сохранения жизни Шляйеру и его освобождения похитители выставили освобождение группы из 11 осужденных членов РАФ и выкуп в 15 млн. долларов. Правительство, проявив твердость, отказалось вступить в переговоры с преступниками. Спустя шесть недель интернациональной командой террористов был захвачен на Мальорке авиалайнер «Люфтганзы» с 86 пассажирами и 5 членами экипажа. Захват самолета осуществлялся для того, чтобы поддержать требования похитителей Шляйера. Самолет был взят штурмом, а заложники освобождены. Вскоре после этого Шляйер был убит. Лишившись надежды на освобождение, лидеры РАФ Баадер, Энслин и Распе покончили с собой (Майнхоф покончила самоубийством ранее) *.

* Впрочем, в печати усиленно высказывались подозрения о том, что они были убиты тюремщиками. Версия возможная, но недоказанная.

С этого момента западногерманский «левый» терроризм, казалось бы, пошел на убыль. И, однако, на рубеже 70—80-х гг. деятельность «левых» террористов в ФРГ, явно ободренных разгулом терроризма в Италии, снова заметно активизировалась. Выступая под разными, традиционными и вновь изобретенными вывесками, они с конца 1979 по 1981 г. осуществили ряд новых акций, таких, как ограбление банка, организация побегов из тюрем, политические покушения и взрывы. После этого наступил резкий спад активности «левых» террористов в ФРГ. Некоторые специалисты приходят к выводу, что на сегодняшний день «левого» терроризма в стране как сколько-нибудь весомой и организованной силы уже не существует.

Но конечно, наивысшего размаха и уровня «левый» терроризм достиг в Италии. То, что именно Италия оказалась самой благоприятной ареной для развертывания «левого» терроризма, страной, в которой его активность, то несколько затухая, то разгораясь вновь, меняя и совершенствуя формы акций, продолжается уже полтора десятка лет, не случайно. Италия — страна, пережившая период господства фашизма. Ее послевоенная история связана со стремительной ломкой и перестройкой экономических и политических структур. Для нее характерно заметное неравенство в экономическом развитии различных регионов — так называемая проблема «Юг — Север». С грузом унаследованных от исторического прошлого и непреодоленных социальных проблем Италия вступила в эпоху научно-технической революции. Отсюда и особая острота социальных противоречий в стране, и бурные процессы социальной миграции, маргинализации и люмпенизации, и та враждебность, которую вызывает как у правых, так и у левацких элементов наличие мощного рабочего движения, руководимого коммунистической партией. Наконец, именно в этой европейской стране империализм США, заинтересованный в закреплении своего экономического, политического и военного влияния и опасаясь усиления влияния коммунистической партии и профсоюзов, наиболее активно осуществляет свое вмешательство во внутренние дела суверенного государства. Он использует для этого как прямое давление на правящие круги, так и закулисные махинации, в частности тайную поддержку различных враждебных демократии и рабочему движению подрывных сил. А для этого благодатную почву представляют не только профашистски настроенные слои правящего класса, но и люмпенские элементы

как откровенно неофашистской, так и левацкой ориентации.

Говоря о формировании и развитии итальянского «левого» терроризма, следует помнить, что сам этот процесс происходил несколько иначе, чем в таких странах, как ФРГ, США и Япония. Образованию и выходу на политическую арену итальянских левотеррористических группировок предшествовал не только студенческий бунт, но и осуществлявшаяся неофашистами стратегия напряженности, имеющая целью приход к власти наиболее реакционных слоев крупной буржуазии и подавление активности трудящихся масс. Существенной стороной этой стратегии было систематическое осуществление политических покушений, вооруженных нападений на демонстрации трудящихся, организация взрывов в людных местах.

С другой стороны, ответом трудящихся на безнаказанный разгул неофашизма, нестабильность политической обстановки, заговоры со стороны правых сил, рост экономических трудностей была так называемая жаркая осень 1969 г., характеризовавшаяся массовыми забастовками и демонстрациями, занятием предприятий, актами решительного отпора неофашистским бандитам. В этих условиях «левые» террористы попытались примазаться к массовому движению. Это, с одной стороны, создавало в их собственных рядах иллюзорное представление о том, что они ведут «классовую борьбу», с другой — затрудняло распознавание их подлинной сущности и позволило им на время обрести известное число сторонников среди рабочих. С третьей — предопределило специфический путь развития итальянских левотеррористических группировок, прошедших через этап экстремистской деятельности на предприятиях и сравнительно поздно обратившихся к тактике, основанной на политических покушениях.

В отличие от своих единомышленников и предшественников в других европейских странах, не имевших сколько-нибудь значительной социальной базы, итальянские террористы такую базу на начальном этапе своей деятельности имели. Этим объясняется и масштаб итальянского «левого» терроризма, и разнообразие представляющих его организаций, и — частично — его живучесть.

Уже на рубеже 60—70-х гг. в Италии на основе мелких экстремистских групп начали создаваться более крупные левацкие организации, объявившие своей целью осуществление «пролетарской революции» путем вооруженной борьбы. В ходе их дальнейшей эволюции, связан-

ных с ней размежеваний и слияний, ареста и гибели части активистов и притока новых адептов терроризма в Италии в 70-х гг. сложились четыре крупные левотеррористические организации, единые в своей ставке на террористическое насилие, но различающиеся между собой по ряду тактических установок. Это «Красные бригады», «Первая линия», «Пролетарская автономия» и «Вооруженные пролетарские ячейки» (НАП).

«Красные бригады», зародившиеся еще в 1969 г., оформились после ряда неудавшихся попыток внедриться в рабочее движение и изнутри толкнуть его на путь экстремизма в строго законспирированную и широко разветвленную заговорщическую организацию, признающую только метод систематической террористической борьбы и делающую основную ставку на политическое убийство. Сравнительно поздно возникшая «Первая линия» (1977 г.) имела достаточно длительную предысторию, сложившись из представителей распавшихся левоэкстремистских группировок, также поначалу пытавшихся проводить авантюристически-провокационную деятельность на предприятиях и потерпевших на этой стезе крах. «Первая линия», считая себя «вооруженной рукой» рабочего класса, стремилась некоторое время совмещать осуществление террористических акций с организацией бунтарских выступлений на заводах, но быстро перешла к чисто террористической практике. «Рабочая автономия», сложившаяся к середине 70-х гг., — организация, не имеющая четкой структуры в значительной мере по причине анархистских наклонностей как ее лидеров, в числе которых небезызвестный профессор А. Негри, так и основной массы активистов. «Рабочая автономия» претендовала на создание так называемой массовой нелегальности, что на деле выражалось в осуществлении толпами разнузданных юнцов бандитских акций на улицах, площадях, в университетах. Наконец, НАП, созданная на юге страны группой студентов-леваков в середине 70-х гг., основной костяк которой составляли люмпены и уголовники, и соответственно наиболее склонная к грабежам и бесчинствам, прикрываемым эмблемой «революционной войны». Левотеррористическое движение в Италии выступило, как видим, в различных ипостасях. Однако различия эти все же не стоит преувеличивать. Они относятся не к существу дела, а к предпочтительным формам осуществления насилия и убийств.

Если же взять итальянский «левый» терроризм в целом, то, исключая взрывы на вокзалах, в поездах и бан-

ках, являющиеся прерогативой неофашистов, пожалуй, нет такой разновидности террористических акций, которые не были бы использованы им. «Левые» террористы осуществляли взрывы на промышленных предприятиях, в полицейских участках и военных казармах, в помещениях политических партий и редакций газет. В арсенале их средств — грабежи банков, захваты самолетов, похищения людей, политические убийства. Их мишенями становились как рядовые полицейские и военнослужащие, так и офицеры самого высокого ранга, как управляющие и хозяева фирм, так и простые рабочие. В числе их жертв — журналисты, врачи, высокопоставленные государственные служащие, видные политические деятели, юристы и рабочие, отъявленные реакционеры, либералы и коммунисты. Наряду с общепринятыми типами террористических акций у итальянских террористов имеются и свои собственные приемы и методы устрашения. К таким относятся, например, стрельба по ногам и организация тюремных бунтов.

Итальянские террористы значительно превзошли западногерманских, у которых в свое время многому научились, по количеству непосредственно вовлеченных в свою деятельность людей — глубоко законспирированных боевиков, легальных членов организаций и примыкающих к этим организациям сочувствующих, общее число которых расценивается в прессе по-разному, но так или иначе исчисляется десятками тысяч. Превзошли они их и по количеству осуществленных операций. Так, если в 1975 г. ими было проведено 750 террористических акций (цифра, еще сопоставимая с количеством акций РАФ), то в 1979 г. — около 2 тыс. Не имеют себе равных по своему политическому резонансу и некоторые из операций итальянских «левых» террористов. Достаточно назвать, с одной стороны, кровавые буйства «автономистов» в ряде городов страны, а с другой — похищение и убийство лидера христианско-демократической партии, кандидата на пост президента страны Альдо Моро, ставшее символом современной террористической акции и показателем уровня амбиций и практических возможностей «левых» террористов.

В последние годы левотеррористические организации в Италии понесли серьезные потери и резко сократили свою активность. В 1981 г. в стране было осуществлено 369, а в 1982 г. — 174 террористических акции. Резкий спад налицо. Однако 300 и 200 акций — цифра тоже немалая, и говорить о том, что итальянский «левый» терро-

ризм перестал представлять социальную опасность, еще рано, хотя очевидно, что левотеррористический пожар в стране уже затухает.

Появление «левого» терроризма на политической арене индустриально развитых капиталистических государств стало стимулятором для активизации деятельности террористических организаций самых различных направлений. Оно способствовало оформлению нескольких националистических группировок в Западной Европе и на Северо-Американском континенте. Ободренные появлением в центре капиталистического лагеря враждебных существующему обществу экстремистских группировок, поторопились наладить с ними контакты некоторые националистические террористические организации из развивающихся стран. Одновременно происходила идеологическая модернизация этих организаций, позаимствовавших у «левых» террористов ряд политических лозунгов и теоретических аргументов в целях лучшей адаптации к современным условиям и обретения более привлекательного облика.

Возникает своеобразная мода на терроризм. И уже заявляют о себе захватом пассажирского авиалайнера никому не ведомые раньше «Освободители Кroatии», совершают налет на мусульманскую святыню — мечеть в Мекке религиозные фанатики-сектанты, объявляют себя политическими военнопленными, осуществлявшими «пролетарскую экспроприацию», захваченные с поличным в момент ограбления сберкассы итальянские уголовники.

Использованный нами применительно к распространению «левого» терроризма по странам капиталистического мира образ лесного пожара выглядит достаточно убедительным. И все же в нем содержится определенная неточность. Он предполагает как бы цепочку последовательных возгораний, берущих начало от первого источника огня, из одного очага. Между тем левотеррористический пожар вспыхнул одновременно в самых разных точках земного шара: в Европе, Америке, Азии. А это уже наводит на мысль о самовозгорании, перемещающая центр внимания с внешних воздействий, которые конечно же не следует сбрасывать со счетов, на внутренние коренные причины его возникновения.

Почва и корни

Разгул «левого» терроризма в цитаделях капиталистического мира оказался для западных политологов не только неожиданным, что сравнительно естественно, но и опрокидывающим их устоявшиеся теоретические конструкции. С конца 50-х гг. буржуазные идеологи раздували мифы об «экономическом чуде» и «обществе благоденствия», сеяли иллюзии насчет прочности и незыблемости «западной демократии». В соответствии с духом этих успокоительных мифов рождалась и мысль, что терроризм как способ политической борьбы, применяемый сознательно и систематически, мог использоваться лишь на уже пройденных западным миром ступенях исторического развития и во всяком случае никак не способен стать сколько-нибудь значительным явлением в «цивилизованных странах». Что же касается акций неофашистов, то они трактовались как пережитки еще не до конца преодоленного прошлого.

В пользу этой точки зрения, казалось бы, говорил и тот факт, что с укреплением массовых профессиональных и политических организаций на десятки лет сошел с политической арены левооппозиционный терроризм, решительно отвергнутый и осужденный рабочим движением. Не подвергавшаяся практическому испытанию на прочность, данная точка зрения, никогда не оформлявшаяся теоретически, но выступавшая в качестве широко распространенного умонастроения, казалась незыблемой и едва ли не аксиоматической. Даже прокатившаяся по западному миру волна студенческих бунтов, крайние формы которых уже несли в себе и идейные и практические предпосылки для перерастания в терроризм, не пошатнула этого убеждения. Тем основательнее был шок от краха иллюзорных представлений об иммунитете развитых капиталистических стран к терроризму, когда его очаги переместились с периферии мировой капиталистической системы в ее главные центры.

Первым движением души ведущих политических деятелей капиталистического мира и правых идеологов было стремление снять ответственность за появление терроризма с буржуазного общества. «Одно мы знаем совершенно точно: у молодежи в [Западной] Германии никогда еще не было так много свободы, так много уверенности в завтрашнем дне и так много шансов для образования и

жизни, как в настоящее время»¹, — с наигранным или действительным недоумением заявлял канцлер Г. Шмидт. Политолог и полковник швейцарского генерального штаба Г. Деникер попросту объявил терроризм отнюдь не признаком неблагополучия западного мира, а реакцией и атакой на его благополучие.

Не будем с порога отбрасывать эти явно тенденциозные утверждения. Как и во всякой неправде, в них содержится необходимая для демагогии доля извращенной истины. Факт остается фактом: первые вспышки левотеррористической активности в центрах мирового капитализма, как и предшествующие им студенческие бунты, в ходе которых сформировалось поколение пионеров «левого» терроризма, относятся к периоду, когда экономический кризис, позднее охвативший весь капиталистический мир, еще только намечался. Если же учесть, что большинство террористов вышло из буржуазных и интеллигентских семей, то следует признать, что не непосредственные и личные материальные трудности стали поводом для их обращения к экстремистским формам социальной борьбы. Однако и этот тезис требует существенных оговорок: в Италии с ее застарелыми социально-экономическими болезнями дыхание кризиса ощущалось уже в этот период. Что же касается второго и третьего поколений «левых» террористов, то они осуществляли свой политический выбор уже в разгар кризиса, охватившего и самые благополучные в прошлом страны капитала.

Справедливо и то, что в отличие от Латинской Америки появлению «левого» терроризма в европейских странах, США, Японии не предшествовали подъем освободительного движения масс и революционная ситуация. Здесь их заменил студенческий бунт, в свою очередь никак не продиктованный наличием революционной ситуации. Но это, являясь характеристикой специфики «левого» терроризма в развитых капиталистических странах, отнюдь не говорит о том, что у него не имелось социальных основ.

Между тем, ссылаясь на эту специфику и на то, что террористический пожар в одних случаях охватил страны различного социально-экономического уровня, а в других не распространился на все страны примерно одинакового типа, некоторые западные политологи поторопились объявить терроризм явлением, не имеющим никаких принципиальных социальных оснований и корней под собой.

Так, весьма авторитетный на Западе историк и теоретик терроризма У. Лакёр утверждает: «Объяснять таинственный характер террористического движения ссылками на общие экономические законы — все равно что использовать гигантские щипцы с целью расколоть тонюсенькие предметы, которые могут вовсе и не быть орехами. Не должно быть иллюзий по поводу того, что можно выяснить о происхождении и характере терроризма: все, что может быть установлено, — это то, что в одних обстоятельствах терроризм чаще осуществляется, чем в других, и что в некоторых обстоятельствах он может вообще не иметь корней»².

Конечно, ни терроризм, ни любое другое социальное явление не может быть объяснено одними ссылками на общие экономические законы. Для понимания любого общественного феномена необходимо исследовать в совокупности самые различные экономические, политические, идеологические, психологические факторы. Это азы. Также из области азов и то, что не всякие семена дают всходы, но не бывает всходов без семян и корней. Иной вопрос — почему в одних случаях эти всходы появляются, а в других нет. Тут-то и необходим научный анализ. Однако Лакёр останавливает свое внимание на сложности проблемы не во имя выяснения сути дела, а для того, чтобы, ссылаясь на эту сложность, заявить, что выяснить ничего невозможно. В терроризме, по его мнению, наличествует «случайный, недоступный для постижения элемент»³.

Позиция для ученого удивительная, но в данном случае легкообъяснимая: автор открыто воюет против мысли о том, что терроризм «возникает там, где есть законный повод для недовольства». Он спорит с теми, кто считает: «Уберите поводы, уберите бедность, неравенство, несправедливость, недостаточность политического участия — и террор прекратится». Нет, утверждает Лакёр, «недовольство всегда было, и, учитывая несовершенство человеческой природы и социальных институтов, оно может быть уменьшено, но не искоренено полностью»⁴. Логика странная: коль скоро недовольство есть всегда, а терроризм существует не всегда, следовательно, условия, вызывающие недовольство, не могут рассматриваться как социальные основания терроризма.

Не более логичен и второй аргумент автора — ссылка на то, что в рамках диктаторских режимов, где царствует несправедливость и уничтожено «политическое участие», терроризм проявляется значительно реже, чем в обще-

ствах представительной демократии. Естественно. Но все не потому, что там не имеется социальных оснований для вооруженного протеста, а по той простой причине, что государственный террор сверху подавил всякий протест. Надо очень уж не хотеть смотреть правде в глаза, чтобы прибегать к столь сомнительным и уязвимым доводам!

Этим нежеланием смотреть правде в глаза порождаются у правых идеологов самые разнообразные, используемые поодиночке или суммарно, односторонние и ложные характеристики природы «левого» терроризма и причин его возникновения.

Некоторые из западных политологов попытались объяснить возникновение «левого» терроризма такими сугубо личностными качествами его адептов, как патологическая предрасположенность к преступлению, врожденная агрессивность, душевные болезни. Между тем специфичность морально-психологического облика террористов, о котором мы еще будем подробно говорить, вовсе не снимает вопроса о социальных предпосылках «левого» терроризма, равно как и об условиях и причинах формирования такого облика. Другие основную причину всех бед усматривали в «молодежном студенческом активизме». (Удобный термин. С его помощью все списывается на юношеские порывы, усиленные до социально значимых выступлений тем, что в университетских городах молодежь самого беспокойного, «опасного» возраста собирается в тысячные коллективы. Не социальный конфликт, но конфликт поколений, неожиданно приобретший крайние формы.) Третьи главную вину возлагали на распространение и влияние «революционных доктрин», одновременно обходя вопрос, чем вызвано это распространение и влияние. Наконец, четвертые, среди которых наряду с ангажированными журналистами оказались и некоторые занимающие подчас самые ответственные места политические деятели ряда стран, закрывая глаза на явную антисоветскую настроенность «левых» террористов, заговорили об искусственном насаждении терроризма извне и о пресловутой «руке Москвы».

Примитивная тенденциозность, несостоятельность и бесплодность подобных суждений справедливо подвергаются критике в работах многих западных террологов, стремящихся в меру им доступного разобраться в социальных истоках «левого» терроризма. «Отношение к коммунизму как к архиврагу ослепляет нас в отношении более элементарных сил»⁵, — пишет американский политолог О'Брайен. «Гораздо важнее изучить причины этого

мятежа, чем строить предположения о поддержке, которой он располагает», — подчеркивает автор книги «Террористический вызов» Р. Соле, серьезный знаток итальянского терроризма, расценивающий его как «симптом, следствие и фактор дальнейшего углубления кризиса современного общества»⁶. Этой позиции сегодня придерживается большинство мало-мальски добросовестных политологов и публицистов на Западе, кроме отъявленных реакционеров. В принципе мысль о том, что «политический терроризм есть очевидная болезнь современного мира»⁷, стала в западной прессе вполне расхожей. «Грипп», «гангрена», «язва», «раковая опухоль» — эти образные сравнения постоянно мелькают на страницах посвященных проблеме терроризма работ. Для подавляющего большинства политологов либерально-демократической ориентации (а они составляют основное ядро западных террологов) проблема сегодня состоит не в констатации факта «болезни общества», но в диагнозе этой болезни, в его полноте и точности.

Но как раз полноты и точности обычно и не хватает, поскольку либеральные идеологи, рассматривая подчас весьма подробно и основательно отдельные социальные процессы и явления, которыми непосредственно вызываются к жизни ненависть к существующему положению дел и бунтарские настроения, питающие террористический активизм, как правило, не изучают их в комплексе. Но даже когда они делают такую попытку, они не затрагивают глубинных и фундаментальных причин явления, говорят о кризисе не капиталистического, но «современного» общества. В результате многочисленные выделенные ими факторы, непосредственно способствующие появлению и росту «левого» терроризма, сами остаются без должного объяснения. Не рассмотренные в свете необходимой причинно-следственной связи, эти факторы как бы уравниваются между собой, что в конечном счете позволяет произвольно выдвигать один из них на первое место. Чаще всего это место отводится влиянию «коммунистической идеологии» и якобы имевшей место в недавнем прошлом «экстремистской политике» коммунистических партий. Подход буржуазно-либеральных идеологов к «левому» терроризму — классическая иллюстрация ленинской мысли о том, что такие идеологи способны давать массу ценных и верных отдельных сведений, но им нельзя верить ни в едином слове, когда дело доходит до принципиальных идейно-теоретических обобщений.

Совершенно очевидно, что терроризм (в том числе и

«левый») не вырастает автоматически из системы капиталистических экономических и политических отношений. Иначе вся история капиталистического общества была бы не чем иным, как сплошным процессом непрекращающейся террористической борьбы. Но не менее очевидно, что конкретные условия, способствовавшие подъему террористической волны, сформировались именно на основе капиталистических отношений в их современной модификации.

Уже молодежное движение 60-х гг. было плотью от плоти «процветающего» «общества потребления». Вопреки апологетической рекламе промышленный бум не привел к ликвидации бедности, но значительно расширил и углубил пропасть между нищетой и богатством, особенно бросающуюся в глаза на фоне радужных картин, рисовавшихся оптимистами из лагеря буржуазных экономистов. Не привел он и к ликвидации диспропорций в экономике, равно как и безработицы. Наоборот, последняя стала распространяться на слои, которые раньше считали себя защищенными от нее своим образованием и квалификацией. Интеллигентная молодежь, на собственной шкуре испытав, что значит быть пасынками капиталистического общества, получила серьезный политический урок и иными глазами взглянула на положение традиционных париев этого общества.

Научно-техническая революция, сопровождавшаяся ломкой социальных структур и переоценкой ценностей и престижа профессий, выбила из привычной жизненной колеи и деклассировала целые социальные слои. Отсутствие прочного места в общественной системе и уверенности в будущем стало уделом этих слоев, порождая чувства отчаяния и ненависти. Во многом прав Овид Демарис, автор книги «Братья по крови», когда пишет, что «политический терроризм есть побочный продукт индустриальной революции, беспорядка, порожденного разрушением старых моделей жизни»⁸. Не прав он, однако, в главном — в том, что умышленно ограничивается словами об индустриальной революции, опуская решающее дополнение: в условиях капиталистического строя.

Другим существенным фактором, сыгравшим важнейшую роль в формировании социального сознания молодежи, способствовавшим резкому росту настроений протеста, явилась милитаристская политика империалистических держав (и особенно США), которые вели открытую борьбу против национально-освободительных движений в развивающихся странах, насильственно на-

саждали и всеми средствами поддерживали диктаторские репрессивные режимы. Особое значение в этом плане имели война во Вьетнаме и острейшие конфликты на Ближнем Востоке.

На современном уровне глобальной взаимосвязи ни одна серьезная политическая акция, проводимая империалистическими странами в регионах, все еще по старинке расцениваемых реакционными политиками как отдаленная и зависимая периферия, не остается без обратного влияния на ситуацию и политическую атмосферу в самих этих странах. В справедливости данного положения американцы имели печальную возможность убедиться во время агрессии США во Вьетнаме. И кроме растревоженной совести и жгучего стыда за содеянное американской военщиной не менее весомым аргументом оказались для многих американцев цинковые гробы, в которых привозили из-за океана останки их мужей, сыновей, братьев. Массовый отказ молодежи США от призыва в армию, развертывание антивоенных кампаний стали выражением антиправительственных настроений, привлекали внимание к другим большим вопросам, способствовали формированию различных организаций протестующей молодежи.

Война во Вьетнаме, неблагоприятная роль Вашингтона и его союзников по НАТО в ближневосточном конфликте, поддержка США реакционных режимов в развивающихся странах оказали влияние на развертывание молодежных движений протеста в США, Европе и Азии. Толчком к росту антиимпериалистических настроений, к осуждению политики США и идущих в ее фарватере собственных правительств явилось также и наличие иностранных военных баз на территории ряда стран, и всевозрастающее влияние международного капитала на экономику этих стран. Все это послужило усилению симпатий к народам так называемых стран третьего мира, росту чувства солидарности с ними, ощущению известной общности исторических судеб. Не случайно, например, первыми заметными выступлениями молодежи в Западном Берлине были демонстрации протеста против визитов вице-президента США Г. Хэмфри и свергнутого позднее шаха Ирана.

Важную и неоднозначную роль в формировании отращения к существующему обществу сыграла пронизывающая все его поры атмосфера насилия. Мирные демонстрации трудящихся и студентов, протестовавших против милитаристской политики правящих верхов, расовой и

социальной несправедливости, нарушения демократических свобод, разгонялись полицией при помощи дубинок, водометов, слезоточивого газа, огнестрельного оружия. На фоне насилия, осуществлявшегося государственными органами, разворачивались насильственные действия неонацистских и расистских организаций, пользовавшихся покровительством со стороны властей.

И одновременно безнаказанная деятельность мафии, стремительный рост массовой преступности, культ насилия, эстетизируемого средствами массовой информации. Дух насилия вызывал двойной резонанс: с одной стороны, недоверие к власти и скепсис по отношению к демократизму существующих режимов; с другой — убежденность, что в этой атмосфере эффективный протест может быть только насильственным. Такая убежденность оказалась присуща и людям, не склонным к насилию. «Выстрелы — вот единственное, что вы порождаете по всему миру... И поскольку выстрелы — это единственное, что вы хотите слышать, вы их и услышите». Кто это говорит? Отъявленный террорист? Нет, очень миролюбивый хиппи по имени Майкл, тихий эскапист, оказавшийся в драматической ситуации способным на ненависть, но отнюдь не на адекватное ей действие. И говорит он это на процессе над сержантом ВВС, убившим другого хиппи, которого полюбила его дочь. Майкл — герой романа знаменитого американского писателя и режиссера Элиа Казана «Убийцы». Может быть, мы имеем дело только с писательским вымыслом? Если бы...

2 июня 1967 г. во время разгона студенческой демонстрации против визита в Западный Берлин иранского шаха одним из полицейских выстрелом в спину был убит студент-теолог Онезорг. На следующий день в университете состоялся бурный митинг. И здесь впервые прозвучали слова о необходимости на насилие отвечать насилием. Одна из студенток кричала наэлектризованной толпе: «Это фашистское государство, готовое убить нас всех, это поколение Освенцима, с которым словесные споры бесполезны»⁹. Студентку звали Гудрун Энслин. Она готовилась стать педагогом, отлично училась, с увлечением работала с детьми в приюте. Спустя некоторое время она вместе с А. Баадером и еще двумя молодыми людьми подожжет универсам во Франкфурте-на-Майне, а немного позднее станет одним из организаторов и «мотором» «банды Баадера — Майнхоф».

Наконец, сложившаяся за послевоенные годы система истеблишмента, зарегулированность всех областей об-

щественной жизни, одурманивающие сознание манипуляции со стороны средств массовой информации, рост бездуховности и распространение чисто потребительских ценностей нанесли решительный удар по традиционным мелкобуржуазным иллюзиям о свободе личности в условиях капиталистической демократии. Реакцией на это со стороны значительной части интеллигенции (и прежде всего студенческой молодежи) явилась общая враждебность к современной ей цивилизации и культуре, стремление к созданию в противовес им собственной «контркультуры». Протест против обесценивания человеческой жизни, «отчуждения» личности и тенденции к превращению ее в «одномерного человека» выразился у этой части молодежи в тотальном отрицании всех институтов, норм и ценностей современного общества, или, говоря словами кумира и пророка леворадикалистского движения Герберта Маркузе, в Великом Отказе.

Великий Отказ на практике выражался и в богоискательстве, и в бродяжничестве, и в злоупотреблении наркотиками, и в пресловутой «сексуальной революции», и одновременно в реальной борьбе за права обездоленных слоев общества, в антивоенных и антирасистских демонстрациях протеста. В расплывчатых рамках бесформенного и разнопланового движения, объединенные ненавистью к одному врагу — официальному обществу и принятому им образу жизни, сосуществовали совестливые чудачки с обостренным чувством социальной вины и самоутверждающиеся карьеристы, аполитичные созерцатели и озлобленные, завистливые молодчики с фашистской психикой, потенциальные уголовники, готовые мстить за свою бедность и духовное убожество всему человеческому роду, и бескорыстные фанатики, мечтающие о всеобщем счастье, убежденные бездельники, невротаты и извращенцы и люди, социально активные, стремящиеся придать настроениям недовольства и протеста какую-то политическую направленность и хотя бы относительную организационную форму. Оно было представлено как повсеместно создававшимися в этот период студенческими организациями, так и наскоро сбившимися во временные стаи хиппи, всевозможными «лигами бродячих бунтовщиков гашиша» и даже «фронтами гомосексуалистов революционного действия».

Но сколь разнообразными и причудливыми ни были иногда формы этого протеста, какие бы разнородные элементы ни включались в данный процесс, сам по себе он был показателем глубокого кризиса и разложения бур-

жуазного общества. Категорическое неприятие молодежью существующей системы выразилось в серии студенческих бунтов, прокатившихся с весны 1968 г. по всему капиталистическому миру.

Превращение студенческих кампусов в Гуляй-Поле. Занятие университетов и изгнание оттуда профессоров. Издание ширококвотельных манифестов, в которых справедливые демократические и антивоенные требования молодежи сочетались с нелепыми и невежественными декларациями о том, что студенчество — главный угнетенный класс. Бесперывные сходки под лозунгами: «Бунт — дело правое!», «Чего мы хотим? Всего!» Эйфория от обретенной фиктивной свободы и торжество раскрепощенного секса. Акты буйного вандализма во имя осуществления «права на ненависть» и попытки ввести стихийное движение в организационные рамки. Надежда на немедленное свержение капитализма и возведение баррикад, защищаемых при помощи тухлых овощей. Призывы к насилию и отказ от вооруженного насилия. Смесь политики с игрой и игра в политику. Но какой яростный всплеск ненависти! И ненависти глубоко обоснованной!

За объединяющей молодых бунтарей ненавистью к существующему обществу, за их единодушным протестом против милитаристской политики империалистических государств, и в частности войны США во Вьетнаме, проступали и различия идейных установок и мотиваций участников бунта. Для их экстремистского крыла было характерно отождествление критики капитализма с тотальным отрицанием, подмена первой второй. От этого крыла исходили призывы жечь города и разрушать промышленные предприятия (что считалось равнозначным уничтожению социального гнета). Представители этого крыла осуществляли хулиганские уличные хепенинги — полуимпровизированные представления, в ходе которых попадавшие в сферу внимания экстремистов случайные прохожие подвергались унижениям и издевательствам. И даже справедливый протест против войны во Вьетнаме в их устах приобретал зловещую окраску. Речь на деле шла не только и не столько о солидарности с борющимся за свою свободу народом, сколько об обосновании права на ненависть и тотальное отрицание. Естественно, что неодинаковы были и дальнейшие пути, избранные участниками студенческого бунта.

После «студенческой весны» многие ее участники разочаровались в политике и отошли от всякой общественной деятельности. Другие навсегда открестились от

«заблуждений молодости» и стали делать карьеру. Третьи, отвергнув идею «спонтанного бунта», нашли свое место в рядах коммунистических и социал-демократических партий. Четвертые обратились к новым социальным идеям, став поборниками левосоциалистической трактовки самоуправления или активистами движения так называемых зеленых. Пятые старались совместить экстремистские убеждения с легальной деятельностью. И наконец, шестые, почувствовав, что зашли в тупик, обратились к террористической тактике.

После поражения студенческого бунта у «революционеров», с их точки зрения, оставался лишь выбор между вербальным протестом и насильственными вооруженными действиями. В эффективность вербального протеста в существующих условиях они не верили, и им оставалось уповать только на террористическое насилие. При этом само обращение к оружию в их глазах становилось главным признаком «революционности» и левизны. Пока пресса и политические деятели через розовые очки наблюдали, как в потревоженном доме восстанавливается порядок, он снова запылал с разных сторон. На этот раз речь шла не о массовых спонтанных бунтах, но об агрессивных насильственных действиях небольших группировок экстремистов.

То, что большинство членов первых левотеррористических организаций (хотя далеко не все из них) вышло из рядов молодежного движения и принимало участие в студенческом бунте,— реальный факт. На своей кровнородственной связи с молодежным бунтом нередко настаивают сами «левые» террористы, таким образом пытающиеся доказать, что они представляют массовое движение, своими действиями поднимают это движение на новую, «высшую» ступень. На этом же постоянно заостряют внимание правые политологи, стремящиеся распространить на левые молодежные движения характеристики и оценки, правомерные только применительно к «левому» терроризму. На этом пытаются играть и реакционные политики, предпринимая под флагом «борьбы с терроризмом» действия, направленные против всех левоопозиционных сил.

Однако очевидно, что обращение к терроризму, каково бы ни было прошлое людей, вступающих на эту стезю, и чем бы они ни аргументировали этот шаг, есть решительный разрыв с определяющими существо и смысл молодежного движения демократическими устремлениями, с его главными тактическими установками и нравственно-

ми принципами большинства из его участников. Не случайно поэтому, что лишь очень немногие из активистов молодежного движения и участников студенческого бунта оказались в рядах террористов. Большинство же из них не только отказались следовать по этому пути, но и решительно осудили его. Любопытно в этой связи признания Аллена Жейсмара, одного из наиболее экстремистски настроенных лидеров французской молодежи, генерального секретаря национального союза студентов во время событий 1968 г., сделанные им в его недавно вышедшей книге «Шестерня терроризма». А. Жейсмар вскоре после студенческого бунта стал одним из лидеров известной левоэкстремистской организации «Пролетарская левая», создавшей военизированную группу, осуществившую ряд насильственных, но бескровных акций. Группа, оказавшись на пороге превращения в подлинно террористическую организацию, удержалась от этого, а в 1973 г. объявила о своем самороспуске. Причинами такого шага, согласно Жейсмару, были, во-первых, соображения нравственного порядка, а во-вторых, память о мае 1968 г. как практическом примере массового и ненасильственного движения. Конечно, эта оценка далеко не во всем объективна (память автора, сглаженная временем, опускает некоторые эксцессы молодежного бунта), но показательны уже сам принцип решительного противопоставления его терроризму и основания для этого противопоставления.

С другой стороны, преемственная связь (но отнюдь не тождество) идеологических установок «левого» терроризма с лозунгами и мотивациями студенческого бунта не менее очевидна. Но отсюда как раз следует вывод, что возникновение и распространение этой крайней и извращенной формы социального протеста имеют под собой объективные основания, порожденные природой и условиями современного капиталистического общества.

Наиболее серьезное развитие «левый» терроризм получил в ФРГ, Италии, Японии. Не Бельгия и Голландия и не Скандинавские страны, относительно слабо затронутые студенческим бунтом и практически не знавшие отечественного «левого» терроризма. Не Англия, где за заревом сепаратистского терроризма почти незаметными оказались первые, тут же погашенные огоньки левоэкстремистского насилия. И даже не США, страна, в которой продажа оружия для индивидуального пользования является доходнейшим бизнесом, а владение им рассматривается как одна из «неотъемлемых свобод» человека, где

дело ограничилось кратковременной вспышкой активности двух карликовых и юродствующих террористических группок. Наконец, и не Франция, в которой студенческие волнения приняли самый масштабный характер, что по формальной логике, казалось бы, предвещало и наибольшую активность террористов. Но передовая с точки зрения промышленного развития Западная Германия и значительно отстающая от нее Италия. И одновременно специфичная во многих отношениях, но вполне сопоставимая в социально-экономическом плане с ФРГ и заметно отличная от Италии Япония, многими тысячами километров отделенная от обеих этих стран-соседей.

За разноречивостью данных фактов может легко потеряться четкое представление о закономерной логике происхождения и развития «левого» терроризма. Этой возможностью, как мы видели, не преминули воспользоваться некоторые правые политологи типа У. Лакёра. Однако специфическая география «левого» терроризма на деле является одним из самых весомых аргументов в пользу тезиса о его социальной обусловленности.

Мы не имеем возможности в пределах данной работы заниматься конкретным исследованием вопроса о том, почему и каким образом в целом ряде высокоразвитых капиталистических стран не развернулась террористическая борьба. Каждый из таких случаев требует серьезного и тщательного анализа экономического положения, политической ситуации, идеологической атмосферы в стране, национальных традиций, политики государства и общественных организаций, настроения масс и т. д. Однако невозникновение терроризма в одной стране отнюдь не довод для отрицания закономерности его появления в другой.

Другой вопрос, что возникновение и развитие левотеррористических тенденций предопределяется конкретной совокупностью необходимых для этого объективных и субъективных условий, особых для каждой страны, что и накладывает свой отпечаток на характер социальной базы, состава, мировоззрения и тактических приемов «левого» терроризма в данной стране, ограничивает или расширяет его размах. Но признание специфики не основание для отрицания общности. И в этой связи небезынтересно подумать о том, почему именно ФРГ, Италия и Япония оказались странами, где возникли наиболее активные организации «левого» терроризма.

Прежде всего их объединяет сравнительно давнее, но до сих пор дающее о себе знать историческое прошлое.

Все они были фашистскими странами, развязавшими вторую мировую войну, потерпевшими в ней сокрушительное поражение и испытавшими на себе в полной мере последствия послевоенной разрухи. Их экономический взлет действительно походил на «чудо». В то же время, занимая в течение определенного периода ведущее место по темпам роста производства среди капиталистических стран, они впоследствии острее, чем многие другие, ощутили воздействие спада и кризиса.

ФРГ, Япония, Италия — государства, входящие в агрессивные блоки, имеющие на своей территории военные базы иностранных держав, что порождает у широких слоев населения комплекс национальной ущемленности. Уже это ведет к тому, что многие общие для капиталистического мира противоречия здесь воспринимаются болезненнее и вызывают более бурную реакцию, нежели в других, в остальных отношениях сходных с этими странами. Это государства, где демократические режимы, утвердившиеся относительно недавно, не имели под собой прочной исторической традиции. Сами эти режимы функционируют в условиях, отягченных реваншистскими настроениями, неискорененным влиянием вчерашних фашистов на экономику и административный аппарат, активностью неофашистских организаций.

Это с одной стороны. А с другой — послевоенное развитие здесь связано с резкой ломкой старых социальных структур и институтов, решительной переоценкой ценностей, обостренным чувством исторической вины, особо критическим отношением поколения «детей» к поколению «отцов» как к «фашистам» или «пособникам фашистов».

С болезненной мнительностью во всем и вся усматривая следы неизжитого или возрождающегося фашизма, «дети» одновременно свыкались с мыслью, что истинная природа политических отношений только открытое насилие и контрнасилие. К тому же, вступая на путь, как им казалось, контрнасилия, они вбирали и практический опыт раннего фашизма, хотя нередко, как это имело место в Италии, апеллировали к памяти Сопротивления. Какое странное, парадоксальное противоречие: мотивировать сегодняшнюю практику человекоубийства стремлением предотвратить возврат к имевшей место в прошлом практике человекоубийства! Но оно не из воздуха и не на пустом месте возникло. Оно — отражение определенной социальной ситуации и порождение сознания людей, сформировавшихся в этой ситуации и одновременно трактующих ее односторонне и извращенно.

И здесь возникает еще один — и чрезвычайно существенный — поворот темы. Вопрос «кто виноват?» применительно к «левому» терроризму нельзя ставить альтернативно: буржуазное общество или террористы. Некорректность такой постановки уже в том, что сами террористы есть плоть от плоти этого общества. Они порождены именно его противоречиями, они реагируют в столь крайней форме именно на его несправедливости. И реагируют по нормам его же идеологии, средствами, им же психологически и нравственно узаконенными. «Выбитый из колеи интеллигент или босьяк» — закономерное и неизбежное порождение капитализма, а в годы резких структурных сдвигов и социальных кризисов он становится массовым феноменом. Поэтому-то и возрождается систематически терроризм, как птица Феникс. И обязательно в огне.

Когда известный английский общественный деятель пастор П. Оустрейхер выступает против тех, кто не желает признавать, что терроризм является «продуктом собственного гниения этого опасного общества», он вполне прав. Но когда он изображает террористов возвышенными идеалистами, за переход которых на стезю насилия несут ответственность «буржуазия, упорно отвергающая критику со стороны «новых левых», трактуя их как «коммунистическую накипь», преуспевающие горожане, дельцы, бюрократы и рабочие, для которых слово «студент» стало выражением презрения»¹⁰, он фактически отказывается за виной общества видеть вину самих террористов.

Психологически можно понять остроту эмоциональных реакций молодых людей, вступающих в самостоятельную жизнь, их боль от краха юношеских надежд и мечтаний, их отвращение к официальной демагогии и социальной действительности, нивелирующей личность и вынуждающей человека строить свою жизнь не в соответствии с собственными устремлениями и свободным выбором, но по нормам несправедливой, угнетательской системы. Тем более понятны ярость, чувство униженности, охватывающие их при столкновении с открытым произволом властей, нежелание смириться с этим произволом, жить пассивной, обывательской жизнью, испытывая болезненный стыд за раздвоение личности и потерю человеческого достоинства. Из всего этого, однако, вовсе не следует правомерность обращения к вымещению обид на ком попало и кровопролитным акциям. Между тем «левые» террористы, по меткому выражению Р. Соле,

несправедливость общества принимают за основание «для еще более абсурдной несправедливости — беспричинного уничтожения человеческих жизней»¹¹.

«Все мы вошли в политику как в продолжение студенческих хепенингов»¹², — говорила член «банды Баадера — Майнхоф» Беата Штурм. Но это был не просто естественный следующий шаг. Здесь надо было не миновать очередную веху, но преодолеть принципиальный барьер. Здесь надо было «преступить через кровь». А на такое не многие способны. На это кроме общих идей требуются и особая мораль, и определенный характер. Не случайно поэтому лишь очень немногие из бывших участников молодежного бунта, в том числе и сохранивших верность левоэкстремистскому знамени, оказались в рядах террористов. Как ни странно, этого очевидного качественного различия не хотят замечать некоторые западные авторы, преимущественно леворадикалистской ориентации, видящие в «левом» терроризме только крайнюю форму закономерного протеста против лицемерного и несправедливого общества. Так, влиятельный французский публицист Клод Жюльен, признавая естественным возмущение молодежи «извращением демократических свобод», выдвигает, казалось бы, вполне объективную и почти сбалансированную формулировку: «Терроризм не рождается из небытия. Он имеет причины, которые редко его оправдывают, но всегда объясняют». Однако из этой посылки автор делает вывод о закономерности и даже целесообразности ответа на «структурное насилие» насилием вооруженным, ибо «всякое насилие, как вспышкой, освещает дефекты общества»¹³. Само же это общество он делит на три категории людей: «удовлетворенных», «смирившихся» и «бунтующих». Таким образом, террористы не просто оправдываются Жюльеном вопреки его рассуждениям на тему, что понять не значит простить, но еще и зачисляются им в высшую, элитную человеческую группу.

В свое время В. И. Ленин охарактеризовал анархистов, которые с их эксцессами и кровавыми покушениями играли в конце XIX — начале XX в. роль, аналогичную нынешней роли «левых» террористов, как «взбесившихся» от ужасов капитализма мелких буржуа»¹⁴. «Взбесившиеся мелкие буржуа!» Но еще и «от ужасов капитализма!» Здесь одинаково важны обе стороны дела. И «ужасы капитализма» не основание для возведения «бешенства» в эталон или даже просто норму. Право на ненависть и право на убийство совсем не одно и то же, и

второе не может вытекать из первого, иначе человечество попросту перестало бы существовать. Можно и нужно выявлять социальные корни «левого» терроризма, но само их выявление — обвинительный акт капитализму, а не оправдательный приговор терроризму и террористам.

3

Апология тотального насилия

Стремясь не только доказать правомерность и необходимость своей тактики, но и обелить себя в глазах той самой широкой публики, мнение которой они со свойственной им непоследовательностью презирают и осуждением которой гордятся, считая его доказательством собственной «революционности», «левые» террористы постоянно подчеркивают, что не они выдумали насилие и террор, они лишь отвечают на насилие насилием, на террор террором. Доля правды в этом заявлении содержится. Но не более, чем доля.

Подлинным источником терроризма является буржуазное общество. Не приходится сомневаться и в том, что оппозиционный терроризм в истории постоянно провоцировался государственным террором. Но являются ли действия «левых» террористов ответом именно на государственный террор? И что вообще они понимают под государственным террором? По их мнению, это не только диктаторские режимы, упраздняющие демократическую законность, но и само наличие законности, не только открытые эксцессы и насилие со стороны полиции и армии, но и сам факт существования этих, а также других административных институтов. Попросту говоря, буржуазное государство независимо от его формы (и шире — всякое государство) рассматривается ими как террористическое.

Но сферой чисто политических отношений дело не ограничивается. К терроризму политическому экстремисты прибавляют еще и так называемый структурный террор. К нему, согласно трактовке террористов, можно свести практически любое проявление социального неравенства в буржуазном обществе: и эксплуатацию трудящихся, и антисанитарные условия на заводах, и нищету, и трудности с получением образования выходцами из нижних слоев общества. Наконец, как «информационный террор» ими расценивается тенденциозность буржуазных средств массовой информации с их апологетикой капита-

лизма, клеветой на оппозиционное движение, с сознательной дезинформацией и оглушением аудитории. Все это само по себе имеет место и заслуживает острой критики. Но левые экстремисты тем самым объявляют сферой государственного террора (именно террора!) область духовной жизни. Практически в эту сферу включаются все социальные отношения буржуазного общества.

Ну а коли так, то естественно, что парламентарная демократия для «левых» террористов — это всего-навсего благопристойное прикрытие подспудного фашизма или даже просто «ужасная форма нового фашизма»¹. Пока ему удастся навязывать свою волю народу, не прибегая к открытым репрессиям и используя формальную законность, он предпочитает оставаться в тени, но именно он определяет политику правительств. Буржуазная демократия поэтому не просто лицемерна как форма господства буржуазии, но она по существу является мирным обличьем фашизма, сохраняющего это обличье в демагогических целях до тех пор, пока имеется такая возможность. Стоит же фашизму столкнуться с более серьезными трудностями, как из-под парламентарной личины проступает его звериный оскал. К открытым проявлениям фашизма «левые» террористы относят весьма широкий круг явлений: от применения при разгоне демонстраций газов и водометов до обращения домовладельца, выселяющего неплательщиков, к судебному исполнителю, от локаутов до антистуденческих кампаний в прессе, не говоря уже об акциях неофашистов и ведущихся государствами войнах. Это с одной стороны.

А с другой — в условиях буржуазной демократии никто не свободен от прямой или косвенной зависимости от государства, т. е., с их точки зрения, от того же скрытого фашизма. Даже конфликтам между отцами и детьми придается политическое значение. Эти конфликты лишь по внешней видимости носят внутрисемейный характер. На самом же деле за спиной отцов стоят правительство, школа, полиция, которые систематически подавляют вольнолюбивые стремления детей.

Тем более важен этот момент в сфере социальных отношений, где все явления и институты вписаны в единую политическую систему как составные части ее механизма. Отсюда знаменитая идея экстремистов о делении общества на «политиков» и «неполитиков», причем круг первых непомерно расширен, в то время как круг других произвольно сужается. Для «левых» террористов по существу нет разницы между партийными боссами, госу-

дарственными служащими, военными, предпринимателями, юристами, журналистами, активистами профсоюзов, как нет никакой разницы между профсоюзами и буржуазными политическими партиями. Да и сами эти партии — социал-демократические, либеральные, консервативные, левые, центристские, правые, светские или религиозные — одна другой стоят и по существу ничем не отличаются друг от друга. Лидеры РАФ, например, весьма выразительно определяли разницу между ХДП и СДПГ как «разницу между чумой и холерой»².

Отрицать лицемерный характер буржуазной демократии не приходится, но не видеть ее качественного отличия от фашизма можно только через самые черные очки. Она не только форма политического господства буржуазии, но и в не меньшей степени важнейшее завоевание трудящихся масс, итог их длительной и трудной борьбы и условие для ее дальнейшего развертывания. При всей реальной и даже формальной ограниченности политических свобод в рамках буржуазно-демократических режимов последние являются огромным историческим шагом вперед по сравнению с феодальным абсолютизмом и в принципе противоположны как политические формы фашистскому тоталитаризму или военным диктатурам. Полное бесправие или наличие хотя бы и урезанных, не во всем обеспеченных и соблюдаемых прав далеко не одно и то же. Современники пиночетовского переворота в Чили, режима черных полковников в Греции, португальской революции, ликвидации франкизма в Испании, диктатуры Сомосы в Никарагуа, казалось бы, не могут иметь двух мнений по этому вопросу. Даже неофашисты противопоставляют фашизм демократии, отрицая вторую ради первого.

Лишь «левые» террористы придерживаются в этом вопросе особого мнения, утверждая, что буржуазная демократия — это и есть фашизм. Можно поверить, что некоторые из них были в этом искренне убеждены, но это, свидетельствуя об их болезненной мнительности, отнюдь не говорит о способности к обоснованным социально-политическим суждениям. Реальная же суть дела состоит в том, что «аргументация от фашизма» необходима террористам прежде всего для того, чтобы утвердиться в своем праве на ничем не ограниченное насилие. Терроризм в их трактовке обретает видимость единственной возможной формы социальной и личной самозащиты. «Мы не любим насилия самым безусловным образом... — заявляют знаменитые кровавыми буйствами итальянские

«автономисты». — Наше насилие — это самозащита пролетарского класса от насилия, ежедневно совершаемого государством»³. «Если не создать «Красной армии», свиньи смогут сделать все, они смогут продолжать заточать, запугивать, доминировать... Незащищенные гибнут»⁴, — писала У. Майнхоф.

Террористическое насилие рассматривается одновременно и как единственный способ самосохранения личности, не желающей «быть съеденной и переваренной системой»⁵. «Каждый, кто не хочет ползти к вам на коленях, может ответить только прямым действием на ваши всемирные террористические планы»⁶, — провозглашали, обращаясь к правительственным верхам, английские «Гневные бригады».

Но дело не сводится только к самозащите. «Левые» террористы провозглашают необходимость превращения «бесчеловечного» общества в «человечное». Но поскольку это общество носит в целом «террористический характер», то и борьба с ним должна вестись террористическими методами. Одни из них считают, что эта борьба сама по себе является разворачивающейся революцией; по мнению других, она подготавливает и предваряет ее, но так или иначе революция не может быть ничем иным, как непрерывной цепью террористических акций.

«Вооруженная революция, в ходе которой будут уничтожены все коррумпированные политики, есть единственное мыслимое средство мучительного возрождения новой Японии»⁷, — провозглашают лидеры японской «Красной армии». Здесь что ни слово, то глубокомысленный перл. Возрождение не иначе как «мучительное», иные пути к нему отвергаются как «немыслимые». Весь смысл этого «возрождения» конкретизирован лишь уничтожением «коррумпированных политиков». И это не случайная обмолвка, но объективное отражение чисто разрушительного пафоса, которым движимы «левые» террористы. Революция, которая находит свое выражение в истреблении политиков, и есть просто-напросто террористическая кампания.

«Революционная» политика для террористов связана с созданием «невыносимого положения» или, говоря словами С. Нечаева, «развитием тех бед и зол, которые должны вывести народ из повиновения и побудить его к поголовному восстанию»⁸. Отсюда и возникает их протivoестественный и варварский лозунг: «Чем хуже, тем лучше!» Экономические трудности и бедственное положение трудящихся? Следует усугублять эти трудности и

это положение, поджигая промышленные предприятия, взрывая линии электропередачи, перекрывая водоснабжение. Политическое бесправие? Необходимо довести его до крайности.

Излюбленной вариацией «левых» террористов на тему «чем хуже, тем лучше» является пропаганда и провоцирование войны. Апологетика войны отвечает букве и духу их идеологии и их психологическим устремлениям. Война есть самая мощная форма политического насилия. Война означает чрезвычайное положение, отсутствие или резкое ограничение законности, признание права решать все вопросы только силой оружия. Откровенно и непрерывно заявляя, что они хотят войны, «левые» террористы исходят из того, что она несет народам неисчислимые бедствия, создает искомое «невыносимое положение», становясь таким образом «матерью революции». Иные последствия войн попросту не принимаются во внимание: ни укрепление режимов в случае победы в войне, ни взрыв националистических чувств и консолидация на этой основе различных социальных сил вокруг правительства, ни громадные материальные потери и человеческие жертвы.

Справедливости ради надо сказать, что некоторые из «левых» террористов сегодня приходят к выводу, что применение современных форм массового уничтожения чревато гибелью всего человечества, и высказываются против мировой термоядерной войны. Антивоенные заявления проскальзывают у террористов и в контексте адресованных империализму обвинений в милитаризме. Но в целом верх берет традиционное догматическое построение: революция — это обязательно гражданская война, мировая революция — это мировая война.

Важнейшей возможностью для создания «невыносимого положения» во имя стимулирования революционной ситуации является для «левых» террористов провоцирование угрозы установления фашистского режима и даже действительное установление такого режима. Это кажется неправдоподобным настолько, что автора можно упрекнуть в натяжке или передержке, ведь «левые» террористы постоянно провозглашают свою ненависть к фашизму, слово «фашист» для них является самым сильным ругательством. В ряде стран в свое время имели место открытые столкновения между неофашистами и «левыми» террористами. Многие из левых экстремистов и к вооруженным действиям-то обратились, желая дать отпор бесчинству неофашистских банд. И не ради фа-

шизма, а ради пролетарской революции, пусть заблуждаясь, используя неверные методы, ведут свою борьбу против государства «левые» террористы. Это, казалось бы, неоспоримо.

Оспоримо! Да, антифашистский пафос, или, точнее, антифашистская фразеология, пронизывает декларации «левых» террористов. Да, их конечной целью объявляется «коммунистическая революция». Но попробуем разобраться в том, каково их практическое отношение к фашизму, какая роль отводится ему в процессе осуществления их стратегической линии?

Право на террористическую практику обосновывается оценкой парламентарных режимов как профашистских или скрыто фашистских, но сама эта оценка должна быть доказана. Доказать же ее можно только при помощи таких акций, которые «обнажат конфликты», доведут их «до последней грани», спровоцируют правительства на открытые репрессии, заставят «трансформировать политическую ситуацию в военную»⁹. Очередной заколдованный круг: вызвать террористическими акциями репрессивные ответы, желательные для террористов потому, что они якобы оправдывают обращение к терроризму, насильственно создать ненормальное положение, с тем чтобы объявить, что оно и является нормой, отвечающей природе режима.

Все это называется «разоблачением фашистов» в полиции и правительстве и по замыслу террористов должно заставить народ повернуться к ним лицом и обратиться к ним за помощью.

Но для того чтобы профашистский характер демократических режимов был ясен массам, недостаточно репрессий, обращенных только против «революционеров». Надо, чтобы эти репрессии обрушились и на народ, надо, чтобы репрессивный потенциал государства обнаружился во всей его полноте и мощи. Только таким образом можно покончить с политической слепотой и пассивностью масс и направить их на путь революционных действий.

Поэтому для «левых» террористов фашизм, правительственный контртеррор являются их важной победой и предпочтительнее буржуазной демократии, «ибо фашизм хорош хотя бы тем, что провоцирует революцию»¹⁰. Исходя из этого соображения, американские «везермены» декларировали: «Если надо будет прийти к фашизму, чтобы сделать революцию, мы пойдем на фашизм»¹¹. Ими даже употреблялся и такой термин, как

«выиграть фашизм» для США. Столь откровенных высказываний мы не находим у итальянских и западногерманских «левых» террористов. Это естественно, ибо Италия и ФРГ — страны, пережившие период фашистского господства, и отважиться там на публичные декларации о «выигрыше фашизма» — значит сразу же покончить политическим самоубийством. Поэтому они пытаются формулировать ту же мысль половинчато и двусмысленно. «Нынешняя РАФ, — свидетельствует Х. Малер, — руководствуется таким принципом: сначала надо, чтобы все стало совсем плохо, чтобы (затем. — В. В.) стало лучше. Это означает, что надо выманить наружу фашизм»¹². Что значит «выманить»? Спровоцировать его частные выявления в политике существующего государства или толкнуть данное государство на трансформацию в открыто фашистское и установление тоталитарного режима? Прямого ответа на этот вопрос не дается, но он естественно вытекает из всей логики мышления и практики «левых» террористов с их принципом «все или ничего», из которого следует предпочтительность «ничего», коль скоро невозможно «все». По их представлениям, путь в «коммунистический рай» лежит через террористическое чистилище и фашистский ад.

Можно, конечно, отметить, что в отличие от неофашистов «левые» террористы видят в установлении таких диктатур лишь переходную ступень, своего рода узловую станцию, на которой переводятся стрелки и поезд далее напрямик следует к «коммунизму». Но эти соображения важны лишь для левотеррористической демагогии или самообмана. Сколько времени поезд будет стоять на станции «фашизм», куда он пойдет после этого и во что обойдется подобное «путешествие» пассажирам, неизвестно и самим «левым» террористам. Реальным фактом остается лишь то, что они стремятся привести его на эту станцию. Таким образом, деятельность «левых» террористов по форсированию революционной ситуации на деле оборачивается форсированием ситуации контрреволюционной.

Отсюда становится совершенно ясным, какова цена разглагольствованиям «левых» террористов о том, что они исходят из «марксистско-ленинского» принципа классовой борьбы и революционного насилия. Отсюда ясна и мера истинности заявлений западных политологов, что «коммунистическая идеология — единственный источник терроризма»¹³, как утверждал генеральный секретарь ХДС Гайспер, и что «Красные бригады» «просто

приняли ленинизм всерьез и логически довели его до своего плана действий»¹⁴. «Марксизм-ленинизм «Красных бригад» вряд ли может быть оспорен»¹⁵,— внушает Р. Соле. Может! И с полным основанием.

И задача здесь заключается вовсе не в том, чтобы опровергать самоочевидный факт внешнего пиетета «левых» террористов по отношению к марксизму, заимствование у него ряда давно уже ставших общепринятыми понятий и манипулирование некоторыми вырванными из исторического и литературного контекста его положениями. Итальянский коммунист Джерардо Чиаромонте вполне прав, когда отмечает, что существенной характеристикой всего левого экстремизма является «схематическое, антиисторическое и во многом искаженное толкование марксизма и ленинизма»¹⁶.

Причина, механизм и смысл «преклонения» перед революционным марксизмом людей, ничего общего с ним не имеющих и в принципе ему чуждых, известны. «Чрезвычайно широкие слои тех классов, которые не могут миновать марксизма при формулировке своих задач,— писал В. И. Ленин,— усвоили себе марксизм... крайне односторонне, уродливо, затвердив те или иные «лозунги», те или иные ответы на тактические вопросы и не поняв марксистских критериев этих ответов»¹⁷.

«Миновать марксизм» в современных условиях невозможно даже для буржуазного либерализма. Тем более невозможно «миновать марксизм» для мелкобуржуазных, маргинализированных слоев. Разница заключается лишь в том, что либералы, усваивая те или иные положения марксизма, ревизуют его справа, мелкобуржуазные идеологи — слева, либералы идентифицируют свое «усвоение» с ревизией, а леваки ревизию марксизма объявляют «верностью» ему. Но чему «верность»? «Лозунгам», а не методу, «ответам», а не научным критериям, на основании которых производится социальный анализ и получают данные «ответы». Естественно поэтому, что сами эти «ответы» и «лозунги» односторонни и уродливы, являясь не более чем пародией на марксизм.

Заимствуя у марксизма язык для обоснования бунта, они принципиально игнорируют тот факт, что марксизм решительно выступал против подмены революции бунтами, а тем более против заговорщического терроризма. Еще в конце XIX в. Г. В. Плеханов указывал, что анархисты заменяют революцию «бунтом», а бунт — «индивидуальным действием». «Анархическое действие,— категорически подчеркивал он,— как бы насильственно

оно ни было, является не чем иным, как *антиреволюционным средством*»¹⁸.

Вопрос о революционном насилии — узловой вопрос в идеологической борьбе вокруг проблематики «левого» терроризма. Вся «расширительная» трактовка «левого» терроризма зиждется на посылке, что из признания революционного насилия неизбежно вытекает признание терроризма.

Марксизм-ленинизм действительно исходит из того, что насилие — «повивальная бабка» каждого нового строя, сменяющего старый. Эта мысль, однако, не находится в монопольном владении марксизма. Ее признают социологи различных школ, обладающие достаточными знаниями и мыслящие исторически. Хотим мы того или не хотим, но история, как говорил Н. Г. Чернышевский, «не тротуар Невского проспекта», каждый ее шаг есть следствие и проявление политической борьбы. В лучшем случае нереалистичен поэтому тот «чисто нравственный» подход к политическому насилию, согласно которому оно трактуется как нечто, чего можно избежать, рассматривается как «зло» вообще, безотносительно к тому, кто против кого и с какой целью его применяет. В худшем же случае «морализаторский» подход — это прием, сознательно используемый для отрицания классовой борьбы и дискредитации революционных движений. При этом в поле зрения таких морализаторов «почему-то» попадают лишь эти движения, но не акты правого террора и не агрессивная политика империалистических держав.

Рассматривая политическое насилие как одну из закономерностей общественного развития, марксизм, во-первых, признает различные, а не только вооруженные формы классовой борьбы и насилия пролетариата над буржуазией с целью освобождения от эксплуатации и продвижения к социализму. И это не запоздалое признание задним числом. Еще в середине прошлого века К. Маркс говорил о том, что социалисты предпочли бы «откупиться» от капиталистов, если бы к тому представились реальные возможности. В 1870 г., когда во Франции созревала революционная ситуация, К. Маркс отмечал, что она может быть разрешена двумя путями — вооруженным и невооруженным, но окончательный выбор зависит от конкретных обстоятельств и французского рабочего класса.

Во-вторых, марксизм-ленинизм никогда не отказывался и не собирается отказываться от вооруженных форм

революционной борьбы в тех условиях, когда этого требуют не предоставляющие других возможностей социальные обстоятельства и соотношение классовых сил. «Мы всегда стояли за применение насилия как в массовой борьбе, так и в связи с этой борьбой»¹⁹.

Это и аналогичные ему высказывания и используются левыми экстремистами и буржуазными политологами для того, чтобы провести прямую линию от ленинизма к терроризму. Однако о каком насилии здесь идет речь? О насилии революционном, т. е. осуществляемом народными массами в момент социального переворота. Между тем терроризм — это насилие, осуществляемое отдельными оторванными от масс, а сегодня и противопоставляющими себя народным массам группками лиц. Левотеррористические организации возникают и развивают свою деятельность в условиях, когда революционная ситуация еще не созрела или сходит на нет, и этим, кстати, оправдывают необходимость террористической активности. Но даже в том случае, как показывает уникальный пример эсеров, когда они доживают до момента революции, они не включаются в массовую борьбу, упорно продолжая следовать раз избранной тактике.

Для русских революционных социал-демократов тактика борьбы на два фронта — против оппортунизма и против терроризма — была равно связана с «многолетней... пропагандой вооруженного восстания»²⁰. Пропагандой! Никаких вооруженных выступлений в условиях эволюционного процесса русские революционные марксисты не признавали.

Только в условиях народного восстания, указывал В. И. Ленин, вооруженные действия связаны с настроениями масс, а поэтому являются не мстью отдельным лицам, не заговором интеллигентских групп, а следовательно, не могут квалифицироваться как терроризм. Оценивая деятельность латышских революционеров в 1905—1907 гг., включавшую в себя вооруженные акции, В. И. Ленин заметил, что ее нельзя называть «анархизмом, бланкизмом, терроризмом... потому, что здесь ясна связь новой формы борьбы с восстанием...»²¹. Внешне сходные с террористическими акции в условиях восстания — это военные действия, составная часть решительного штурма.

Таким образом, трактовка революционного насилия К. Марксом и В. И. Лениным коренным образом противоположна ее трактовке террористами, именующими себя «марксистами-ленинцами». И только явной тенденциоз-

ностью, предвзятостью и невежеством объясняются систематические попытки многих западных политологов вести родословную «левого» терроризма от революционного марксизма. Мало-мальски добросовестным людям принципиальную разницу между тем и другим увидеть не трудно. И такие люди, отнюдь не являющиеся марксистами, на Западе, конечно, имеются. «Русские ученики К. Маркса,— пишет, например, О. Демарис,— были революционерами, а не террористами. Они опирались на народ, а не на индивидуальный террор»²². Даже весьма консервативный политолог У. Лакёр подчеркивал: «Большинство «левых» террористов, без сомнения, искренне верили в то, что они являются наследниками французской революции, Маркса и Ленина. Но так же верно и то, что их политика существенно отличается от политики традиционной левой. Они были попросту радикалами в том смысле, что они противостояли «системе», хотели насильственного изменения... их вера в историческую миссию маленьких групп имела больше общего с волюнтаристской и идеалистической традицией, чем с Марксом. Они не были радикальными демократами, и культ насилия, пропагандируемый ими, больше походил на фашизм, чем на социализм»²³. Но к сожалению, подобные здравые суждения попросту тонут в обрушивающемся на головы читателей и слушателей потоке безапелляционных заявлений авторитетных и малоавторитетных ученых и публицистов об «идеологической ответственности коммунизма за терроризм»²⁴.

Можно привести бесчисленное множество примеров, показывая, как террористы, использующие марксистскую терминологию, грубо извращают смысл употребляемых ими понятий или попросту игнорируют его. Доминирующая в их языке марксистская лексика вплетается ими в категорически чуждый марксизму идеологический и политический контекст. Так, они ссылаются на В. И. Ленина, заявляя, что ведут борьбу против оппортунизма, за создание боевой коммунистической партии, «заслуживающей этого наименования». Однако В. И. Ленин считал заслуживающей наименования боевой и коммунистической партией, способную организовать и повести за собой массы; террористы же основным критерием делают настроенность на кровавые авантюры. Подобно их предшественникам анархотеррористам, они, по меткому выражению Г. В. Плеханова, полагают, что поскольку «в каждой революции совершаются насилия, то достаточно прибегнуть к насильственным средствам, чтобы вызвать

или ускорить революцию»²⁵. Извращенная, перевернутая с ног на голову логика.

Логическому самообману у террористов соответствует и его закрепляет самообман социально-психологический. «Мы — не заблудшие мелкие буржуа», — заявляют в своей программной декларации, отмежевываясь от анархистов, лидеры «Движения 2 июня», почти дословно цитирующие В. И. Ленина. И в той же декларации приводят следующий довод в пользу обращения к террористической практике: «Если рабочие теряют сознание из-за отравленного воздуха, следует поджечь виллу хозяина»²⁶. Чей же это лозунг, как не анархистствующих «заблудших мелких буржуа»?

До чего же все-таки силен гипноз слов! Особенно если слова по своему первичному значению связаны с надеждами на социальный прогресс, с идеалами и чаяниями людей. Еще К. Маркс и Ф. Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии» предупреждали о необходимости без излишней доверчивости относиться к манипуляции словом «социализм». К. Маркс, столкнувшись с левацкими действиями некоторых своих сторонников, сказал, что если они — марксисты, то он не марксист. С тех пор накоплен немалый политический опыт. А история все повторяется и повторяется. Какие только партии и режимы не провозглашали себя «социалистическими», какие только движения не апеллировали к «революционному марксизму»! Их исторические судьбы, казалось бы, должны научить с предельной осторожностью относиться к подобным апелляциям. Но снова и снова возникают движения, прикрывающиеся марксистской фразеологией. Снова и снова находятся люди, принимающие на веру их декларации, симпатизирующие им на основании этих деклараций или пытающиеся ссылкой на них очернить революционный социализм.

Поучительно горькое признание одного из раскаявшихся итальянских террористов: «Я ошибся не только участвуя в трагедии, но и приняв политические идеи, которые меня толкнули на этот путь... Я вижу не «ошибающихся товарищей», но свихнувшихся политиков, которые действуют, исходя из самого циничного презрения к человеческой жизни, и в плане идеологическом не имеют ничего общего с живой традицией рабочего движения»²⁷.

Но если не марксистской, то какой же именно идеологией руководствуются «левые» террористы? Вопрос не так прост, как может показаться с первого взгляда. Не существует какой-либо одной идеологии, которая была бы

адекватна политическому мировоззрению «левых» террористов. Не имеется у них и собственной, самостоятельной и цельной системы политических воззрений. Они в принципе держатся одной-единственной мысли о правомерности и необходимости террористического насилия. И для обоснования этой мысли они, что называется, «берут свое добро там, где они его находят» или им кажется, что они его находят, обращаясь для этого к самым различным направлениям политической мысли.

Они пытаются примазаться к революционному марксизму, одновременно извращая его и прикрываясь его авторитетом. В их декларациях мы встречаем доведенные до абсурда идеи Че Гевары. Значительное место в системе их идейно-политических воззрений занимают как сходные, так и различающиеся между собой экстремистские установки троцкизма, маоизма, анархизма. Во многом родственные сегодня друг другу, троцкизм и маоизм сами являются левацким извращением марксизма. Анархизм по своей исходной позиции открыто противостоит марксизму. Вкраплены в их мозаичную идеологическую панораму и некоторые мысли воинствующего идеолога «цветного» национализма Фанона. От ряда постулатов «левого» терроризма попахивает душком фашизма. Наконец, существенную роль в их мировоззренческих конструкциях играет леворадикалистская идеология с ее принципом тотального отрицания и лозунгом Великого Отказа, призывом обрести свободу личности в полном раскрепощении инстинктов, тезисом о правомерности насилия как ответа на насилие со стороны «общества», сплетением индивидуалистического пафоса с примитивистскими коллективистскими утопиями, а также вплетенные в общую ткань леворадикалистских умонастроений фрейдистские и экзистенциалистские идеи.

В общем философско-политические построения «левых» террористов — это своеобразное попури из произведений различных идейных направлений и жанров, где устойчивой и постоянной является только одна, но основная мелодия, воспевающая насилие. Поэтому-то, будучи, казалось бы, предельно нетерпимыми, они одновременно проявляют удивительную на этом фоне идеологическую неразборчивость, записывая в свои кумиры людей, представляющих весьма различные, а иногда и диаметрально противоположные идейные течения. Любопытно, что идейно-политический эклектизм «левого» терроризма по своему подтверждают и крайне правые идеологи, стремящиеся отождествить его с революционным марксизмом.

Так, американская журналистка, агент ЦРУ Клер Стерлинг видит общность различных левотеррористических организаций в том, что они «разделяют единый леворадикалистский (!) марксистский (!) взгляд на вооруженную революцию»²⁸.

Таким образом, то, что обозначается понятием «идейно-политические концепции «левого» терроризма», можно представить себе в виде неряшливой и уродливой конструкции, сложившейся из двух идеологических пластов. Первый — внешний, очень неопределенный по очертаниям, неуравновешенный и неустойчивый — выглядит как набор конкретных философских и политических идей, произвольно отобранных из самых различных и далеко не всегда предполагающих в качестве практического вывода террористическую практику теоретико-идеологических систем. Второй — внутренний, коренной, устойчивый, дающий критерии для этого отбора, представляющий, так сказать, решение «левыми» террористами основного вопроса их же философии — сводится к предвзятой мысли об абсолютной значимости вооруженного насилия как универсального средства преобразования мира.

Террористическую концепцию насилия на Западе иногда называют «философией бомбы». Определение это в контексте его использования буржуазными политологами небесхитростно, поскольку служит звеном в цепи их традиционных рассуждений о том, что терроризм есть закономерное порождение классовой борьбы и революционных устремлений. Но если взять понятие «философия бомбы» вне подобных манипуляций, то надо признать, что в нем имеется немалый смысл. Суть дела в том, что, из каких бы теоретических кирпичей ни складывали террористы свое мировоззренческое здание, вся конструкция у них всегда подчинена задаче обоснования террористического насилия. Оно является исходным моментом, базой и итогом всех их концептуальных систем, невзирая на многочисленные теоретические различия или смены одних постулатов и доводов другими. Оно выступает в качестве, так сказать, «философии в философии». В «философии бомбы» всегда воплощены подлинные убеждения террористов; в рассуждениях же о том, во имя чего употребляется бомба, — убеждения, в той или иной мере мнимые, иллюзорные, если только эти рассуждения не являются идеологическим аналогом тех горнолыжных масок, которыми террористы любят прикрывать свое лицо во время операций.

Борьба против народа от имени народа

1

Отщепенцы в роли «классового авангарда»

Вышедшие из рядов леворадикалистской оппозиции пионеры «левого» терроризма свое вступление на кровавую стезю ознаменовали решительным разрывом с этой средой. Своих вчерашних единомышленников они громкогласно обвинили в том, что те, будучи в силу своего классового положения людьми, которым есть, что терять, страдают разрывом слова и дела. «...Интеллектуалы уже дошли до того, что поняли необходимость вооруженной борьбы... но они — люди, которые не могут решиться сделать следующий шаг... а именно сделать то, о чем они говорят»¹, — писала У Майнхоф. Характеристика экстремистов из интеллектуалов с их раздвоением личности сама по себе меткая, однако любопытно, что собственную решимость применять крайние средства террористы объявляют качеством подлинно пролетарских борцов, проявлением последовательно классовых позиций.

«Класс», «авангард класса», «классовая борьба» и «классовая солидарность» — без этих слов не обходится ни один документ «левых» террористов. Можно подумать, что мы слышим голоса стопроцентных пролетариев или закомплексованных выходцев из низов, за неимением лучшего гордо афиширующих свое социальное происхождение. Но здесь совсем иной случай.

«Большая часть итальянской ультралевой, — признают сами террористы, — выходцы из крупной буржуазии»². Некоторые публицисты окрестили феномен «левого» терроризма «революцией миллионеров».

Это весьма преувеличено эффекта ради, но достаточно назвать дочь американского газетного магната Патрицию Херст, Марко Донат-Каттена, сына одного из руководителей ХДП, Ульриха Весселя, сына гамбургского миллионера, участника атаки на посольство ФРГ в Сток-

гольме, наконец, Карлоса-«шакала», сына венесуэльского адвоката-миллионера, чтобы убедиться: для подобного преувеличения есть основания. Среди родителей многих «левых» террористов — владельцы и управляющие магазинов, небольших, а иногда и крупных фабрик, государственные служащие среднего ранга, университетские профессора, врачи, священнослужители, литераторы, деятели искусства. «Левые» террористы в массе своей блудные дети средней буржуазии, составившие наиболее отчаявшуюся и одновременно наиболее экстремистски настроенную часть того сравнительно нового социального слоя, который в последнее время все чаще обозначают термином «люмпен-интеллигенция».

Дети рабочих и рабочие по профессии составляют в левотеррористических группах явное меньшинство. Так, в состоявшей в 1970 г. из 17 человек «банде Баадера — Майнхоф» было восемь студентов, два журналиста, два юриста, один фотограф, одна медсестра, один парикмахер, один автомеханик, одна девушка, вышедшая из заведения для малолетних преступников. В конце 70-х гг. в ФРГ специальной рабочей группой из социологов, психологов, политологов и криминалистов были изучены биографии 40 наиболее известных западногерманских террористов. Оказалось, что 70% из них — выходцы из образованных, высших или средних слоев, $\frac{2}{3}$ имели высшее, причем гуманитарное, образование. Надо сказать, что в конце 70-х гг., с развитием кризиса и усилением безработицы, имел место временный прилив рабочих в организации «левых» террористов. В этот момент 19% членов левотеррористических организаций ФРГ составили рабочие.

Аналогичная картина наблюдается в итальянском левотеррористическом движении, хотя в силу особенностей социальной обстановки в стране и разнообразия форм террористических организаций процент рабочих в них несколько выше. Среди «исторических лидеров» «Красных бригад» был и рабочий Альберто Франческини. Итальянские террористы на ранней ступени своей деятельности имели определенную опору в некоторых слоях трудящихся, сумели на время создать низовые экстремистские ячейки на ряде промышленных предприятий, позднее распавшиеся. Из 197 арестованных с конца 1978 по конец 1979 г. итальянских «левых» террористов лишь 33 были рабочими.

Но дело не только в этих достаточно показательных цифрах. Дело, во-первых, в той роли, которую играют в

левотеррористических организациях рабочие, являющиеся, за редким исключением, не более чем рядовыми исполнителями чужой воли. И во-вторых, само понятие «рабочие» в данном случае требует конкретизации и уточнения. Это, как правило, не квалифицированные рабочие крупных современных заводов, но либо работники мелких предприятий, близкие к ремесленническому типу, либо (что особенно характерно для Италии) вчерашние крестьяне и провинциалы, занятые неквалифицированным трудом. Словом, речь идет о неустойчивых, люмпенизированных и маргинализированных элементах.

Деклассированность и рождающиеся на ее основе обостренное чувство обездоленности, болезненная реакция на несправедливость, ненависть к окружающей действительности, жажда мщения и самоутверждения, примитивность представлений о свободе и равенстве достаточно легко и естественно подводят к идее тотального отрицания, стимулируют стремления к разрушительным действиям. Эти стремления могут реализоваться и в массовых бесчинствах, и в действиях примитивно-уголовного пошиба. Но они способны и декорироваться пафосом антикапиталистической борьбы и даже борьбы за социалистический идеал. Однако внутренний механизм подобной «революционности» более чем элементарен: люмпену попросту свойственно представление о себе как о самом страдающем и ущемленном представителе самого угнетенного и обездоленного социального слоя. Индивидуалист по своей сути, он, обращаясь к социальной проблематике, вынужденно становится своего рода коллективистом. Именно это имел в виду В. И. Ленин, определяя анархизм как «вывороченный наизнанку буржуазный индивидуализм», как мировоззрение «выбитого из колен интеллигента или босяка»³.

Пытаясь создать из рабочих различного рода «комитеты» и активистские группы, апеллируя к самым грубым, диким, низменным инстинктам, террористы опираются на лиц политически незрелых и неспособных отличить псевдореволюционные идеи от революционных, левые от левацких, а подчас и просто правых, на людей, для которых санкция на вооруженное насилие важнее источника этой санкции. К тому же и в Италии, и в ФРГ с начала 80-х гг. происходит процесс активного вытеснения рабочих из левотеррористических организаций, и они становятся практически чисто интеллигентскими по своему составу. «Это проблема террора со стороны интеллигенции,— констатирует западногерманский психолог-

криминалист Г. Зибер,— террора с четко поставленными политическими целями»⁴.

Но суть дела даже не в составе левотеррористических организаций. На начальных стадиях развития освободительного движения нередко важную и авангардную роль играют выходцы из интеллигенции и привилегированных слоев общества, перешедшие на сторону народа, усвоившие и несущие в массы революционные идеи. Но эту роль созданные ими ячейки выполняют только в том случае, если ведут систематическую работу по политическому просвещению и воспитанию масс, способствуют вовлечению их в активную политическую деятельность, созданию и развитию организаций трудящихся. В противном случае они превращаются в заговорщические группы сектантско-бланкистского типа. Таким образом, решающее значение имеет в конечном счете не социальное происхождение их членов, но реальный характер взаимоотношений с классом, выразителями интересов и представителями которого объявляют себя бунтари и протестанты, оторвавшиеся от социальной пуповины.

«Левые» террористы исходят из извращенной логики, согласно которой, чем действие более насильственно, тем оно более «революционно», а значит, и «классово». На этом основании рабочий класс, который не принимает террористических авантур и предпочитает защищать свои интересы и продвигаться к своим социальным целям легальными путями, используя возможности, предоставляемые демократической законностью, и опираясь на свои массовые организации, объявляется ими коррумпированным, интегрировавшимся в «систему», потерявшим «классовое сознание».

Естественно, что все эти оценки с еще большей резкостью направляются и в адрес легальных массовых организаций. Особую враждебность у «левых» террористов вызывают коммунистические партии и их деятельность по идеологическому воспитанию и организации масс, защите их экономических и политических интересов. Используя псевдореволюционную фразеологию, «левые» террористы обвиняют эти партии в том, что они опасаются «упрека в революционном нетерпении больше, чем собственной коррумпированности», «фетишизируют легальность», погрязли в «паршивом экономизме»⁵ и т. д. В свое время «Красные бригады» начали с того, что вменили своим членам в обязанность проникать в ряды Итальянской коммунистической партии (ИКП), с тем чтобы сорвать политику «исторического компромисса»

и изнутри толкать партию на путь вооруженных авантюр. Когда этот план провалился, коммунисты стали третироваться как «предатели», «гиены», «гнусные сообщники» и даже «цепные псы» империализма. Любопытно, что похищенный «Красными бригадами» и отпущенный в обмен на обещание освободить группу арестованных террористов прокурор М. Сосси утверждал, что, по его впечатлениям, члены этой террористической группировки — это прежде всего антикоммунисты, так как главным объектом их ненависти является ИКП. Симптоматично также и признание Просперо Галлилари, заявившего на процессе «Красных бригад», что они убили Альдо Моро ради того, чтобы не допустить участия коммунистов в правительстве.

На словах экстремисты могут иногда признавать, что вооруженная борьба не отменяет необходимости легальной деятельности, а создание подпольных террористических групп не исключает активной деятельности массовых организаций. В этом духе высказывались поначалу лидеры РАФ, утверждавшие, что они не бланкисты. К этой мысли приходят в последнее время, после понесенных итальянскими террористами поражений, некоторые из их лидеров. Но и в этом случае легальным организациям ими отводится лишь роль вспомогательного средства на пути к созданию нелегальных вооруженных отрядов и «армий». Выполнение же этими организациями любых иных (т. е., собственно говоря, своих основных) функций объявляется экстремистами изменой делу рабочего класса и социализма.

Почти все представители первого поколения «левых» террористов сначала побывали в рядах коммунистических и социалистических партий, молодежных и пацифистских организаций и вышли из них, увидев, что их деятельность не приводит к немедленному воплощению экстремистских идеалов. Хотя террористы и оправдывают свой разрыв с легальными политическими организациями ссылками на явные или мнимые недостатки в деятельности этих организаций, но главное здесь в другом — в отрицании ими самого принципа политики, основанной на учете реальных возможностей и условий борьбы, связанной с повседневной, кропотливой организационной и идейно-воспитательной работой. Их псевдореволюционное, авантюристическое нетерпение приняло форму крайней нетерпимости. И здесь мы сталкиваемся с одним из существенных парадоксов «левого» терроризма: претендующие на то, что они ведут политическую

борьбу, и стремящиеся оправдать свою кровавую практику политическими целями, террористы не признают самого существования политической деятельности, более того, испытывают откровенную нелюбовь к «политике» и «политикам» (слова, ставшие для них ругательными).

Выступления ИКП против терроризма объявляются «антипролетарской политикой». В листовках «Красных бригад» и «автономистов» коммунистам угрожают «заткнуть пулей рот». В «Стратегической резолюции» «Красных бригад», принятой в октябре 1980 г., одной из трех главных задач организации было объявлено военное уничтожение ИКП. Разработанная «Красными бригадами» тактика борьбы с ИКП, в частности, предполагала физическое уничтожение лидеров и активистов компартии. До широкой реализации этих кровавых планов дело у «Красных бригад» не дошло. Тому есть разные, в основном тактические причины. Но как показывают нападения бригадистов на помещения ИКП и покушения на отдельных ее членов, сама установка на борьбу с компартией воспринята террористами всерьез, как руководство к действию.

И это борьба отнюдь не «революционеров» с «реформистами». Отличительная черта современного «левого» терроризма — сочетание антикапиталистических и антикоммунистических, антигосударственных и антидемократических, антиимпериалистических и антисоветских устремлений. Именно эта тотальность отрицания убедительнее всего свидетельствует о том, что в их лице мы имеем дело не с пролетарским, но с люмпен-пролетарским и люмпен-интеллигентским движением. Они являются не перехлестывающими через край борцами против «оппортунизма», но бессознательными или сознательными пособниками реакции, обманывающими себя или просто прикрывающимися демагогическими словесами о борьбе против ревизионизма.

Когда некоторые западные публицисты утверждают, что «левые» террористы являются чудовищной пародией на крайне левых, как последыши фашистов — на крайне правых, они при помощи этой внешне эффектной формулировки явственно искажают политическое существо дела. Неофашисты являются не столько пародией на крайне правых, сколько прямыми выразителями их интересов и стремлений. А «левые» террористы? Являются ли они просто пародией на коммунистов (которых, очевидно, и имеют в виду под «крайне левыми») или их тайным орудием? Нет. Они являются их заклятыми врагами,

равно как и врагами широких народных масс, передовой интеллигенции, профсоюзов и всех левых партий.

«Левые» террористы, исходя из тезиса о том, что коррумпированное сознание относительно привилегированного промышленного пролетариата делает его социально пассивным, утверждают необходимость вести «классовую борьбу» без него и помимо него. В этих условиях данная борьба неизбежно принимает форму городской герильи, благодаря которой, полагают они, «немногие тысячи, если необходимо, без поддержки промышленных рабочих могут серьезно ослабить империалистическую систему в метрополии»⁶. Осуществление все более сложных в техническом плане акций призвано, по их мнению, способствовать превращению отдельных террористических групп в постоянно наращивающие свою мощь «Красные армии». Таким путем только и может быть достигнуто объединение «революционных сил». В то же время логика этого объединения и само понятие массовости движения у террористов весьма своеобразны. «Одна маленькая группа — ничто. Но мы знаем, что народ организует маленькие группы по всему миру»⁷, — изрекает бразильский террорист. Массовость движения — это, следовательно, сумма маленьких групп. А борьба народа сводится к активности этих якобы представляющих его групп. При этом террористы, убежденные, что такая активность способствует росту «революционного сознания масс», этим, собственно, и ограничивают свои политико-воспитательные и организаторские функции. «Революционный авангард, — утверждают они, — должен не руководить, а идти впереди»⁸.

«Левые» террористы, решительно противопоставляя себя трудящимся массам, одновременно пытаются выдать себя за «пролетарских революционеров» путем подмены принципа борьбы классов идеей борьбы во имя и от имени рабочего класса. Троцкистский абстрактный и абсолютизированный тезис «класс против класса» ими конкретизируется в следующую формулу: «Мы против системы», что в свою очередь трактуется как «класс против класса». Поскольку система является капиталистической, то направленные на ее разрушение террористические акции объявляются «борьбой за социализм», «классовой борьбой пролетариата», а террористы — подлинными носителями «пролетарского сознания», которые лучше, чем сам рабочий класс, понимают его настоящие интересы и потому имеют право действовать, не считаясь с его реальными настроениями и сегодняшними

устремлениями. Когда О. Демарис пишет, что деятельность «левых» террористов была «идеалистической борьбой средних классов ради пролетариата, исключенного из их рядов»⁹, он совершает определенную ошибку, распространяя на всех террористов личностные мотивации определенной их части, но социальная суть явления им подмечена точно.

Не говоря уже о том, совпадают или нет представления претендентов на авангардную роль о «свободе народа» с чаяниями самого народа, только он имеет право решать, какими путями он хочет идти к свободе и какую цену готов за нее заплатить. Между тем под прикрытием тезиса «классовой солидарности» террористы присваивают это право себе, непрерывно совершая насилие над народом якобы во имя его же блага. Это относится и к тем достаточно немногочисленным их действиям, которые, казалось бы, направлены на защиту самых непосредственных интересов трудящихся. Так, например, развернув кампанию против сверхурочных работ в выходные дни на крупных промышленных предприятиях Милана, экстремисты из «Первой линии» не только установили пикеты, стараясь не допустить рабочих на заводы, но, понимая, что их сил недостаточно, взорвали пути в Миланском метро, вывели из строя сотни автобусов, чтобы помешать рабочим добраться до заводов. Борьба за интересы рабочих или антирабочая политика?

Россана Россанди — лидер левацкой группы «Манифесто» — с полным основанием в данном случае подчеркивает: «Если кто-нибудь осмелится сказать, что терроризм — это классовая борьба, мы ответим: да, конечно, это борьба самих хозяев вместе с теми, кто ведет их игру»¹⁰.

Но разве не наносят ущерба хозяевам поджоги, взрывы, запугивание управляющих и инженеров, принудительные забастовки и т. д.? Конечно, наносят. На этом и спекулируют «левые» террористы. Однако суть дела в том, что этот частный экономический ущерб с лихвой перекрывается тем, что террористы на предприятиях выступают против профсоюзных организаций, пытаясь подменить их своими боевыми группами, стремятся лишить их силы и влияния, парализовать их куда более серьезно затрагивающую интересы хозяев и ударяющую по их карману деятельность.

И при всем этом некоторые «левые» террористы, видимо, вполне искренне считали себя борцами за дело

рабочего класса. «Ветераны 1968 г. пошли в мир труда», — говорят отступники из «Первой линии» Марчелло и Алессандри. «Мы были увриеристами. Может быть, мы были не правы, но это было так»¹¹. Возможно. Но «забота» террористов о людях труда всегда выглядит как протест против труда вообще. В так называемом двойном отождествлении террористов (с «обездоленными массами» и со спасителями, путь указующими) элитаристское начало явно преобладает.

С другой стороны, такие понятия, как «народ», «трудящиеся», «массы», «рабочий класс», «пролетариат», во имя которых якобы совершают свои преступные акции «левые» террористы, употребляются ими фактически на равных основаниях. Содержание этих понятий террористами не конкретизировано, соотношение между ними не уточнено. Они выступают в качестве некой условной, абстрактной субстанции, символа, а не точного обозначения явления, выделенного на основе объективных, научных критериев. Народ или «рабочий класс», на который они ссылаются, — это мифический народ, мифический класс, имеющий мало общего с реальными трудящимися. Именно эти абстрактность и символичность постоянно употребляемых террористами понятий «класс», «народ» и т. д. и позволяют производить с ними всяческие логические спекуляции в политических целях. Таким образом, в частности, террористические кампании обретают видимость «классовой борьбы», а отщепенцы — облик «классовых борцов».

Однако, более отчетливо или более смутно осознавая, что в стремлении вести «народную войну» без народа и «классовую борьбу» без современного промышленного пролетариата есть заметное и разоблачительное противоречие, идеологи «левого» терроризма пытаются снять его при помощи поисков иного, чем индустриальный рабочий класс, но «народного» и «массового» «революционного субъекта». Попеременно или одновременно, согласованно или в ходе дискуссий друг с другом они объявляют таким субъектом самые различные социальные слои, на которые им удается распространить критерий «невписанности в систему».

У одного только Х. Малера, главного теоретика и фактического организатора РАФ, мы находим три отличающихся друг от друга утверждения. Это, во-первых, «примат ориентации на ведущие вооруженную борьбу «пролетарские народы» в развивающихся странах». «Мы думали, — писал позднее отошедший от терроризма Х. Ма-

лер,— что народ, будучи слишком пассивным, не в состоянии освободиться от этого государства. Тогда мы нашли в третьем мире другую идентификацию. Мы стали чувствовать себя не немцами, но пятой колонной третьего мира в метрополии»¹². Во-вторых, обращение к маргинальным группам, которые, согласно Х. Малеру, являются наиболее угнетенными слоями народа, не только лишенными средств и безоружными перед репрессивными органами, но и подвергающимися дискриминации со стороны лучше приспособившихся пролетарских слоев. Аналогичный смысл имеет и тезис итальянских «автономистов» о новом «революционном субъекте», так называемом социальном рабочем как представителе той части пролетариата, которая не интегрировалась в систему, полностью отвергает ее, не примыкает к традиционным левым партиям и профсоюзам. В-третьих, разделяемая многими левоэкстремистскими и леворадикалистскими нетеррористическими группами мысль, что в современных условиях главная социальная сила, способная вести настоящую «классовую» борьбу,— это не организации индустриального рабочего класса, а «революционные части студенчества», объявляющиеся основными носителями революционного сознания. Наконец, в качестве «революционного субъекта» многими идеологами «левого» терроризма называются, с теми или иными оговорками, и уголовные преступники. С одной стороны, их рассматривают как жертвы капитализма, в силу чего находящиеся в заключении уголовников У. Майнхоф квалифицировала как «арестованных рабочих», а «Красные бригады» величали их «экстралегальным пролетариатом». С другой — за ними признавался, так сказать, исходный «революционный потенциал».

«Левые» террористы, нередко отмежевывающиеся от анархизма, заимствуют у него один из его фундаментальных постулатов о нарушении законов как революционным акте. Простейшая, удобная и доступная каждому логика: поскольку законы суть законы буржуазного общества, следовательно, их нарушение есть подрыв этого общества и его устоев, а значит, и революционное действие. Всеобщая покорность законам, с точки зрения террористов, является «существенным условием для продолжения покорной жизни». В целях революционизирования масс необходимо разрушить привычку к подчинению буржуазному правопорядку, преодолеть «рефлекс повиновения». А для этого требуются «повторяющиеся нарушения норм действиями»¹³.

Впрочем, и здесь у террористов концы с концами не сходятся, поскольку если преступление является революционным актом, то и уголовники, согласно этой логике, — политические борцы. Станным поэтому выглядит, например, подчеркивание арестованными членами РАФ политического характера совершенных ими акций и отстаивание прав политических заключенных, ибо, согласно их же теории, все заключенные — политические.

Уже сам по себе этот лихорадочный и сумбурный поиск социальной базы — убедительное свидетельство отщепенства террористов, не желающих взглянуть правде в глаза. «Левым» террористам не удалось получить сколько-нибудь значительной поддержки не только со стороны рабочего класса, но и от маргинальных и люмпенских слоев, перед которыми они заискивали.

В результате на первом месте среди всех использованных ими характеристик и критериев «революционного субъекта» оказалась вера в то, что революционеры делает воля к революции. А эта воля присуща лишь людям определенного склада, обладающим тем, что они называют мятежным характером. А поскольку подобные характеры редки, то этим они и объяснили тщетность своих усилий по вовлечению в террор сколько-нибудь значительного числа выходцев из тех слоев общества, на которые они возлагали свои надежды. В конечном счете наличие воли к революции они смогли признать только за собой и были вынуждены сосредоточиться на самих себе как на единственном «революционном субъекте».

Но, лишившись фигового листка псевдоклассовости, «воля к революции» выступает в своем естественном и первозданном виде — как «воля к борьбе» не за определенный социальный идеал, но против общества вообще и, более того, к борьбе самой по себе, к борьбе как экзистенциальной потребности, самоценному стремлению к изменению ради изменения, отрицанию и разрушению ради утверждения лишь самого принципа борьбы как таковой.

В то же время сама эта экзистенциальная потребность в основе своей базируется на решительном и тотальном неприятии всей существующей социальной действительности, на нетерпимости, выдаваемой за революционное нетерпение.

Таким образом, «народная война» на деле трактуется (и осуществляется) как проводимая кучкой интеллигентов и люмпен-пролетариев террористическая кампания. За всеми демагогическими словами «левых» террористов

о «народе», «массе», «рабочем классе» кроются своеобразные в этом контексте, но по существу традиционные высокомерие и снобизм касты избранных по отношению к париям, элитарно-аристократическое презрение к массам.

Глубоко прав О. Демарис, подчеркивающий, что ««народная война» развертывалась горсткой фанатиков для того, чтобы утолить их собственную ненависть»¹⁴.

2

Убийства статистические и «символические»

Одним из самых любимых и наиболее употребляемых «левыми» террористами слов является слово «символ». Административные здания, офисы, редакции, а тем более казармы или военные склады для них «символы социальной несправедливости». Государственные служащие, юристы, военные, полицейские — «символы режима». Направленные против них операции трактуются как символические акции, расцениваются как удары по «уязвимому месту государственного аппарата», удары «в сердце государства». «Сердце» это в представлениях террористов столь расширено, что в него «символически» попадают пули, выпускаемые итальянскими террористами в ноги управляющих предприятиями, «мелких шефов» и инженеров. Стрелять по ногам, утверждают «левые» террористы, надо для того, чтобы люди хромали, как власть.

Корни этой дешевой патетики заложены в самой природе терроризма, в том, что обращение к крайним методам есть следствие политической и военной слабости, которую сами террористы пытаются загримировать под силу. Атакуя те или иные здания и нападая внезапно на отдельных людей, каждого из которых защитить практически невозможно, они стремятся создать иллюзию своего всемогущества, своей вездесущности, обрести образ силы, которая в свою очередь служит подменой образа массового движения. Отсюда же и претенциозное стремление выдавать частные террористические акции за «исторический вклад» в дело революционной борьбы, убийство полицейского за «победу над государством» и измерять эффективность своих действий не их политическим результатом, но успехом самих операций.

Признание за террористическими акциями «символического» значения призвано также обособить их от акций уголовного характера и примитивной мести, придать им возвышенный идейный смысл. Оно связано и с оправданием оппозиционного индивидуального террора, как противостоящего массовому террору со стороны государства, проливающего значительно больше крови. «Террористы убивают символически, государства же — статистически»¹, — заявлял известный итальянский писатель А. Моравиа*. В этом тезисе есть своя правда. Однако разгул «левого» терроризма в конце 70-х гг. показал, что противопоставление убийств символических убийствам статистическим весьма условно и далеко не отражает реального положения дел. «Символика» сегодня дает весьма выразительную статистику.

Когда на рубеже XIX—XX вв. Август Бебель выступил против анархистского террора, он составил список самых заметных террористических покушений в европейской истории. Каких только высоких особ не было среди приведенных им жертв терроризма: короли и королевы, президенты республик и министры и даже римский папа! Не претендовавший на полноту список Бебеля занимал примерно полстраницы. Сегодня, когда возросший интерес к терроризму заставил исследователей как следует покопаться в прошлом, реестр Бебеля можно было бы дополнить еще несколькими десятками имен и таким образом прибавить к нему страницу-полторы. За всю историю западной цивилизации мартиролог индивидуального террора максимум на две-три страницы!

Если бы мы по этому примеру занялись перечислением, как теперь принято говорить, «важных политических покушений» 70-х гг., т. е. атак на крупных промышленников и финансистов, влиятельных политиков и юристов, высокопоставленных военачальников и авторитетных журналистов — словом, тех, кто являются столпами современного общества, то в две страницы нам никак не удалось бы уложиться. А если добавить сюда людей, занимающих средние ступени иерархической лестницы,

* Писатели, которые оправдывали насилие в порядке его эстетизации, оппозиции к обществу или душевного сопереживания с «бунтующими», нередко оказывались в положении неумелых метателей бумеранга, которым наносит удар брошенное ими же оружие. В конце прошлого века поэт Лоран Тайад такотреагировал на первый взрыв в кафе анархистами: «Стоит ли думать о жертвах, если жест красив?» Через некоторое время при взрыве в ресторане Тайад был ранен в голову и потерял глаз. Дважды террористы «символически» взрывали виллу А. Моравиа.

то список наверняка разросся бы на десятки, если не на сотни страниц. Правда, в силу изменившихся исторических условий в нем незначительное место заняли бы лица королевской крови, но королей финансов, индустрии, нефти в нем было бы предостаточно. Что же касается министров, то одно только нападение на заседание представителей стран ОПЕК в Вене позволило террористам взять в заложники 26 высокопоставленных сановников, 11 из которых были министрами.

По мнению специалистов, наиболее результативно в прошлом осуществляла террор боевая организация эсеров, в активе которой — убийство великого князя Сергея Александровича, министров Плеве и Сипягина. В разгар своей деятельности эсеры произвели около 200 покушений (1905 г.— 54, 1906 г.— 82, 1907 г.— 71). Цифра по тем временам потрясающая. Даже спустя полвека она выглядела весьма внушительно.

На фоне же экстремистского разгула наших дней некогда впечатляющие итоги террористической деятельности эсеров представляются более чем скромными. А между тем эсеры по своей активности решительно превосходили все действовавшие одновременно с ними в других странах террористические организации.

Только в Италии, по данным министерства внутренних дел страны, в 1976 г. было совершено 1198 террористических актов, в 1977 г.— 2128, в 1978 г.— 2375, за первое полугодие 1979 г.— около полутора тысяч, всего же за 1977—1979 гг.— 6639 акций. Масштабы деятельности террористов в некоторых странах выглядят не менее, а подчас и более внушительными, чем в Италии. Баскской террористической организацией ЭТА, маскировавшей национализм левой фразой, в 1977 г. убито 63 человека, в 1978 г.— 99, в 1979 г.— 123. В Турции только за четыре месяца — с декабря 1978 по апрель 1979 г.— совершено 1534 террористических акта, убито по политическим мотивам 314 и ранено 1088 человек. Всего за 1978—1979 гг. в стране от рук террористов погибло 2650 человек. Напомним читателю, что в 1979 г. террористические акты были осуществлены в 58 странах. В эти цифры входят акции, проведенные террористами всех направлений. Большинство их — дело рук националистов или неофашистов. Но для такой страны, как Италия, это были годы подавляющего перевеса «левого» терроризма. В Турции количество жертв от рук террористов национал-фашистской и левацко-маоистской ориентации было примерно равным.

Не будем далее громоздить одну ужасающую цифру на другую. Картина ясна: если в прошлом жертвы политических покушений исчислялись в лучшем случае десятками, то сегодня счет идет на сотни и тысячи. Если практиковавшиеся и ранее ограбления банков в целях обеспечения организации средствами были сравнительно редки, то сегодня они стали постоянно функционирующей отраслью террористического бизнеса, приносящей многомиллионные доходы. Согласно данным западной печати, ежегодный доход уругвайских и бразильских террористов, получаемый путем ограблений банков и выкупов за заложников, составляет от 5 до 10 млн. долларов. Аргентинская ЕРП этими же методами добывала в некоторые годы по 50 млн. долларов. Похищения людей и ограбления банков принесли «Красным бригадам» в середине 70-х гг. десятки миллиардов лир. По данным Добсона и Пейна, общий доход террористов в 1974 г. составил 120 млн. долларов.

Если ранее взрыв брошенной террористами бомбы был событием исключительным и ошеломляющим, то сегодня он становится едва ли не привычным аккомпанементом к шумам повседневной жизни. Тридцать взрывов одновременно прогремело 20 февраля 1979 г. в 11 городах Турции; 21 взрыв был произведен ЭТА в ночь на 13 июня 1982 г. в городах Басконии. Аналогичные серии взрывов осуществлялись в 1978—1979 гг. во Франции и Италии, Греции и Португалии. Расхожее выражение «Произвести эффект разорвавшейся бомбы» ныне явно девальвируется.

К традиционным для терроризма выстрелам и взрывам сегодня прибавляются и такие подлинно современные акции, о которых террористы прошлого и помыслить не могли: угон самолетов, захват посольств, правительственных зданий и офисов, вооруженные нападения на военные базы, казармы и штаб-квартиры политических партий, захват заложников, рэкет в форме «революционного налога», диверсии в промышленности, взрывы линий электропередачи и водопроводов, блокирование и разрушение транспортных магистралей и многое другое.

Рост числа террористических акций и наносимого ими материального ущерба, увеличение количества человеческих жертв в известной степени можно объяснить появлением новых видов оружия. Современный террорист, посылающий с безопасного расстояния импульс для взрыва мины, конечно, отличается от Вильгельма Телля, на горной тропе поджидающего наместника с луком в руках,

или от русского террориста Соловьева, стреляющего на бегу из старого револьвера по царю. И мина у современного террориста не той мощности, что изготовленная с опасностью для жизни кустарная бомбочка. А современный транспорт, позволяющий в считанные минуты достигать места действия и моментально исчезать? А средства радиосвязи? Всего не перечислишь. Современные сложившиеся террористические организации — это не группы вооруженных заговорщиков, а целые концерны с мастерскими, складами, убежищами, типографиями, госпиталями, лабораториями и т. д. Их «персонал» состоит из идеологов и практиков, руководителей и исполнителей, «специалистов» по убийствам, диверсиям, угону автомашин и изготовлению фальшивых документов, лиц, ответственных за финансы, разведку, связь с прессой, профессиональных подпольщиков, получающих регулярное содержание, и людей, ведущих легальный образ жизни, и т. д. и т. п.

«Феномен (терроризма.— В. В.) принял сегодня совершенно другой вид,— отмечает Р. Соле.— Речь больше не идет о рудиментарных методах, о жестах изолированных и романтических людей, подыхающих с голоду»². Но конечно, не только новыми техническими средствами и новым организационным уровнем определяется внушительная статистика преступлений террористов и сам характер этих преступлений. Она в первую очередь производное от их политизированной этики и стратегических установок. Один из западных авторов верно отмечает, что появление современного «левого» терроризма означало «крушение политического кодекса, выработанного в конце XIX в.», считая это «переменой глубокого морального и политического значения». «Кодекс различал борцов и не борцов... террористы отбросили понятие невинных людей, они провозгласили право убивать всех, они стремятся терроризировать целые народы»³.

Еще сравнительно недавно в системе мотивировок террористов важное, а иногда и первостепенное место занимала политическая или даже личная месть конкретному человеку. Такой человек рассматривался как главный носитель социального зла, с уничтожением которого автоматически исчезнет и это зло. Нельзя сказать, что в психологии современного террориста такой мотив отсутствует. Он не только остался, но и приобрел еще более ожесточенный характер. Однако месть отдельным лицам отступила на второй план перед местью всему обществу. Современные террористы понимают, что сегодня один

человек, какой бы высокий пост он ни занимал, не определяет природы социального строя и политической линии государства. Именно поэтому для них он не основа, а «символ режима». Таким образом, ответственность за зло падает не на персонального члена общества, а на весьма широкий круг лиц. И не только занимающих видное положение, но и малозаметных и анонимных. Следовательно, и эти лица включаются в круг потенциальных объектов террора.

И здесь отчетливо проявляются дуалистические возможности концепции «символического» покушения. С одной стороны, она позволяет ограничиться немногими, так сказать «показательными», террористическими акциями, поскольку для символической демонстрации не важна количественная сторона дела. С другой — предоставляет возможности до бесконечности расширять пределы «символа» и практически служит индульгенцией для любого убийства, если оно мотивировано как «политическое». «Левые» террористы чрезвычайно быстро, через ряд промежуточных ступеней перешли от деятельности, соответствующей первой трактовке, к полной реализации возможностей второй.

Первые их акции были бескровными, и в качестве «символических» объектов выбирались торговые и складские помещения, здания, издательства, промышленные предприятия. Когда маленькая группка во главе с А. Баадером в апреле 1968 г., еще не помышляя о кампании систематического террора, но желая напомнить «сытому и благополучному обывателю» о нищете и страданиях народов развивающихся стран, подожгла здание университета во Франкфурте-на-Майне, поджигатели, чтобы избежать человеческих жертв, осуществили акцию вечером, перед самым закрытием магазина. Весьма грозные на словах английские «Гневные бригады», считавшие бомбы «посланиями правящему классу» и призывавшие молодежь не сидеть, как буржуа, в кафе, а взрывать их, осуществили ряд эффектных взрывов, но ни одного в кафе. Они взорвали бомбы в квартире министра Р. Керра, в здании почтамта, в армейском спортзале, представительстве Форда в Англии и при этом всегда выбирали момент, когда помещения пустовали. Итальянские террористы начинали с воинственных листовок, экспроприаций, диверсий на промышленных предприятиях. «Красные бригады», уйдя в подполье в 1971 г., свое первое целенаправленное политическое убийство осуществили в 1974 г. Все это выглядит весьма непоследовательным со

стороны людей, сознательно решившихся на вооруженное насилие. Создается впечатление, что они колеблются, перед тем как сделать следующий и решительный шаг, надеются обойтись демонстрацией силы и угрозой политического убийства, избежав самого убийства.

А между тем нападения на вроде бы пустующие учреждения, магазины, склады чреваты угрозой жизням людей. В том же франкфуртском универсаме на ночь оставалась работать группа художников-оформителей. Нападения на склады оружия и банки тоже не всегда обходились без крови. Экстремистские действия на заводах приводили нередко к стычкам и побоищам. Выдвоя с завода злоупотреблявшего своей властью мастера, один из членов внутриводской экстремистской группы ранил его выстрелом в ногу. Этот случайный выстрел был позднее взят на вооружение итальянскими террористами как специальный прием, получивший название «гамбизационе». Когда в 1970 г. западногерманские экстремисты, намеревавшиеся перейти к активным действиям, вызволяли из заключения намечавшегося на пост полководца герильи А. Баадера, последний для этого добился разрешения посещать в сопровождении охранника библиотеку Социального института. Перестрелка в читальном зале привела к тяжелому ранению библиотечного служащего.

И, однако, уже после этого в опубликованном РАФ документе «Теория городской герильи» его автор Ульрика Майнхоф осуждает не только убийство, но даже и нанесение физического ущерба людям. Она оправдывается тем, что выстрел с их стороны был ответным, и даже уверяет, что попытка не была бы предпринята, если бы они знали, что будет ранен человек. Не стоит, впрочем, обольщаться этими покаяниями. В том же документе, посвященном обоснованию необходимости перехода к вооруженной борьбе, сама постановка вопроса: «Можно ли применять оружие?» — заклеяна как абстрактно-пацифистская. Противоречие? Лишь отчасти. Лишь в той мере, в какой психологически трудно совместить рациональное обоснование права на убийство с эмоциональной реакцией на его реальное осуществление. И само это противоречие тут же снимается при помощи логической уловки: одно дело — невинный библиотекарь, другое — полицейский или офицер армии. «Мы говорим, что человек в мундире — свинья, т. е. не человеческое существо, и, исходя из этого, мы должны улаживать дела

с ним. Ошибочно вообще говорить с этими людьми. Стрельба в них — дело разрешенное»⁴.

Стоит только преодолеть психологический барьер, «преступить через кровь» один раз, и как плотину прорывает. Взрывы в общественных зданиях и на площадях, целенаправленные политические покушения, захваты посольств и самолетов, нарастая, следуют друг за другом. Статистика вытесняет «символику» — с количеством жертв уже не считаются. Только в результате осады западногерманского посольства в Стокгольме, в итоге подожженного ими, было убито 3 и ранено 30 человек.

Жестокость террористов и осуществляемых ими акций непрерывно возрастает, всякие нравственные табу или психологические тормоза напрочь отбрасываются. В том же Стокгольме террористы подкрепили свои требования угрозой каждый час убивать по одному сотруднику посольства. И эту угрозу начали приводить в исполнение, подведя одного, а затем другого из дипломатов к окну и на глазах у полиции и представителей прессы хладнокровно выстрелив им в голову. Дальнейшей эскалации убийств помешал штурм.

Аналогичный процесс происходил и в недрах итальянского левотеррористического движения. Сначала оружие носилось экстремистами лишь для защиты организуемых ими выступлений от неофашистов. Потом оно стало применяться при нападениях на склады оружия, банки и промышленные предприятия. Гибель в ходе этих акций охранников, полицейских (и самих террористов) рассматривалась как неизбежные для военных операций потери. Когда в 1973 г. одна из экстремистских организаций казнила комиссара Калабреззи, виновного в смерти анархиста Пинелли, это вызвало серьезные разногласия среди террористов. Единственной в то время организацией, считавшей проведение подобных акций ordinарным делом, были «Красные бригады»; другие отрицали убийство как возмездие или признавали в качестве исключительной меры. Сами «Красные бригады» после этого еще около года воздерживались от индивидуального террора. Лишь в 1974 г., после ареста группы лидеров организации, «Красные бригады» похищают заместителя прокурора города Генуи Сосси, но отпускают его, взяв обещание освободить восемь арестованных. Сосси слово сдержал, но прокурор города Коко аннулировал подписанный им приказ и через два дня после этого был убит. Вслед за этим, как и в ФРГ, только в значительно боль-

шем масштабе, нарастает эскалация насилия и убийств, завершившаяся похищением и убийством Альдо Моро, которое, по мнению специалистов, было одиннадцатым «важным политическим покушением» в Италии, фоном и пьедесталом для которых были сотни «менее важных» покушений на полицейских, тюремных надзирателей, «мелких шефов», активистов профсоюзов, коммунистической и социалистической партий.

В этой связи есть смысл вспомнить, что покушение на Альдо Моро было осуществлено по сценарию, апробированному похищением Шляйера. И здесь встает вопрос: переняв технический опыт своих западногерманских единомышленников и соратников, неужели «Красные бригады» игнорировали итоги их операции? Иными словами, возникает серьезное подозрение, что похитители предполагали, что правительство откажется вступить с ними в переговоры, и заранее были готовы убить пленника, цинично разыгрывая садистскую комедию «народного суда».

От взрывов и поджогов зданий к нападению на людей, от схваток с анонимными противниками к политическим покушениям на конкретных лиц, от политического киднапинга с последующим освобождением заложника к предумышленному его убийству, от подкладывания бомб или стрельбы издали к хладнокровному выстрелу в упор в беззащитного пленника, от атак на «политического врага» до казней своих заподозренных в измене или просто в желании отойти от террора товарищей — такова не только формально-техническая эволюция «левого» террора, но и психологическая эволюция самих террористов, которую беглецы из террористического подполья называют «адской спиралью».

И одновременно расширение круга лиц, попадающих в орбиту террора в качестве его мишеней. С одной стороны, это встречный процесс: переход к нападениям на все более высокопоставленных деятелей и в то же время причисление к разряду «символов режима» представителей самых разнообразных профессий, занимающих разное место на ступенях общественной лестницы. С другой — расширение форм террористической активности, отказ от всякого самоограничения при выборе места, времени и способов нападения. Это приводит к тому, что жертвами террористов все чаще становятся люди, случайно оказавшиеся на месте происшествия, принадлежащие к самым разным социальным слоям. Бомба, взорванная в аэропорту, на автобусной остановке или в кафе,

может угрожать жизни как буржуа, так и пролетариев, как угнетателей, так и угнетенных, как реакционеров, так и прогрессивно мыслящих людей.

Лидеры РАФ еще могли сослаться на «законы революционной войны», когда предупреждали тех, «кто видит легкую работу в профессии полицейского или солдата»⁵, о связанном с нею риске. Они еще пытались нащупать какую-то почву под ногами, когда обещали «осуществлять атаки на судей и следователей с использованием взрывчатки столь часто и столь долго, сколько необходимо, пока они не прекратят нарушать законы по отношению к политическим заключенным»⁶. Почва зыбкая, ибо террористы принципиально не признают демократической законности, но все же хотя противоречивый, хотя лицемерный, но какой-то принцип выбора мишеней по социальному признаку декларируется. Но кто такие пассажиры авиалайнера, захваченного террористами в Могадисио? Возвращающиеся из отпуска служащие, рабочие, мелкие буржуа. Невинные жертвы? О, нет. Для террористов «невиновных не существует». Практически все, кто ведет нормальный трудовой образ жизни, а не посвящает себя авантюристическому бунтарству,— это люди, интегрировавшиеся в «систему» и тем самым ставшие соучастниками ее тирании. И следовательно, террор можно и нужно распространять и на них. Значит, нападая на Шляйера, естественно вместе с охранником убить и шофера — «прислужника» «оплота» режима. Вполне допустимо также взять список слушателей школы индустриальных кадров в Турине и произвольно наметить несколько «символических» жертв. Правда, среди убитых оказался профсоюзный активист, сторонник экстремистской группы «Манифесто», но туда ему и дорога, раз он поступил в подобное учебное заведение. И вообще прав японский террорист Кодзо Окамото, мечтавший увидеть разрушенными дома простого народа в Вашингтоне и Нью-Йорке, для того чтобы и он «почувствовал ураган мировой революции»⁷. И правы «везермены» с их лозунгом: «Превратим Нью-Йорк в горящий Сайгон! Пусть знают, что смерть и страдания действительно существуют»⁸.

Вот так. Смерть и страдания не только для «империалистов», «слуг государства», «свиней в мундирах» — словом, «классового врага», но и для всего народа, включая пролетариат, именем которого клянутся и от имени которого производят свои преступные акции «левые» террористы. «Кто не за РАФ, тот за Геншера» (министр

внутренних дел ФРГ),— говорила западногерманская террористка Бригитта Кульман⁹. Как заявил тот же Окамото, «можно быть или буржуа, или членом «Красной армии». «Красная армия» убьет всех, кто на стороне буржуа»¹⁰. Всех! Тотальное истребление в интересах свободы! Для кого? Исключительно для членов «Красной армии».

Развитие «левого» терроризма по логике «адской спирали», его нарастающая «брутализация» некоторыми западными авторами объясняются ростом «идеологического фанатизма». В этом выводе позволительно усомниться. Люди, хорошо знакомые с природой современного «левого» терроризма и положением дел в его рядах,— раскаявшиеся террористы, выходцы из самых различных организаций,— единодушно свидетельствуют, что убийства и взрывы все более и более превращаются в самоцель, террористические акции проводятся в силу самого существования организации, для оправдания и этого существования, и образа жизни террористов-подпольщиков. «Сейчас даже убийство опошлено. Оно стало опознавательным знаком, способом проявить волю к борьбе»¹¹,— признают бывшие итальянские террористы. «...То, что мы приняли за начало гражданской войны, превратилось в частную войну между двумя аппаратами, двумя регулярными армиями с неравными возможностями...— объясняют причины своего отхода от терроризма два бывших члена «Первой линии».— У нас сложилось мнение, что речь уже не идет ни о чем, кроме мести и мести за месть»¹². «Терроризм,— подчеркивает итальянский публицист М. Падовани, корреспондент журнала «Нувель обсерватер» в Италии,— становится все менее идеологичным, все более слепым и абсурдным»¹³.

По мере того как идеологический камуфляж стирается и осыпается, подлинное лицо «левого» терроризма проступает со все большей отчетливостью. Бывший западногерманский террорист М. Бауман характеризует его как «элитарное безумие, граничащее с фашизмом»¹⁴. Другой беглец из террористического подполья, Ганс-Йохим Клейн, отмечая, что многие «видят в городской герилье совсем не то, чем она является на деле», подчеркивает, что ее действия сегодня «по сути являются уже почти фашистскими»¹⁵.

Но можно ли, однако, верить свидетельствам отступников, людей небеспристрастных, заинтересованных в том, чтобы, обеляя себя, очернить то, от чего они отреклись? В данном случае можно. И потому, что такие сви-

детельства сегодня уже насчитываются десятками. И потому, что они подтверждаются самой практикой «левого» терроризма. И потому, наконец, что подобная эволюция — закономерное следствие и выявление коренной природы «левого» терроризма.

3

Вспомогательное оружие

Терроризм одновременно анонимен и саморекламен, конспиративен и открыто театрален. Тщательно оберегая внутренние секреты организаций, террористы нередко осуществляют свои акции в форме «театрализованного насилия». «Театрализация» начинается уже с эксплуатации легенды о «таинственности», с мистификаторского изображения маленьких, подчас микроскопических групп и группок как «Движений» и «Армий», носящих многозначительные и пышные наименования. Она нередко становится неотъемлемым элементом самих террористических акций.

Американские «везермены» заранее оповещали о месте и времени намечавшихся взрывов, чтобы иметь возможность заявить: «Они охраняют здания, а мы проходим мимо стражи»¹. Западногерманские террористы, грабя банки, угощали служащих кексом «поцелуй негра». Карлос во время захвата представителей стран ОПЕК с подчеркнутой демонстративностью убил на глазах у всех невооруженного чиновника, а в самолете раздавал своим пленникам сигары и мило беседовал с ними на светские темы. Вся тщательно отрететированная процедура захвата А. Моро в центре многолюдного города разыгрывалась как «спектакль на площади».

Театрализовать акции, которые все же являются боевыми операциями, террористам, естественно, не всегда удается. Но вслед за их осуществлением они, как правило, разыгрывают целый спектакль. Безымянные похитители или подрывники компенсируют собственную анонимность прославлением группы, которая стремится как можно шире и громче оповестить о своей ответственности за акции. Иногда одну и ту же акцию приписывают себе несколько организаций. Звонки и рассылка в редакции писем с обоснованием акции, демагогическими разглашательствами и угрозами, подбрасывание интригующих деталей, наводящих полицию на ложный след, сопровождение одной акции серией других, обструкции и

скандалы во время судебных процессов — все это типичные черты продуманной террористической режиссуры.

«Терроризм — это театр» — формула, ставшая расхожей в западной литературе. Террористическая акция — это драма, в которой три основных действующих лица, отмечают, например, Р. Куперман и Д. Трент: сама террористическая группа, группа, против которой непосредственно направлена акция, и правительство. Она адресована аудитории, состоящей из народа, правительств других стран и остальных террористических групп.

«Терроризм, — пишет в своей опубликованной по-смертно статье о «Бесах» Ф. М. Достоевского советский писатель Ю. Трифонов, — выродился в мировое шоу. Бесовщина стала театром, где сцена залита кровью, а главное действующее лицо — смерть. И есть подозрение, что это — именно то, к чему террористы, сами того не сознавая, стремились. Без крика, проклятий и замирающих от страха сердец, играть в этом театре неинтересно»². Действительно, для многих террористов, особенно в начальный период их деятельности, террористическая акция являлась чем-то вроде захватывающей и рискованной игры. Игры со смертью, где шансы атакующих и атакуемых были к тому же явно неравны.

Потребность в игре и любовь к театральности, проявляющаяся в примитивном подражании героям дешевых и популярных голливудских фильмов, сидят у террористов в крови. Западногерманская террористка Беата Штурм отмечала, что им очень импонировало то, что у них все было «как в американском детективе»: темные очки Баадера, его немногословность, решительность, «мужественная» грубость. Отношения между Баадером и Энслин строились по схеме кинофильма «Бони и Клайд». Вдохновение Ульрики Майнхоф, по мнению М. Ласки, исходило меньше «от Маркса и Мао, чем от обаятельных фигур двух революционных Марий», тоже героинь западных фильмов³.

Однако то, что английский политолог и поэт Я. Шрайбер называет «театральной функцией терроризма»⁴, коренится глубже, чем просто в личностной психологии террористов. Скорее, наоборот, терроризм втягивает в свою орбиту людей, склонных к театрализованному насилию, или прививает вкус к нему своим адептам. Особенность современного терроризма заключается в том, что главная цель политического убийства заключена не в устранении конкретного, пусть самого высокопоставленного лица, но в резонансе, вызванном этим действием. Объек-

том политического покушения становится не только данное лицо, но и широкий круг запугиваемых. Зритель тоже жертва терроризма. Эта мысль сегодня является аксиоматической.

«Насилие — начало, а не конец террора»⁵, — пишет Д. Фромкин. Устрашение, согласно Б. Дженкинсу, не побочный продукт терроризма, но его искомый эффект. «Терроризм стремится к тому, чтобы большинство народа глядело и слушало, а не к тому, чтобы большинство народа было мертвым»⁶, — пишет он.

Угроза осуществления акции есть не в меньшей степени оружие терроризма, чем бомба или пистолет. Шантаж заложен в природе терроризма уже в силу его политической слабости. «Терроризм — это иллюзионистский трюк: власть террористов нереальна... — замечает О. Демарис. — Это психологическая атака, имеющая целью психологический результат»⁷. Отсюда и вытекает то стремление террористов максимально раздуть значимость своих акций и одновременно в целях пропаганды эстетизировать их, которое приводит к «театрализации насилия».

Отсюда — самореклама террористов и их потребность в рекламе, в широком освещении средствами массовой информации. «Успех террористических операций почти целиком зависит от масштабов рекламы»⁸, — формулирует данную мысль У. Лакёр. Не лишено оснований его остроумное замечание, что современные террористы подобны бедуинам времен Лоуренса, считавшим разрушительную силу оружия пропорциональной производимому им шуму, с той только разницей, что в отличие от наивных детей пустыни политические гангстеры больших городов и сам шум считают оружием. Этим, кстати, они отличаются от гангстеров чисто уголовных, отнюдь не нуждающихся в рекламе и старающихся избегать внимания прессы.

Террористическая акция может преследовать самые разнообразные цели: месть определенному лицу и его устранение, добычу средств, освобождение соратников, давление на правительство или полицию, с тем чтобы вынудить их на определенные уступки, и т. д., но в ее задачи всегда входит демонстрация якобы неограниченных атакующих возможностей терроризма. Она призвана служить не только достижению тех или иных конкретных целей, но и распространению впечатления о реальности всех угроз со стороны терроризма. Поэтому-то акциям и придается «символический» смысл, поэтому-то они и

«театрализируются», поэтому-то и заботятся всеми силами террористы о том, чтобы привлечь к ним самое активное и широкое внимание средств массовой информации, учитывая эту задачу уже в процессе планирования и разработки акции.

Резонанс от террористических акций и их освещение средствами массовой информации становятся составной частью каждого террористического акта, подчеркивает американский политолог, главный редактор журнала «Терроризм» И. Александер. Не дополнением к террористическому акту, а его составной частью, важнейшим оружием из арсенала террористов, хотя не им лично принадлежащим.

Многие акции террористов осуществляются специально ради рекламы. Таков, например, угон самолета 10 сентября 1976 г. группой представителей неких «Бойцов за Свободную Кroatию», о которых ранее никто никогда не слышал, добившихся публикации своей декларации в пяти газетах. В 1975 г. «монтанерос» захватили в Буэнос-Айресе трех директоров фирмы «Мерседес-Бенц», которых отпустили в обмен на публикацию в ряде газет Европы, США и Мексики документа, обличающего «экономический империализм многонациональных монополий». Одним из условий освобождения П. Лоренца был не только обмен его на нескольких арестованных боевиков РАФ, но и передача по частной телесети заявления с требованием об освобождении А. Баадера и его ближайших соратников. Ничем иным, как стремлением к широчайшей, глобальной рекламе, нельзя объяснить во всех остальных отношениях бессмысленное и бесплодное похищение участников заседания стран ОПЕК. Любопытно, что основным требованием организаторов бунтов в тюрьмах Италии было «право» собирать пресс-конференции (это в тюрьмах-то!) и иметь «постоянное место» для своих коммюнике на страницах газет, что объявлялось завоеванием «пролетарскими узниками инструмента для социальной коммуникации».

Представление о «социальной коммуникации» у «левых» террористов весьма своеобразно: «коммуникация» эта в их трактовке сугубо односторонняя и лишена обратной связи. Они вещают, занимаясь самовосхвалениями и изрыгая угрозы, а все остальные их покорно слушают. Но так или иначе, вне возможности вещать, вне возможности привлекать широкое внимание к себе и к своим акциям террористы своего существования не мыслят. Характерен в этом отношении, и более чем характерен —

«символически», эпизод, имевший место в ходе процесса над лидерами РАФ. В течение года 20 подсудимых категорически опровергали показания двадцать первого — Герхарда Мюллера по поводу акций с «летальным исходом». Но в начале мая 1976 г. состоялась забастовка сотрудников прессы. Арестованные террористы лишились повседневной рекламы. Процесс мог потерять свой драматически-сенсационный характер. Это привело лидеров группы буквально в отчаяние. И тогда было сделано заявление, что группа берет на себя ответственность за некоторые из инкриминированных ей акций. Вопреки тому, что этим ставился крест на надежды о мягком приговоре, вопреки протестам адвокатов и некоторых из подсудимых! Цель была достигнута. Интерес к процессу обострился. Террористы с их потребностью выглядеть значительными весьма схожи с обезьяньим племенем бандарлогов, которые, похитив Маугли, приходят в полный восторг от того, что медведь Балу их «заметил», и счастливы посещением «самого» удава Каа, который ими же и питается.

«Это факт,— пишет И. Александер,— что для террористов широкое освещение их деяний средствами массовой информации есть самое важное вознаграждение... и что последние вольно или невольно становятся орудиями террористической стратегии»⁹. Почему? Ведь в отличие от бомб средства массовой информации не находятся в руках «левых» террористов (появляющиеся у них на время маломощные типографии и радиостанции в данном случае не в счет). Более того, сами они обращаются с прессой как с «прислужницей реакции», обличают «информационный террор», совершают убийства журналистов. И тем не менее буржуазные средства массовой информации постоянно играют роль рупора террористов, многократно усиливают эхо от произведенных последними взрывов. В чем же здесь дело?

Освещение терроризма западными средствами массовой информации неотделимо от их собственной установки на эксплуатацию интереса людей к «необычному», спекуляции в сенсационных целях на различного рода преступлениях, создания массовой псевдохудожественной «индустрии ужасов», пропаганды насилия и культа суперменов. Здесь сходятся интересы террористов, владельцев средств массовой информации и ее творцов. К этому прибавляется и то, что «левый» терроризм при его трактовке западной прессой становится поводом для развертывания кампании против «коммунистической опасно-

ности», а, следовательно, эта опасность должна быть подана как можно более масштабно и впечатляюще. Наконец, освещение борьбы против этой опасности позволяет крупным планом показать суперменов из полиции и разведки, воспеть репрессивные органы и само государство.

С другой стороны, какими бы ни были позиции органов массовой информации по отношению к террористам, в основе их деятельности лежит элементарная жажда жизни, удовлетворяемая лишь при условии завоевания широкой аудитории, обеспечивающей не только приток средств от подписчиков и покупателей, но и, что гораздо более важно, приток заказов на публикацию торговой рекламы. Реклама терроризма средствами буржуазной массовой информации есть производное от рекламы сногшибательных марок автомобилей и благоуханнейшей зубной пасты и в свою очередь служит их рекламированию. Средства массовой информации — это «индустрия, связанная с конкуренцией и доходами»¹⁰, подчеркивает И. Александер. «Терроризм для прессы — это источник обогащения»¹¹, — пишет Р. Соле. Однако здесь есть своя специфика. Буржуазная пресса давно научилась с выгодой для себя реагировать на плебейски-обывательский лозунг «хлеба и зрелищ» и при помощи «зрелищ» отодвигать на второй план требования «хлеба». А для этого, как и во времена гладиаторов, избираются зрелища кровавые, рождающие впечатления острые, щекочущие нервы, позволяющие зрителям и читателям пережить невероятные приключения, подняться над серой повседневностью, иллюзорно идентифицируясь с преступными или находящимися на государственной службе суперменами и осознавая одновременно преимущества собственного спокойного существования.

Законы конкуренции не позволяют различным контролирующим средства массовой информации группам договориться между собой с целью лишить налета сенсационности освещение террористической деятельности, ибо всегда могут найтись органы, готовые отказаться от соглашения или нарушить его ради того, чтобы сорвать большой куш. Поэтому газеты, радиостанции, телевизионные компании наперебой соперничают между собой, стремясь первыми добраться до сенсационной информации, опубликовать новые факты, версии и догадки, портреты террористов и данные о них, полученные из опросов родных и соседей, ошарашить аудиторию наиболее выразительными снимками произведенных взрывами разрушений или трупов Шляйера и Моро. В длительные телеви-

сионные шоу превращаются трансляции о переговорах между захватившими здания, самолеты или окруженными в их убежищах террористами и представителями властей, о ходе осады и последующем штурме.

В феврале 1972 г. пятеро японских террористов захватили высокогорный отель, взяв в заложницы его хозяйку. Десятидневная блокада отеля полицейской бригадой в 1200 человек, переговоры с осажденными их родителей и трех психологов круглосуточно транслировались телевидением. Как показали опросы телезрителей, 92,5 % их смотрели в эти дни только эту передачу. За драмой, связанной с захватом израильских спортсменов на Олимпийских играх в Мюнхене, следило по телевидению 500 млн. человек. По сообщению И. Александера, опирающегося на данные конкретных исследований, среднюю передачу о терроризме смотрят в США 40 млн. человек. Террористы считают, что даже если самое ничтожное меньшинство зрителей проявит по отношению к ним внимание и сочувствие, то и в этом случае они обретут большое количество потенциальных сторонников.

Справедливости ради следует отметить, что далеко не всегда информация о терроризме и террористических акциях в массовой прессе проникнута сочувствием к ним. Наоборот, большинство материалов носит критический, нередко резко осуждающий характер. Дело здесь не в симпатиях и антипатиях, хотя смакование «подвигов» террористов нередко создает впечатление тайного любования ими. А иногда и не тайного. Типична фраза, вырвавшаяся у К. Мэтьюза в статье, посвященной похищению А. Моро: «К несчастью, нельзя не восхищаться «Красными бригадами»»¹². Но уже сами масштабы освещения терроризма выглядят своего рода проявлением если не симпатии, то как бы заслуженного интереса, благодаря чему в сознание аудитории внедряется представление о терроризме как о явлении куда более распространенном и значимом, чем это есть на самом деле. Средства массовой информации фактически утверждают его как естественную и неотъемлемую сторону современной общественной жизни.

Западной печатью, радио и телевидением создается трогательно-идиллический образ «западной цивилизации» как оплота нравственности и культуры, невинной жертвы со стороны «террористов», в которые зачисляются не только действительные варвары из левозэкстремистского подполья, но и борющиеся за свою свободу народы развивающихся стран. Пресса нередко возводит терро-

ристов в ранг неуловимых и вездесущих эпических злодеев, своего рода фантомасов, сопротивление которым бесполезно. Личности террористов в прессе зачастую романтизируются, эстетизируются, приобретают эпико-героические масштабы. Поэтому, как метко замечает французский публицист Л. Диспо, смерть террориста производит на настроенную средствами массовой информации в этом духе публику большее впечатление, чем гибель его жертв. Людьми, знающими его лично, отмечается, что Ренато Курчо — «исторический лидер» «Красных бригад» — личность довольно бесцветная, и только пресса придала ему репутацию значительной фигуры.

Любопытно, что с появлением беглецов из террористического подполья некоторые итальянские газеты стали писать о них в тоне куда более враждебном, чем о действующих террористах. Психологически осуждая людей, отошедших от террора, сотрудники таких органов печати оставляют в стороне политический вопрос: от каких именно идей эти люди отступились, от какого дела отреклись? И думаю, что причина такого подхода не только в том, что отступники собственным обликом и характеристиками своих соратников наносят удар по любезной буржуазной прессе традиции романтизировать террористов. Здесь, на мой взгляд, проявляется и присущее правящей элите капиталистических стран двойственное отношение к терроризму: с одной стороны, он выглядит и является отчасти ее врагом, а с другой — он ей же и полезен.

Средства массовой информации с их органической тенденцией к сенсации всегда преувеличивают несоразмерно с их реальной значимостью «подвиги» террористов, силу террористических организаций, их возможности и угрозу с их стороны. Они расписывают малюсенькие кустарные группки, как «Армии», изображают их как существенные движения, которые надо воспринимать всерьез, словом, берут на себя работу по внедрению в сознание аудитории того самого образа террористических организаций, который желателен этим организациям. Характернейшим примером является история «Соединенной освободительной армии», остававшейся почти незамеченной, до тех пор пока она не похитила Патрицию Херст. После этого газетами, радио и телевидением США «Соединенной освободительной армии» была устроена такая реклама, которой никогда не удаивались куда более серьезные и подлинно значительные политические движения.

И еще одну услугу средства массовой информации постоянно оказывают террористам. Претенциозная фразеология террористов является не столько средством выражения сколько-нибудь последовательной идеи, сколько способом самоидентификации, знаком групповой принадлежности. Переводя эту фразеологию на общедоступный язык, стараясь объяснить с позиции нормального мышления смысл патетических и туманных деклараций террористов, пресса нередко придает им видимость логичности и содержательности, на деле не существующих, тем самым явно приукрашивая облик террористов, преувеличивая их умственные способности и степень идейной обоснованности их деяний.

Немалую роль играют средства массовой информации и в деле распространения операционально-технического опыта террористов. Как отмечают многие западные исследователи, они, публикуя детальные отчеты о похищениях и убийствах, открывая этим материалам «зеленую улицу» на экранах и в эфире, организовали настоящие заочные массовые «террористические курсы».

Наконец, средства массовой информации нередко играют на руку террористам, сообщая о людях, занимающихся по долгу службы борьбой с ними или проводящих из журналистского интереса самостоятельные расследования. Немало этих людей было убито террористами. Нередко пресса мешает деятельности полиции, добывая и разглашая сведения о ее планах и степени осведомленности, в ходе радиопередач информирует осажденных в убежищах или захваченных в зданиях террористов о действиях осаждающих.

Таким образом, средства массовой информации становятся дополнительным, вспомогательным оружием самих террористов. Многие авторы даже склонны видеть основную причину появления и существования терроризма именно в распространении террористического опыта при помощи средств массовой информации. Учитывая, что терроризм, не замечаемый публикой, теряет всякий смысл существования, некоторые из исследователей проблемы терроризма полагают, что прекращение публикаций о нем может стать главным условием полной ликвидации терроризма. Другие высказывают ту же мысль в несколько смягченной форме: «Если бы можно было пресечь гласность, это позволило бы искоренить 75% национального и международного терроризма»¹³.

Думается, что здесь мы имеем дело с крайностями и односторонними поисками панацеи. При всей огромной

роли средств массовой информации не в них лежат корни терроризма. К тому же продуктивнее другой вариант: не искоренение гласности, но разумное, соразмерное реальному положению дел и нацеленное на подлинную борьбу с терроризмом его освещение. Другой вопрос, что в условиях капитализма добиться этого не так-то просто. Всякого рода административные запреты будут свидетельством успеха террористов, стремящихся толкнуть общество на путь ликвидации демократических свобод, станут использоваться ими в качестве нового довода для нападок на государство. Добровольное самоограничение средств массовой информации представляется весьма сомнительным. Свобода информационного маневра, характеризуемая как «право народа на знание» и «контроль над правительством», энергично защищается владельцами средств массовой информации. К тому же при всей демагогичности истолкования этих понятий и спекулятивности обращения с ними ведущих деятелей буржуазной прессы сами данные положения пользуются широкой поддержкой и признанием масс, видящих в них важнейшую черту демократического строя и гарантию против реакционно-тоталитаристских поползновений правых кругов. Решение проблемы поэтому остается чрезвычайно сложной задачей, но не представляется невозможным, ибо владельцам и руководителям средств массовой информации в свою очередь приходится считаться с общественным мнением, а его недовольство информационной политикой прессы, радио и телевидения по отношению к терроризму систематически и резко нарастает.

Блудные дети буржуазии

1

Этика насильственного благоденствия

По всей вероятности, современные «левые» террористы слыхом не слыхивали о Карле Гейнцене и работ его не читали. Во всяком случае в иконостасе их идеологического храма, составленном со свойственной им претенциозной сумбурностью, рядом с образами Маркса и Ленина, Мао Цзэдуна и Фанона, Гевары и Маригеллы, Маркузе и Лукача, Грамши и Нечаева для портрета Гейнца места не осталось. А между тем, если бы этот умерший век назад немецкий публицист воскрес сегодня, он бы с успехом поспорил и с Карлосом Маригеллой, и с Антонио Негри, и с Хорстом Малером, и с Ульрикой Майнхоф за право именоваться идеологом современного «левого» терроризма.

Дюжинный либерал, всплывший на гребне революции 1848 г., Гейнцен ничем не выделялся из ряда ему подобных буржуазных республиканцев, кроме громадной нескладной фигуры и нелепых жестов. Но видимо, этой своей сугубо внешней особенностью «Собакевича немецкой революции» (как метко назвал его Герцен, имея в виду не только внешность) Гейнцен был обязан тем, что драгуны, разгонявшие одну из демонстраций в Париже, в которой участвовали и немецкие эмигранты, особо отметили его несколькими ударами плашмя палашом по спине. И тут произошла стремительная метаморфоза. Враг произвола и поклонник демократической законности моментально пришел к выводу, что на произвол надо отвечать еще более энергичным произволом. Так сказать, оскорбление личного достоинства надо смывать кровью врага. Однако этот дворянский кодекс в применении к буржуазному обществу конкретного смысла не имеет. Кому бросать перчатку? Кого прокалывать насквозь шпагой? Неведомого драгуна? Эскадрон драгун? Буржуазных министров? Или весь класс буржуазии, включая мелких лавочников, ко-

торые помогли «маленькому Наполеону» стать президентом республики, а потом императором Франции? Но тут уже одной шпагой не обойтись. Клокочет оскорбленный разум, разрывает душу жажда мщения, и Гейнцен находит на эти вопросы ответы, как ему кажется, простые и ясные. Человечество, возвещал он в выпущенном в 1849 г. эссе «Убийство», состоит из двух партий: «партии свободы» и «партии варваров». Сегодня господствует, свирепствует, угнетает и унижает людей «партия варваров». Что надо сделать, чтобы восторжествовала «партия свободы»? Ничего особенного, просто физически уничтожить «партию варваров». Правда, для этого, по подсчетам Гейнцена, необходимо истребить 2 млн. человек, но это трудность преодолимая. «Партия свободы» попросту должна «посвятить себя изучению убийства и усовершенствовать его до наивысочайшей из возможных степеней»¹.

В реалистичности этого фантастического прожекта Гейнцен ни на минуту не сомневался. Не задумывался он и о том, каким станет общество вследствие истребления «партии варваров» и победы «партии свободы», и не превратится ли последняя в процессе кровавого социального эксперимента в свою очередь в «партию варваров». Но опровержению мысли о противоречии пропагандируемой им освободительной Варфоломеевской ночи элементарным нормам человеческой морали он уделил пристальное внимание, доказывая при помощи ссылок на войны и цареубийства, что морали в сущности не существует. Мораль — понятие условное, она представляет собой оценки и нормы, установленные победителями. Поэтому побеждать убийц убийствами глубоко морально, а всякие там «гуманисты» и «моралисты» попросту «беспринципно смотрят на террор глазами реакционеров»². «Даже если бы нам потребовалось поразить полконтинента или пролить море крови, чтобы покончить с «партией варваров», нас бы не мучила совесть»³, — отважно декларировал он.

Спустя три десятилетия аналогичные идеи развивали и попытались осуществить на практике экстремисты от анархизма в Европе и США, «обогатившие» концепцию террористической борьбы мыслью о политической плодотворности преступных действий, как подрывающих буржуазную законность и тем самым выступающих в качестве одной из форм классовой борьбы, а также такими впечатляющими лозунгами, как «Динамит делает всех равными!» и «Невиновных нет!».

Идеологом анархистского терроризма был Иоганн Мост, рабочий-переплетчик, бывший член Социал-демо-

кратической партии Германии, в конце 70-х гг. резко повернувший к анархизму. Эмигрировавший в Англию, а затем высланный и из нее, Мост переехал в США. В издаваемых им газетах он начал пропагандировать терроризм, развивая тезис о том, что для борьбы «против порядка воров» «все средства законны»⁴. Высокая революционная значимость террористической акции, по Мосту, дает право и даже требует ликвидировать всех, кто может помешать осуществлению этой акции. Будучи, по выражению В. И. Ленина, демагогом, льстящим «мускулистому кулаку» массы⁵, Мост одновременно относился к ней с крайним презрением, мотивируя свою тактику тем, что масса похожа на обезьян и пойдет туда, куда ее поведет энергичное меньшинство. Любопытно и то, что в писаниях Моста мы встречаемся с лексикой, прочно вошедшей в арсенал современных «левых» террористов. Полицейские и шпионы, по мнению Моста, не люди, а «свиньи», «собаки», «зверские чудовища», «рептилии» и т. д., заслуживающие тем самым полного истребления.

В России гейнценовски-мостовский стереотип воплотился в мировоззрении и практике Сергея Нечаева с его знаменитым «Катехизисом революционера». В «Катехизисе» «народ» противопоставлялся «обществу», общество делилось на шесть разрядов в соответствии с отношением к ним «революционеров», а это отношение строилось лишь на выборе: убить в первую очередь или во вторую, превращать в орудие-исполнения своих замыслов при помощи угроз и шантажа или скрытно использовать, временно прикидываясь солидарными. Что же касается «революционера», то он обязан был отречься от всех личных привязанностей, откинуть мораль как лицемерную выдумку правящего класса и верить только в спасительный, всеразрушающий стихийный бунт.

«Революционер живет в обществе, имея целью лишь беспощадное его разрушение»,— заявлял Нечаев. «Он не революционер, если ему чего-нибудь жаль в этом мире, если он может остановиться перед истреблением положения, отношения или какого-либо человека, принадлежащего к этому миру,— всё и все должны быть ему ненавистны». «Все нежные и изнеживающие чувства родства, любви, благодарности и даже самой чести должны быть задавлены в нем единой холодной страстью революционного дела»⁶. Свою организацию Нечаев строил при помощи обмана, шантажа и запугивания, придя в конце концов к убийству товарища, разгадавшего его и взбунтовавшегося против его диктата.

Нечаевщина была категорически осуждена представителями самых различных течений русского революционного движения: от правоверных лавристов до бунтарей-анархистов, от народников-экономистов до обратившихся к тактике террора народовольцев. Вера Фигнер, видная деятельница организации «Народная воля», подчеркивала: нечаевская теория «цель оправдывает средства отталкивала нас, а убийство Иванова внушало ужас и отвращение»⁷. Один из лидеров наиболее экстремистски настроенного народнического крыла, В. Дебагорий-Мокриевич, отмечал, что при обсуждении практических предложений и планов «подведение под одну категорию с «нечаевщиной» являлось одним из веских аргументов против»⁸. Русское революционное движение вынесло из нечаевского дела высокую требовательность к личным, идейным и нравственным качествам своих членов. Оно извлекло из него, как писал революционер-народник Н. Чарушин, практический урок: «Ни в каком случае не строить революционную организацию по типу нечаевской, не прибегать для вовлечения в нее к таким приемам, к каким прибегал Нечаев»⁹.

Это следует подчеркнуть, поскольку в западной политологии получила широкое распространение тенденция отождествлять нечаевщину с народовольчеством, а народовольчество с современным «левым» терроризмом. Нечаевский «Катехизис» «стал библией революционеров всего мира»¹⁰, — ничтоже сумняшеся заявляет один из политологов. «Существует сверхъестественное сходство между сегодняшней террористической тактикой в Риме и [Западном] Берлине и тактикой предшествующих большевикам русских нигилистов, убивших царя Александра и 3 000 (!) его полицейских»¹¹, — утверждает другой.

Так искусственно выстраивается цепочка: Нечаев — народовольцы — большевики — современные «левые» террористы. В этой цепочке может отсутствовать то одно, то другое промежуточное звено в зависимости от концепции отдельных политологов. Но все они единодушны в одном: выбор целесообразных средств политической борьбы в соответствии с объективными условиями отождествляется с принципом «цель оправдывает средства», признание вооруженного насилия — с терроризмом, а любая форма террористической практики — с нечаевщиной. Между тем, несмотря на обоюдное признание правомерности террористической деятельности, между нечаевщиной и народовольчеством существуют глубоко принципиальные как политические, так и этические различия.

Народовольцы рассматривали обращение к террористической тактике как шаг временный, вынужденный репрессиями и невозможностью вести мирную пропаганду, продолжая считать последнюю своим главным делом и надеясь добиться необходимых для этого свобод при помощи террора. На первых порах им случалось употреблять формулу «цель оправдывает средства», но даже и в этих случаях они вкладывали в нее весьма конкретный и ограниченный смысл. Речь шла попросту о признании права революционеров на переход от мирных к насильственным формам борьбы, которые в этих условиях могли быть только террористическими. Мотивы и направления данной борьбы были народовольцами строго ограничены: самозащита, возмездие особенно зверствующим представителям власти, давление на царя. Отчаянно нуждаясь в деньгах, народовольцы категорически отвергали всякого рода нечестные способы их получения.

Нечаев, не ведя никакой работы в народе, априорно рассматривал терроризм как универсальное средство политической борьбы, ставя своей целью терроризировать все общество. Принцип «цель оправдывает средства» был для него абсолютен и трактовался максималистски, не только как признание правомерности самых крайних и кровавых средств борьбы, но и как отрицание всех других методов, заранее признанных «неревolutionными». «Революционным» актом для него являлось не только чисто политическое действие против социального строя, но и нарушение норм уголовного права. В письмах из каземата он критиковал народовольцев за «буржуазную добросовестность».

Народовольцы были людьми высочайшей личной идейности и нравственности. Эти качества служили основанием для приема в организацию, которая строилась на принципах товарищества, взаимоуважения, безусловной честности и подлинной демократичности. Они были движимы искренней любовью к народу и уважением к человеческому достоинству. Именно ответом на попрание человеческого достоинства и явился выстрел их предшественницы Веры Засулич, что было понято и сочувственно оценено не только самыми передовыми людьми эпохи, но и широкой, далеко не революционной публикой, и даже оправдавшим Засулич судом присяжных.

Нечаев был безусловно сильной личностью, человеком, бесконечно верящим в свою правоту и призвание вождя, фанатически преданным делу и заплатившим жизнью за свои убеждения и заблуждения. Но силу ду-

ха он черпал не в любви к народу, а в ненависти ко всему и вся и в непомерном самолюбии. Его преданность «делу» была, по словам М. Бакунина, преданностью «отчаянного властолюбца», отождествившего это «дело» с самим собой. Люди, в том числе и товарищи по организации, были для него не более чем орудиями исполнения его честолюбивых замыслов. Такого понятия, как «человеческое достоинство», для него попросту не существовало.

Смысл убийства Иванова заключался отнюдь не в том, чтобы покарать предателя и обезопасить организацию, ибо предателем Иванов не был. Здесь решающим было стремление Нечаева «спаять группу кровью». Но и этим дело не исчерпывалось. Скрытым, но бесспорным личным мотивом убийства было также и его желание реализовать на практике ригористические доктрины «Катехизиса», воплотить слово в дело, проверить свою собственную готовность «преступить через кровь».

Употребляя высокие слова о служении революции как о высшем нравственном долге, он на деле подчинил революционную политику безнравственности. Аморализму господствующих классов он считал необходимым противопоставлять собственный аморализм бунтарей против их господства, возведя его в революционную добродетель. Оправдание всем своим гнусностям Нечаев видел в том, что они якобы служат достижению высокой цели освобождения народа. Принцип иезуитизма, распространенный им на дело революционной борьбы, вовсе не соотносил средств с целью, но ставил цель в зависимость от средств. А это означает, что цели, которые он провозглашал, и сама его преданность этим целям были ложными и мнимыми. Нечаев еще в XIX в. своим примером доказал, что «революционеры от ненависти», «революционеры от уязвленного самолюбия» не могут быть ни подлинными социалистами, ни настоящими революционерами.

Так чьими же наследниками и продолжателями являются современные «левые» террористы? Нечаева или народовольцев? Ответ очевиден. Он несомненен и для многих исторически образованных современных политологов правой ориентации. У. Лакёр, например, подчеркивая превосходство политических и идеологических обоснований народовольцев над мотивациями современных «левых» террористов, отмечает принципиальную разницу в их нравственном облике и противопоставляет Софью Перовскую Ульрике Майнхоф. «За последнее столетие, — пишет он, — изменились не только методы, но и цели и

сами личности участников террористических движений»¹². Свою родословную не скрывают и сами террористы, издававшие на рубеже 60—70-х гг. «Катехизис» в ряде стран Европы, США и Японии. Приверженцами Нечаева открыто объявили себя лидеры некоторых левотеррористических организаций. Факт немаловажный для прояснения вопроса о подлинных и мнимых боевых знаменах «левых» террористов.

Что же заимствуют они у Нечаева? В какой-то мере его организационные принципы, но прежде всего трактовку «революционной морали», в свою очередь придавая ей новое политическое содержание и новый масштаб.

«Левые» террористы пытаются оправдать свои деяния тем, что, убивая одних людей, они якобы тем самым спасают другие жизни, жизни потенциальных жертв этого общества. Знакомая порочная «арифметика», которой руководствовался еще герой «Преступления и наказания» Родион Раскольников! Террористами, по словам одного западного политолога, предполагается, что «каждый акт террора вписывается на новую страницу национальной истории. На вторую же страницу будут занесены справедливость, свобода, равенство и всякие другие ценности, предстающие как абсолют»¹³. От светлого будущего человечество, по мнению террористов, отделяется не исторической дистанцией, а толстой и уже трухлявой стеной, стоит взорвать которую, как моментально откроется проход в социальный рай.

В конечном счете нынешние террористические кампании рассматриваются ими не более и не менее как «последняя война за коммунизм». Последняя! Ну а раз так, то стоит ли жалеть о своей или чужой жизни и вести счет жертвам! Победа все спишет. И можно ли в последней битве связывать себе руки какими-либо ограничениями? «Мы тогда говорили, — признает сегодня один из рассказавшихся итальянских террористов, — что цель оправдывает средства»¹⁴. Абсолютная цель и абсолютно любые насильственные средства.

Чтобы совершить революцию, утверждают террористы, «недостаточно изменить производственные отношения, но надо изменить самих людей»¹⁵. В абстракции этот тезис может показаться верным, но в конкретном контексте экстремистской теории и практики он не означает ничего другого, как требование изменить людей посредством осуществляемого над ними или ими самими террористического насилия. Отсюда и вывод: «Насилие... это наш единственный (!) способ общения с людьми»¹⁶,

Насильственные средства у «левых» террористов обретают не только качества социальной панацеи, но еще и выполняют мистически-освободительную миссию по отношению к человеку. «Человек и история творятся самопожертвованием и убийством»¹⁷, — любил повторять Баадер, без колебаний позаимствовавший этот тезис из критической характеристики, данной террористам А. Камю. «В этом акте чистого насилия, — цитируют западногерманские террористы Сартра, в свою очередь развивавшего мысли Фанона, — двойное освобождение: жертва освобождается от фальшивой роли (т. е. убитый, расставаясь с жизнью, тем самым перестает быть «рабом капитала» и «слугой государства». — В. В.), победитель освобождает свой дух для аутентичного поведения (иными словами, раскрепощается от сковывающих рамок морали и убеждается в своей способности «преступить», обретая «абсолютную» свободу. — В. В.). Диалектическая связь жизни и смерти. Смерть есть жизнь»¹⁸.

И наоборот, серая, обыденная жизнь есть не что иное, как смерть. «Кто не вооружается, тот умирает. Кто не умирает — погребается живьем: в тюрьмах, исправительных домах, в зловещих камнях новых доходных домов, в детских садах и переполненных школах, в новых, прекрасно оборудованных кухнях, в спальнях бесчисленных дворцов...»¹⁹ — писала У. Майнхоф. Ну а коли так, то разве не приносят убийцы своим жертвам освобождение от самой страшной из смертей — погребения заживо? Не призывают ли тем самым других к настоящей жизни?

А что такое эта настоящая жизнь? Борьба. Можно быть «либо человеческим существом, либо свиньей». Свиньи стремятся «выжить любой ценой». Человеческое существо должно «бороться до смерти». Против кого и за что? «Против свиней, ради освобождения человека». «Презрение к смерти» и есть «борьба ради жизни»²⁰. Это выдержки из предсмертного письма Х. Майнца, видного представителя первого поколения западногерманских террористов. Майнц умер в тюрьме после 80 дней голодовки, сознательно принеся себя в жертву собственной демагогии.

Свою собственную готовность к смерти террористы расценивают как достаточное основание для того, чтобы ставить ни во что право других людей на жизнь и во имя грядущего «счастья народов» лишать ее тех, кто не подходит под их эталон «человеческого существа». Что касается «свиней», то нет такой жестокости и подлости, которую не сочли бы возможным допустить по отношению

к ним новоявленные крестоносцы. Чего стоит одна сцена убийства Альдо Моро! Моро благожелательным тоном объявили, что его выпускают, для чего попросили лечь в багажник машины и завернуться в ковер. Когда он, радуясь своему освобождению, поспешил сделать это, те, кто только что обнадеживали его, в упор прошили автоматной очередью неподвижного спеленутого человека.

Свое извращенное отношение к жизни и смерти террористы воспринимают как свидетельство «избранности», признак глубокой философско-политической мудрости и высшей силы характера, ставящие их над другими людьми. Выступая от имени народа, «левые» террористы в принципе не желают и не могут понять простого человека, ибо исходят из горделивого убеждения, что простые человеческие чувства не для революционера. Им свойственно уважение к «личности» вообще, но право на звание личности они признают лишь за собой и себе подобными. Они способны испытывать абстрактную любовь к «человечеству» или «народу», но равнодушны к живым, конкретным людям. И этому не противоречит предшествующая уходу в подполье работа некоторых из них в приютах и больницах, ибо в этом случае они имеют дело с лицами или группой лиц, выпадающих из общей нормы и символизирующих «страдающее человечество». Символ есть символ. Что же касается нормальных, здоровых людей, то они, по мнению террористов, не люди, до тех пор пока не вступят на стезю террористической борьбы. Следовательно, насильственное затягивание их на эту стезю и есть проявление подлинного гуманизма. «Любить народ — значит вести его под карточь»²¹, — говорил С. Нечаев. «Любовь к людям сегодня возможна только в смертельной, пронизанной ненавистью атаке на империализм-фашизм»²², — заявляла У. Майнхоф.

Этой демагогической и самоубийственной этикой определяются и требования, предъявляемые террористами к соратникам, нормы жизни в группе и отношения ее членов друг с другом.

Вступление в группу сопряжено с полным самоотречением и разрывом связей с родными и близкими (если только внешнее сохранение их не продиктовано требованиями конспирации). Самому вступлению предшествует испытание новичка в деле не просто опасном, но и кровавом, с тем чтобы ему были уже отрезаны пути назад. Выход из организации невозможен и карается смертью, угроза которой простирается и над близкими отступника. «Движение 2 июня», заподозрив одного из своих чле-

нов — Шмюкера — в предательстве, даже не убедившись в его вине, на всякий случай, чтобы предупредить возможные измены в будущем, приговорило его к смерти. Выполнить приговор было поручено лучшему другу Шмюкера Тильгенеру. Тильгенер отказался. Через некоторое время Шмюкер был казнен, а вслед за ним погиб и Тильгенер. «Красные бригады» в отместку за то, что один из членов «стратегического руководства», П. Печи, стал давать показания, похитили его брата, никоим образом не связанного с их делами, которого долго держали в «народной тюрьме», публикуя издевательские коммюнике, и наконец, убив его 11 выстрелами, бросили тело на помойку. Террористы не делают различий между доносчиками и просто раскаявшимися. «Первой линией» был убит Вильям Вакчер, легальный член организации, выполнявший вспомогательные функции и давший показания полиции. Террористы выпустили листовку, указав на причину убийства: «Он заговорил». Группа «Лотта Континуа» убила одного из своих боевиков, ощутившего угрызения совести и поделившегося этим с товарищами. «Из терроризма, как из мафии, нельзя выйти иначе как мертвым»²³, — пишет М. Падовани. За отступниками, даже не выдающими тайн организации, ведется систематическая охота. «Они меня ужокошат без колебаний»²⁴, — говорил скрывающийся где-то Ганс-Иоахим Клейн, целый год готовившийся к побегу из организации. Многие из укрывающихся сегодня за границей отступников в своих организуемых с соблюдением строжайших мер предосторожности интервью отмечают, что они гораздо больше боятся мести бывших товарищей, чем полиции и суда. Весьма небезопасно для раскаявшихся террористов и пребывание в тюрьмах. Они сидят в отдельных камерах, не выходят на прогулки, готовят сами себе еду из купленных надзирателями продуктов, опасаясь покушений со стороны бывших соратников и натравленных ими уголовников. И тем не менее многие из них уже погибли, а несколько других, не выдержав травли и напряжения, покончили с собой. У «Красных бригад» это называется «истреблением крыс».

Но пожалуй, всего важнее и поучительнее атмосфера, определяющая текущую жизнь в группе. Обращение к терроризму, как правило, связано с преувеличенно высокими представлениями о собственной личности, но вступление в террористическую группу означает на деле не только отказ от независимости, но и полную потерю индивидуальности. Очередной парадокс «левого» террориз-

ма — член группы должен разделить не только ее политические цели, но еще и ее чисто житейские установки, вкусы и предрассудки, жить по ее морали и каждую минуту доказывать свою одинаковость с теми, кто устанавливает критерии «революционной» унификации. Террористическая группа не терпит никакого инакомыслия, никакой самобытности. Проявления человеческих чувств становятся в ее глазах недостойными и даже преступными слабостями, заслуживающими самого строгого наказания.

30 членов КАЯ в начале зимы 1971/72 г. укрылись в горных хижинах в Японских Альпах. К весне их осталось только 16. Оказавшись, так сказать, «в своей семье» и лишенные возможности истреблять других, они занялись истреблением друг друга. Поводами для суда и казни служили проявления человечности, объявленные нарушением «революционного долга». Ожесточившиеся фанатики или просто запуганные люди под руководством явной истерички Фуруко Нагата, игравшей роль прокурора, «судили» и жестоко казнили своих товарищей за любовь друг к другу, за привод в убежище жены и ребенка и особо обывательское, «антиреволюционное» действие — стирку пеленок, за беременность, «буржуазную» одежду, употребление губной помады и просто за красоту. Придумывались самые садистские казни: людей раздевали догола, затыкали им рот кляпом и привязывали к деревьям, наносили многочисленные раны кинжалом и выбрасывали на мороз. Женщине с восьмимесячной беременностью на живот положили доску и прыгали на ней. Двух братьев заставили заколоть третьего, старшего. Одному из обвиняемых отрезали язык, после чего он истек кровью и т. д.

Здесь, бесспорно, сыграла свою роль ситуация изоляции и безделья, но она только способствовала полному выявлению тех реальных основ, на которых стоит террористическая организация, и принципов, которыми она на деле скреплена. Другой, находившейся в обычных условиях группой японских террористов был убит член организации, ведущий на операцию машину, которую занесло на повороте. Это было объявлено недостатком «революционного энтузиазма». Самой Фусако Сигенобу, лидеру КАЯ, пришлось объяснять ригористичным соратникам свой брак тем, что он был фиктивным и совершенным только ради получения паспорта в целях выезда за границу.

Японские террористы, бесспорно, более фанатичны и жестоки, чем европейские. Но дело Шмюкера—Тильгене-

ра? Но история с похищением в 1975 г. собственного товарища, члена экстремистской организации «Потере операриа» Карло Саронио, сына миллионера? Акцию разработала террористическая группа, позднее влившаяся в «Первую линию»; осуществляли ее уголовники, получавшие половину выкупа. Похитители слишком глубоко засунули своей жертве в рот тампон с хлороформом, и Саронио задохнулся. Тем не менее шантаж был осуществлен и выкуп получен. Раскаившемуся спустя несколько лет и впадшему в тюрьме в глубокую набожность бывшему другу Саронио и инициатору его похищения Карло Фиорони почти каждую ночь снится один и тот же сон: они с Саронио сидят на скамейке, и он, Фиорони, объясняет последнему, почему его необходимо похитить. В этом сне больше значимости, чем в самом похищении. Следовательно, в сознание террористов глубоко врезана убежденность в их праве приносить в жертву «революции» не только врагов, посторонних людей, но и собственных товарищей.

Смена пацифистско-альтруистических надежд и иллюзий террористическим ригоризмом, истребление в самих себе всех естественных человеческих чувств, разрыв с реальной жизнью и обреченность на «пещерное» существование — все это, конечно, следствие безнадежного пессимизма и отчаяния, как бы ни бодрились сами «левые» террористы. И поскольку толчки к этому самоубийственному процессу исходили от социальной действительности, можно говорить о подлинной трагедии «потерянных детей» буржуазии. Но не следует забывать, что они не только сами расплачивались за свой трагический выбор, но и заставляли других оплачивать его.

С чего бы они ни начинали, то, к чему они пришли, есть воплощенное Зло, и тем большее Зло, что прикидывается Добром или по крайней мере оправдывается тем, что оно во имя Добра. Это не подлежит сомнению. Однако остается тревожащий вопрос: почему и как стремление к добру обернулось злом? Каким образом, говоря словами французского публициста, «великодушные молодые люди» стали убийцами и оказались втянутыми «в систему сцепленных шестерен, единственным законом которой является кровь»?²⁵ Ответ очевиден: как раз при помощи этой самой идеи о правомерности зла во имя добра, принципа «цель оправдывает средства». К нему обращаются нередко с искренним убеждением в безусловности цели. Но в нем исходно заложена тенденция к приоритету средств над целью, в силу чего цель легко превраща-

ется в формальную, а безусловными становятся только средства. Механизм этого превращения продемонстрировал западногерманский террорист фон Раух. Выступая в пользу террористических методов, он недвусмысленно заметил, что его товарищи должны отдавать себе отчет в том, что эти методы неизбежно приведут к «трансформации нашего гуманизма», ибо, вступив на путь террора, вчерашние левые радикалы должны будут «попросту подавить в себе человеческие чувства»²⁶.

И еще. Достоевский писал: «Добровольно положить свой живот за всех, пойти за всех на крест, на костер, можно только сделать при самом сильном развитии личности... Но тут есть один волосок, один самый тоненький волосок, но который если попадетя под машину, то все разом треснет и разрушится. Именно: беда иметь при этом случае хоть какой-нибудь самый малейший расчет в пользу собственной выгоды»²⁷. Существует ли такой расчет у современных «левых» террористов? Несомненно. Ведь им присуще представление о себе как об идейных и возвышенных аскетах, бескорыстно преданных Делу. Но бескорыстие это обманчиво, ибо движимы они более серьезной, чем житейская, корыстью — претензией быть «творцами истории». Отождествив себя и свои действия с революцией, они выдвинули лозунг: «Революцию не судят!» Зато она (т. е. они) имеет полное и неограниченное право «судить своих врагов»²⁸. Они обличают властолюбие политиков, но и сами движимы непомерным властолюбием, только властолюбием преломленным, замаскированным, выражающимся в наслаждении своей тайной властью над жизнями людей, своей возможностью играть роль неотвратимого рока.

Стержнем всего мироощущения «левых» террористов, на котором объединяются деспотизм и проповедь свободы, глубокий индивидуализм и жажда коллективных действий, холодная жестокость и мнимая забота о судьбах народа, кажущееся самоотречение и непрерывное самоутверждение, является их убежденность в собственном мессианском призвании. Мессианство есть один из мещански-индивидуалистических способов преодоления мещански-индивидуалистических же социальных и психологических комплексов. Мессианская этика и мессианская психология могут быть связаны с различными социально-политическими тенденциями: религиозной и светской, этатистской и антигосударственной, националистической и космополитической, псевдореволюционаристской и фашистской. Поэтому сам по себе факт, что «левые» терро-

ристы являются носителями данной этики, еще не достаточный аргумент в пользу того, чтобы называть их «детьми Гитлера», видеть в них сложившихся фашистов. Противоречит такой оценке и то, что сами террористы, демагогически играя на памяти Сопротивления, свои человекоубийственные акции мотивируют необходимостью противостоять фашизму. Так, уже известный нам М. Бауман решительно настаивал на том, что главным исходным пунктом РАФ и «Движения 2 июня» были протест против не искорененного еще в ФРГ фашизма, память объединенной этим протестом молодежи о вине поколения отцов за победу фашизма в 1933 г. и нежелание оставаться на позициях пассивных и беспомощных свидетелей его возрождения. Характерен в этой связи и такой пример: когда группа террористов захватила на аэродроме в Энтеббе пассажирский самолет, один из заложников с клеймом узника фашистского концлагеря на руке сказал: «А мы думали, что с нацизмом давно покончено». На что террорист Бёзе (о котором его школьный товарищ говорил, что он был «недвусмысленным врагом насилия») ответил: «Мы не имеем к нацизму никакого отношения. Мы — члены группы Баадера — Майнхоф, борющейся за мировую коммунистическую революцию»²⁹.

Вряд ли права Дж. Беккер, утверждающая, что люди типа Бёзе (кстати, погибшего при штурме самолета) «называли свои действия антифашистским сопротивлением скорее из лукавства, чем по невежеству»³⁰. Это было бы слишком просто. Однако самооценка «левых» террористов также не аргумент для того, чтобы считать их, как это делают некоторые западные авторы, радикальными антифашистами. Весьма любопытно, что тот же Бауман, рассказывая о своем пути в террор, важное место отводит жизни в коммунах и увлечению рок-н-роллом, а среди вдохновлявших его объектов для подражания в одном ряду называет Вьетнам, Ч. Мэнсона (вожака банды, зверски убившей актрису Ш. Тейт и ряд других людей в США), Че Гевару, «Черных пантер», Бенно Онезорга (студента-теолога, убитого полицейским во время демонстрации 2 июня 1967 г.). В этой связи не вредно напомнить, что и фашизм в период своего становления пользовался «революционной фразой» и к нему примкнуло немало людей, обманутых левацкой демагогией.

Связь между жестким этическим императивом «левых» террористов, их двусмысленной идеологией и подлинными внутренними мотивами их самоопределения и

действия далеко не во всем прямолинейна. Но совершенно очевидно, что левотеррористическая этика с ее культом силы, романтическим или просто суперменским элитаризмом, аморализмом, превращающим совесть в химеру, с бесчеловечной готовностью вешать «свиней» на «собственных кишках» и заставлять их «захлебываться в собственной крови», с лозунгами типа: «Мы все — убийцы!», «С железными прутьями — в 1968 г., с пистолетами 38-го калибра — в 1977 г.!» — глубоко родственна фашистской этике. И это естественно. Связанные с различными политическими идеологиями, и та и другая имеют под собой единую духовную основу в виде так называемого фашизоидного сознания. Фашизоидное, люмпенское сознание само по себе еще не есть фашистская идеология. Оно создает лишь предпосылки для формирования или усвоения фашистского мировоззрения. Оно может вообще не развиваться до политического уровня, претворившись в обыденную обывательскую психоидеологию. Оно нередко способствует развитию уголовно-преступных наклонностей. Но оно способно стать базой и для движения мысли в направлении левацкого экстремизма. Так или иначе, но смотрящая якобы налево и смотрящая направо головы сиамских близнецов вырастают на одном туловище.

2

Сфинкс без загадки

Кто же они такие, люди, присвоившие себе право посредством убийств и шантажа переделывать других по своему образу и подобию, а мир — в соответствии с собственными представлениями о благе всего человечества? Может быть, справедливо мнение психолога профессора Купера, что ответ на вопрос, почему один человек становится террористом, а другой нет, «коренится в индивидуальных свойствах личности»¹, которой, так сказать, на роду было написано удариться в политическую преступность? Тип личности? Можно сколько угодно вглядываться в широко публикуемые на Западе фотографии террористов, пытаюсь уловить на их лицах каинovu печать. Но печати нет. В ряду портретов может остановить на себе внимание остролицый лидер «автономистов» А. Негри с узко поставленными глазами и поджатыми змеиными губами или обезьяноподобный палач из «Красных

бригад» Просперо Галлилари, расстрелявший в упор А. Моро. В большинстве же своем люди как люди. Некоторые даже красивы.

Так, может быть, прав В. Селевски, когда пишет: «Каждый может стать террористом. Неверно ставить вопрос о предрасположенности или особом характере. Речь идет об индивидуальном опыте и развитии»². Разумно. Но действительно ли каждый? И какие же факторы определяют «индивидуальное развитие», приводящее к терроризму? Ведь и Купер также не отрицает полностью роли социальных условий и политических воздействий. «Те создают мощные стимулы, но у одних есть качества для такого ответа, а у других нет»³. А что по этому поводу думает Б. Дженкинс? «Мы не можем с уверенностью сказать, что проникли в террористическое мышление. Мы не знаем точно, почему политически или социально разочарованная личность уходит в подполье, берет в руки оружие, объявляет обществу войну, тотальную войну, которая не признает невиновных и не причастных»⁴.

Загадочными личностями, таинственными сфинксами изображаются террористы на страницах многих книг и журналов. «Рыцари или чудовища? Жертвы или убийцы?» — задает интригующие вопросы английский поэт, философ и политолог Я. Шрайбер⁵. «Хорошие или плохие парни?» — вопрошает английский политолог Р. Клаттербак⁶. «Дети Гитлера», как гласит название нашумевшей книги Дж. Беккер, или «потерянные дети», «наследники всех неудавшихся восстаний» — как патетически возглашает французский публицист К. Одежан⁷. «Мы не знаем даже, нормальны они или нет», — подводит черту Б. Дженкинс⁸.

Но так ли уж необходимо все это знать? Не достаточно ли и того, что они — террористы и нам известно, что они делают и каковы последствия их активности? Есть ли необходимость дальше разбираться в том, что они при этом думают и чувствуют, как сводят концы с концами в собственном сознании, за кого себя принимают, каковы их индивидуальные особенности? Безусловно. И дело не только в том, что человеку вообще свойственно думать и понимать и что его интерес к явлениям необычным, противоречивым, а тем более социально опасным выходит за рамки простого житейского любопытства и увлеченности тайной и интригой, хотя и в последнем нет ничего предосудительного.

Дело прежде всего в том, что, говоря словами Купера, «террорист действует, исходя из шкалы ценностей,

совершенно отличной от принятой в нормальном мире»⁹. Для успешной борьбы с терроризмом необходимо знать эту шкалу и цену самим «ценностям», необходимо считаться с политическими мотивациями террористов и понимать соотношение между этими мотивациями и психологическими, внутренними побуждениями, которыми они руководствуются, иногда даже и неосознанно.

Именно противоречие между субъективными устремлениями террористов и объективным смыслом их деятельности, равно как и неоднозначность, многослойность самих субъективных устремлений, становится источником сочувствия и иллюзий в отношении «левых» террористов.

Так, П. Оустрейхер, опубликовавший серию статей о западногерманской РАФ, в которых вслед за Беккер характеризовал членов «банды Баадера—Майнхоф» как фашистов, посетив их в качестве пастора в заключении, на основании этого личного знакомства решительно изменил свою точку зрения. «Мое полное отрицание того, что они сделали и продолжают делать,— писал он,— ни в коей мере не привело меня к тому, чтобы отрицать их как личности. Общество целиком право, когда рассматривает их как опасных преступников. Но для меня лично они были пленниками той войны, которую сами затеяли. Они не были монстрами. В иных обстоятельствах они могли бы быть прославлены как герои и награждены знаками отличия»¹⁰.

Даже так! «Левые» террористы оказались для Оустрейхера «крестonosцами», «зablуждающимися идеалистами», использующими ложные средства, личностями выдающимися уже в силу их веры, самоотречения и активности. Аналогично высказывался и такой авторитетный писатель, как А. Моравиа, на веру принявший заявления террористов о том, что они используют насилие только ради окончательного уничтожения насилия. Сходные оценки исходили и от известных западногерманских писателей Генриха Бёлля и Гюнтера Грасса. Собственно, все явление так называемого симпатайзерства, достаточно широко представленного в интеллигентских кругах, опирается на этот аргумент. В момент возникновения «левого» терроризма симпатайзеры сосредоточили все свое внимание на причинах и поводах, толкнувших «потерянных», «мечущихся», «разгневанных» детей «больного общества» на столь крайнюю форму социального протеста, тем самым оправдывая или амнистируя ее. Террористы в глазах сочувствующих им интеллигентов оказались людьми более высокого класса, чем они сами, в силу после-

довательности, цельности, решимости реализовать свои убеждения, на что симпатизеры по причине, как им казалось, собственной мягкотелости и зараженности нравственными предрассудками не осмеливались. Это смешанное с самоуничижением сочувствие к террористам наряду с неприятием существующего общества толкало симпатизеров на открытые выступления в их защиту в печати и в судах. Они протестовали против ареста различных связанных с террористами деятелей (например, против ареста А. Негри в Италии или выдачи французским правительством правительству ФРГ уличенного в противозаконной деятельности адвоката Баадера Круасана), обвиняли следственные органы в фальсификации материалов против террористов, наконец, усиленно муссировали идею о том, что борьба правительственных органов с террористами ведется преимущественно во имя создания повода для решительного гонения на всех левых, в чем есть немалая доля истины, но только доля. Оказывали симпатизеры «левым» террористам и сильную нелегальную помощь в форме снабжения их информацией, предоставления убежищ, хранилищ, почтовых ящиков и т. д.

Позднее, по мере осознания бессмысленности и зловещего характера деятельности террористов, круг симпатизеров начал сужаться, его наиболее видные представители стали переходить на позиции осуждения терроризма как формы политической борьбы. Однако они и в этом случае далеко не сразу и далеко не всегда отказывались от сочувствия к лично известным им террористам. Г. Бёльл ходатайствовал о высылке У. Майнхоф за границу, но не нашлось страны, согласившейся принять ее. Характерен пример Фрица Розенвальда, председателя западногерманского союза учителей. Предоставив убежище У. Майнхоф, с которой его связывали дружеские отношения, он после некоторых колебаний решил выдать ее полиции, но, получив назначенную за ее поимку крупную денежную премию, тут же внес всю сумму в фонд помощи арестованным террористам.

Симпатизерами создавался идеализированный облик террористов как внутренне благородных, бескорыстных людей, движимых бескомпромиссной моралью, борцов за возвышенную идею. «Она была,— писал Гюнтер Грасс про Гудрун Энслин,— идеалисткой с врожденным отвращением ко всяким компромиссам. У нее была тоска по абсолютному, совершенному решению»¹¹. Эту и ей подобные характеристики, однако, полностью игнориро-

вать не следует. Они не вырастают на пустом месте, но имеют под собой определенные реалии, односторонним и мощным симпатизерским воображением претворенные в мифы.

Мать Ральфа Рейндерса — лидера «Движения 2 июня», лично убившего полицейского и организовавшего целый ряд кровавых акций, — говорила: он был «самым воспитанным из моих сыновей, мальчиком, который с детства ненавидел все формы войны и насилия»¹². Мать другого террориста, Шмюкера, отзывалась о сыне примерно так же: «Идеалист. Готов отдать последнюю рубашку»¹³. Даже Марио Моретти, одна из самых зловещих фигур в «Красных бригадах», организатор похищения и убийства А. Моро, при отъезде из провинциального городка в Милан получил от местного кюре рекомендательное письмо следующего содержания: «Молодой человек со светлыми религиозными и политическими идеями»¹⁴. Так оно, видимо, и было.

Не случайно среди «левых» террористов первого призыва большой процент составляли и в их организациях заметную роль играли педагоги, психологи, воспитатели детских садов, медицинские сестры, начинающие художники и искусствоведы — словом, люди, выбор которыми профессии неотделим от таких качеств, как эмоциональная восприимчивость, способность к сопереживанию и состраданию. Лидер японской «Красной армии» Фусако Сигенобу — медсестра. Из тюремных психиатров и педагогов состояло ядро американской «Соединенной освободительной армии». Готовившаяся стать учительницей Г. Энслин работала с приютскими детьми. Другая западногерманская террористка, Бригитта Кульман, тоже педагог, посвящала свободное время уходу за больными. Факт; препятствующий упрощенному подходу к исходным личным качествам террористов, но тем не менее остающийся реальным фактом. Вопрос в том-то и состоит, чтобы понять, каким образом для определенной группы лиц лозунг «Облегчить страдания» превратился в лозунг «Облегчить страдания через действия», а последнее стало пониматься исключительно как террористические акции.

Тем сложнее проблема, если в террористы выходят не только люди с привитым с детства аморализмом. Уже отсюда ясно, насколько нелепо стремление видеть источник терроризма в индивидуальных свойствах личности. Исходя из него, нетрудно, например, прийти к выводу о том, что детская впечатлительность, отзывчивость

и искренность — прямой залог будущего развития в направлении к терроризму. Ясно, что нет и не может быть никакого «генетического кода», предопределяющего перспективу превращения невинного младенца в террориста. Такому превращению при наличии определенных условий в юности могут благоприятствовать низкий порог терпимости, способность принимать собственные настроения за общезначимые идеи, предельно укороченная дистанция и прямолинейная связь между внутренними, эмоциональными, и внешними, действенными, реакциями, что присуще преимущественно натурам с нервной, подвижной психикой. Однако нервность натуры не предполагает обязательности низкого порога терпимости; дело еще в воспитании, культуре, самоконтроле, без которых и люди иной психической структуры не всегда способны поднять уровень этого порога, управлять своими чувствами и реакциями. Но и отсюда дистанция до терроризма весьма далекая. Скандалист — это еще не террорист.

Важна не сама по себе природа психики, облегчающая или затрудняющая восприятие установки на террор, а главным образом обретенная в период становления система ценностей, мера ее фундаментальности, обоснованности и устойчивости. Существенны не просто привычка к отождествлению неподдельности собственных эмоциональных реакций с их правомерностью и потребность в разрядке через действие, но и социальная ориентация интересов, не только способность придавать этико-психологическим мотивам видимость политических идей, но и само содержание этих идей и подготовленность к их восприятию.

Но может быть, все это присуще именно патологическим личностям? Такое подозрение закрадывается в голову отвечающим утвердительно на этот вопрос политологам не без основания. Упомянувшийся выше Р. Рейндерс, как и ряд других активистов «Движения 2 июня», вышел из так называемого «Социалистического коллектива пациентов», образованного в психиатрической лечебнице Гейдельбергского университета. Основная идея коллектива заключалась в утверждении, что террористические акты должны быть одновременно и «революционными», ибо больных плодит «больное капиталистическое общество» и поэтому чисто медицинские средства излечения людей должны сочетаться с борьбой против этого общества в форме террористических акций. Мы уже говорили, что в состав «Соединенной освободитель-

ной армии» в США входили пациентки тюремных психиатров. Американские «везермены», возводя отщепенство в принцип, провозглашали: «Выродки — это революционеры, а революционеры — это выродки». Отождествив отклоняющееся поведение с революционностью, они отождествили с нею и наркоманию. «Наркотик — наше оружие», — заявляли они. Но речь идет об отдельных лицах и маленьких кустарных группках, действовавших на начальных стадиях развития «левого» терроризма и быстро сошедших со сцены. И не подобными людьми определяется состав террористических организаций. Их удельный вес был высок в американском, незначителен в западногерманском и попросту ничтожен в итальянском «левом» терроризме.

Не более убедительно и отнесение террористов к патологически преступному типу. Сомнительно уже само существование такого типа, но, даже если бы он существовал, это не отвечает на вопрос, почему террористы предпочли политическую преступность уголовной. Попытка подменить этот ответ отождествлением терроризма с уголовной преступностью не спасает положения, ибо разница между захватом власти и захватом бумажника достаточно очевидна. В отличие от террористов уголовные преступники не ставят своей целью терроризировать общество или дестабилизировать государство. Поэтому многие западные политологи самых различных ориентаций выступают против того, чтобы «упорно держаться за фикцию, согласно которой мы якобы имеем дело с обычными уголовными преступниками»¹⁵.

В силу природы своей деятельности террористические организации нередко контактируют с гангстерскими бандами и включают в свой состав уголовников. Однако, как верно подчеркивает Я. Шрайбер, «присутствие преступных или патологических элементов в террористических организациях не меняет существенно их политического характера»¹⁶.

Террористами не рождаются, террористами становятся. Становятся в результате обретения определенного умонастроения, формирующегося в процессе жизни в семье, в среде себе подобных людей или, наоборот, антиподов, в конкретных социальных условиях, непосредственно влияющих на личную биографию человека или несовместимых с его представлениями о нормах общественной жизни. Становятся в тот момент, когда психологическая подготовленность к крайним формам протеста находит опору в теоретических аргументах и политиче-

ских лозунгах, когда имеется определенная среда, питающая иллюзию экстремистов о всеобщей значимости их деятельности и оказывающая им практическую поддержку, когда существуют конкретные социальные поводы для применения вооруженного насилия.

«Пули, которые ударили в Руди Дучке, покончили с нашими мечтами о мире и ненасилии»¹⁷, — писала У. Майнхоф. Полноте! Это примерно то же самое, что сказать: «Выстрел Гаврилы Принципа покончил с надеждой европейских держав обойтись без войны». Фашиствующий маляр-алкоголик Бахман, начитавшийся выпадов против леворадикалистского студенчества в шпрингеровской прессе, выстрелил в молодежного лидера Дучке. И из-за этого следует объявлять войну всему обществу? С «мечтами о мире и ненасилии» было, конечно, покончено несколько ранее. Поводы не причины, но они играют существенную роль, когда причины для активных действий и подготовленность к ним уже имеются.

И здесь существенны не особенности личного склада людей, а именно эта подготовленность. Если же говорить о круге человеческих типов, входящих в состав левотеррористических организаций, то он достаточно широк, и внутренние личные мотивы активистов «левого» терроризма, объединенных общими политическими лозунгами, весьма разнообразны. Одни из них верят в серьезность своего дела и относятся к нему со всей ответственностью. «Мы люди, для которых то, что мы делаем, не игра»¹⁸, — заявляла У. Майнхоф. Для других вхождение в террор — это высвобождение от серой обыденности и приобщение к настоящей жизни, являющееся именно «игрой». Им просто надоело «обжираться лососиной и икрой». Впрочем, эти же ощущения были не чужды и идеалистам от террора. «Насколько интересней пролезть через колючую проволоку или вскакать в мчащуюся машину, чем стучать на машинке»¹⁹ — это слова той же Майнхоф. Третьи и вовсе живут азартной, будоражащей воображение и щекочущей нервы игрой в чет-нечет со смертью. Среди террористов как люди бескорыстные, так и вполне корыстные, требовавшие «права на икру, которую ест буржуазия»²⁰. Одни проделывают сложный и мучительный предварительный путь «от страстного идеалистического пацифизма через осознание нереалистичности надежд к отчаянию с автоматом в руках»²¹; другие вступают на путь терроризма из подражания или житейского расчета. В террор входили и люди, не выносящие крови, боящиеся выстрелов, насилую-

щие и ломающие себя в угоду предвзятой идее, вроде той же У. Майнхоф, и искавшие бури, поскольку в ней надеялись обрести покой, и те, кто получал от террористических акций подлинное наслаждение. «Неограниченный терроризм обеспечивает неограниченное наслаждение», — гласил лозунг одной из западногерманских левотеррористических групп. «Неограниченному терроризму» предались как садисты по натуре, так и бывшие добряки, в прошлом убежденные враги насилия. Личность одних практически исчерпывалась жестокостью, у других жестокость сплеталась с сентиментальностью. Так, обрызганный кровью с ног до головы Карлос после окончания операции по похищению министров стран ОПЕК (в ходе которой он «для остротки» хладнокровно застрелил двух человек) первым делом поспешил позвонить мамочке и сообщить, что с ним все в порядке. В рядах «левых» террористов и толстокожие бездумные исполнители типа боевика «Красных бригад», который на вопрос судьи о том, что он сделал сразу после убийства им полицейского, спокойно ответил: «Пошел домой, пообедал и лег спать», и люди, подверженные вспышкам угрызений совести и приступам сомнения.

В террористических группах бок о бок действуют и наивные эмоциональные «романтики», и рациональные карьеристы от террора, властолюбцы, мнящие себя сверхчеловеками, и люди, ищущие в принимаемой ими за рыцарский орден кровавой секте спасения от одиночества, тоски и бесцельного прозябания. Здесь и себялюбивые «мандарины» с самочувствием великих исторических личностей, и скромные рядовые террора, удовлетворенные сознанием выполняемого долга, и модернизированные Робины Гуды и Карлы Мооры под голливудским гримом, и истерические жертвенные натуры с потребностью в самосожжении.

Террористами становятся и тихие, «комнатные» дети из благополучных домов, позднее возмущившиеся именно против благополучия замкнутого семейного мирка, и лишённые нормального детства, потерявшие одного или обоих родителей сироты, среди которых такие заметные фигуры, как Майнхоф, Баадер, Клейн, Курчо, Франческени, Моретти.

Майнхоф — дочь известного искусствоведа, рано осиротевшая и воспитанная ближайшей подругой матери, видным педагогом и пацифисткой, одинокой женщиной своеобразного мужского склада. Баадер — сын погибшего на фронте немецкого историка, с детства помыкавший

любящей матерью и рано ушедший из дома. Клейн — сын француженки от немецкого офицера. Р. Курчо — незаконный сын интеллигента (брата известного кинопродюсера) и его служанки. М. Моретти, подростком потеряв отца — скототорговца, симпатизировавшего коммунистам, рос в провинции с матерью, в прошлом известной пианисткой, сочувствовавшей фашистам. Сын рабочего-коммуниста Альберто Франческини в трудные годы был отдан в католический приют, где, одинокий и гонимый, прожил несколько тяжелых лет.

Одни из «левых» террористов, вроде лидера «Движения 2 июня» Ф. Тейфеля, испытывают ненависть к «отцам» как к «фашистам». На формирование других, например Р. Курчо, племянника расстрелянного фашистами подпольщика, оказала влияние специфически трансформированная память о героях Сопротивления. В терроризм уходят и бунтари против циничного стяжательства или семейного деспотизма, и молодые люди, в детстве доверчиво воспринявшие от родителей кодекс либеральной морали и не простившие им примирения с противоречащей этой морали социальной действительностью, равнодушия и лицемерия, дети реакционных политиков и дети активистов различного рода левых движений, разочарованные тем, что возвышенная цель еще не достигнута, и видящие причину этого в трусости, слабости или измене отцов. Одни из них полностью порывают с родными. Другие за родными никакой вины не считают, на враждебность к ним себя не настраивают, уйдя в подполье, ощущают потребность общения с ними и время от времени стараются дать о себе знать или поговорить по телефону. Третьи, оставаясь по конспиративным соображениям в отчем доме, живут своей обособленной, двойной жизнью.

Многим из «левых» террористов было присуще чувство стыда за принадлежность к привилегированному сословию и возможность незаслуженно пользоваться благами, которых лишены их ровесники из иных, низших слоев общества. Им было присуще стремление идентифицировать себя с отверженными и угнетенными. Другие, наоборот, глубоко переживали свое «низкое» происхождение и бедность, ненавидели за это свою семью и под предлогом борьбы за всеобщее равенство стремились занять более высокое место на социальной лестнице. Собственно говоря, само участие в терроризме было для них уже свидетельством приобщения к своеобразному кругу «избранных». Многим из них присуще

элементарное стремление к геростратовой славе. Если для первых террористическая практика стала способом удовлетворения их извращенных абстрактным максимализмом идеальных потребностей, то для вторых она явилась способом борьбы за непосредственные материальные нужды. Но в обоих случаях все, что этому противостояло, рассматривалось как репрессии и реакция.

На террористической стезе сходятся мечтательные книжники и энергичные прагматики, характеры вялые, пассивные и личности с задатками лидеров и авантюристической жилкой, лодыри, ненавидящие любой труд, живущие на чужой счет и случайные заработки, натуры одаренные, не нашедшие себя и не верящие в возможность применения своих сил в пределах данного общества, и люди достигшие определенного профессионального уровня и успеха, отказ которых от продолжения «рутинной буржуазной жизни» — такое же свидетельство недовольства собой и душевного перелома, как в прошлом пострижение купца или воина в монахи.

Одни из них входят в террор целеустремленно и решительно, другие — преодолевая внутренние сомнения и колебания, третьи — незаметно втягиваясь в него под воздействием товарищей и из чувства солидарности с ними. Одни, раз войдя в террор, готовы идти до конца и не знают никаких внутренних тормозов; другие имеют в душе некую меру доступного и целесообразного, переступить которую не решаются.

Словом, индивидуальные характеры и личные внутренние мотивы террористов весьма разнообразны. И когда некоторые политологи пытаются сконструировать некий обобщенный образ террориста на основе ли патологии, исходной агрессивности, романтического индивидуализма или чего-либо еще, они попросту абсолютизируют один из многих существующих его типов.

Среди этих типов три, на наш взгляд, являются основными. Это — назовем их так — «идеалисты», «кондотьеры» и «неприкаянные». Наглядный и, пожалуй, крайний пример — «банда Баадера — Майнхоф». У. Майнхоф — человек интенсивной духовной жизни, талантливая журналистка, активистка пацифистских и леворадикалистских движений, любимое и балованное чадо так называемых шили («шикарных левых»), решительно порвавшая и со старыми идеями, и с прежней жизнью. И А. Баадер, «западноберлинский Марлон Брандо», альфонс, недоучка, мотолихач, всегда стремившийся быть или слыть «сильной личностью», воплотивший на

практике свои детские мечты о создании разбойничьей шайки и ставший «полководцем гериллы». И вечно не уверенный в себе, страдавший от одиночества Распе или бежавший из ГДР от призыва на военную службу Бауман. Эти же психологические типы мы находим в составе «Красных бригад»: «исторические лидеры» бригад Ренато Курчо и Мара Кагол с их идеологическим фанатизмом верующих католиков, облекших маоизм в христианские ризы; деловитые убийцы Моретти и Галлилари; мечущийся Патрицио Печи, из гарсона в кафе провинциального города превратившийся в значительную фигуру в структуре «Красных бригад», а после ареста вступивший в сделку с полицией, и многочисленные рядовые, ведомые и подражатели, из числа которых вышло большинство отступников.

«Идеалисты» нередко приходят к терроризму, движимые не только социальным, но и своеобразным моральным максимализмом. Сконструировав себе на определенной ступени жизни идеальный образ общества и человеческой личности, они приходят к мысли, что мир и люди, не соответствующие этому образу, не заслуживают существования вообще и должны быть уничтожены. В отличие от других типов террористов они по-настоящему искренни в своих «возвышенных» устремлениях, но сам характер этих устремлений и этой искренности таков, что они одновременно сочетаются с грязным воображением и цинизмом, с грубыми до примитивности реакциями. Не удивительно, что наряду с так называемой политической борьбой «идеалисты» оказываются способными на акты мстительного и вульгарного хулиганства (вроде разгрома и загаживания западногерманскими террористами квартиры бывшего мужа У. Майнхоф и его новой жены), будучи и в этом плане едиными с самыми бездуховными из членов террористических организаций.

Идеалистический тип играет чрезвычайно важную роль в момент зарождения и возникновения левотеррористических организаций. Он формирует, так сказать, эталонный образ идейного террориста, который в той или иной мере, более или менее усваивается каждым из членов организации и под которым она в целом предстает перед публикой. Но по мере становления и профессионализации «левого» терроризма этот тип отходит на второй план, а на авансцену выходит более приспособленный к практической деятельности и не связанный какими-либо духовными императивами «кондотьерский»

тип. К тому же пребывание в террористическом подполье не проходит бесследно и для самих «идеалистов». Политическому убийству они предаются со свойственным им фанатизмом, что нередко приводит их к перерождению в «кондотьеров».

Одновременно в ходе эволюции «левого» терроризма резко возрастает число лиц, присоединяющихся к нему по мотивам не политическим, но чисто личным, ищущих в нем избавления от неустроенности и безденежья, внесения хоть какого-то смысла в их доселе пустую и бессмысленную жизнь. Новые рекруты «левого» терроризма, как отмечается в западной прессе, — это, как правило, юнцы, нередко наркоманы, не выработавшие никакого политического мировоззрения, «далекие от идеализма Ренато Курчо, далекие от великих текстов»²².

Впрочем, это внутреннее дело террористов. А в остальном элитарное глубокомыслие и элитарное легкомыслие, самоутверждение на уровне крестителей, наполеонов, раскольниковых, смердяковых друг друга стоят. «Искатели истины», «искатели риска», «искатели содержания жизни» — все они одинаково движимы фрустрацией, стремлением посредством террористического активизма избавиться от комплекса неполноценности, преодолеть неудовлетворенность собой и жизнью, снять болезненное ощущение душевного неблагополучия (именно душевного, ибо материально большинство из них вполне обеспечено). Всем им одинаково свойственно двойное самовозвеличение: через гордость отказавшихся вписаться в систему и сознательно поставивших себя вне закона «свободных» людей и через ощущение причастности к «большой истории». Все они свои личные психологические проблемы воспринимают как общечеловеческие и политические, рассматривая их только как непосредственное и неизбежное порождение капитализма. Максималистская нетерпимость по отношению к неприемлемому для них образу жизни дорастает в их сознании до уровня тотального отрицания наличного общественного уклада и трансформируется в абсолютный критицизм и настроенность на террористический активизм, задрапированные максималистскими же идеалами. То, что они именуют «народной войной», есть просто-напросто способ выявления и удовлетворения их собственной ненависти. Крайние чувства выражаются в крайних действиях. Давая разрядку своему чувству ненависти через убийства, диверсии и грабежи и санкционируя эти действия наличием высокой цели, они обретают душевный покой и начинают убивать

хладнокровно, никого персонально не ненавидя. Испепеляющий душу пафос всеобъемлющей ненависти не оставляет человеку, который не имеет сил или желания обуздать ее, иного выбора, кроме убийства или самоубийства.

Первый муж Гудрун Энслин, издатель левоэкстремистской литературы Бернар Веспер в начале 70-х гг. написал автобиографическую книгу «Путешествие». Автор одной из рецензий на нее подчеркнул: «Она могла бы называться «Ненависть»... Ненависть к отцу, нацистскому поэту Вилли Весперу, ненависть к самому себе, виновному вопреки собственной невинности... но особенно ненависть к этому обществу угнетения, где, если работаешь на заводе, за тобой подсчитывают не только минуты, проведенные в туалете, но также и листы туалетной бумаги»²³. Весперу его нравственные принципы убивать не позволили, и в 1974 г. он покончил с собой. Его бывшая жена последовательно реализовала ненависть в действии и стала безжалостной и целеустремленной убийцей. Лишенная возможности убивать, она покончила с собой в штутгартской тюрьме. Прав американский писатель Джеймс Болдуин, когда пишет, что ненависть — смертоносное оружие, убивающее также и тех, кто им пользуется. Убивающее нравственно, психологически, убивающее и физически.

Умиляющее некоторых наблюдателей самоотречение «левых» террористов во имя «вышей истины» и «великой цели» — миф, даже если они сами в него искренне верят. Если вдуматься, терроризм попросту оказался для них самым психологически легким путем и способом существования. А может быть, и единственным, поскольку всех остальных они не приемлют в силу элементарного отвращения, которое уже потом получило идеологические подпорки. Их самопожертвование во имя «дела» — это и освобождение себя от той обыденной жизни, которая требует непрерывных, подчас трудных и мучительных реакций и решений. Разрубив же одним ударом этот гордиев узел, террорист избавляется от психологических трудностей, от необходимости каждодневного выбора и принятия решений. Воображая себя абсолютно свободными людьми, они по существу отказываются от самостоятельности; протестуя против социального рабства, они добровольно выбирают иное рабство. Лидеры из идеалистов — рабство по отношению к предвзятой идее и к самому затягивающему, не оставляющему времени и сил на серьезные раздумья процессу непрерывной террористиче-

ской кампании. У рядовых к этому прибавляется еще и рабство по отношению к решающим за них руководителям и бюрократическому механизму террористической машины.

Самоотречение террористов, доходящее до самоуничтожения,— следствие не бескорыстной преданности высокой цели, а нетерпимости, отчаяния или гордыни. Все они живут по двойному счету, ведя борьбу за то, чего им недостает, под флагом борьбы за то, чего недостает народу. А недостает им прежде всего самоуважения. По авторитетному свидетельству беглеца из западногерманского террористического подполья Клейна, «герилья была эрзацем, вуалирующим слабость человека, как социальную, так и личную»²⁴.

Отсюда и отмеченное тем же Клейном «очарование оружия»: «Оружие — это кусочек власти». Беря впервые в руки пистолет, люди, по Клейну, испытывают «священное чувство». Владая оружием, они «начинают обретать иную манеру вести себя, они меняются сами. Я сегодня думаю, что важным толчком к герилье и ее акциям является то, что люди подпадают под очарование оружия»²⁵. Похоже, что так оно и было. Во всяком случае очевидно, что в основе культа политического насилия у «левых» террористов лежит элементарный чисто личностный культ силы, маскируемый и облагораживаемый высокими социальными понятиями типа «революционной борьбы». Характерно признание Клейна, что обсуждения проведенных акций «не затрагивали политических целей, достижению которых они должны были способствовать, но касались единственно масштабов нанесенного материального ущерба»²⁶.

Клейн — автомеханик, плебей от терроризма с типичными люмпенскими вожделениями и комплексами, судимый за угон автомашины. Но послушаем, что скажет главный интеллектuala среди итальянских террористов профессор Негри. «Всякий раз, когда я надеваю пассажонтану (горнолыжная маска.— В. В.), я тотчас ощущаю жар пролетарского сообщества... Результат меня не волнует: всякий акт разрушения и саботажа отзывается во мне как голос классовой общности. Возможный риск меня не тревожит; напротив, я ощущаю лихорадочное возбуждение, как если бы ожидал встречи с любовницей»²⁷. Как видим, идея та же, что и у Клейна, но выраженная более претенциозно. То же «наслаждение в бою и бездны страшной на краю». Только у А. Негри к любованию собственной реализуемой втайне силой, к предвкушению

приключения и риска примешивается еще и «жар классово-солидарности». С кем? С промышленными рабочими или с Луиджи Вампой из романа А. Дюма «Граф Монте-Кристо»?

В «левом» терроризме наших дней реализовалась мысль Г. В. Плеханова, писавшего в конце прошлого века о том, что «анархизм... будет все более и более превращаться в *буржуазный спорт*, предназначенный доставлять «*сильные ощущения*» индивидуумам, слишком много вкусившим от светских и полусветских удовольствий»²⁸. Спорт, который выдается и принимается за классовую борьбу.

Хотя иллюзии по поводу политической значимости левотеррористической активности рассеялись довольно быстро, иллюзии по поводу самих террористов еще сохраняются в сознании определенной части людей. И в прессе, и в претендующих на научность работах их нередко изображают личностями значительными, сильными, героическими и даже людьми, которые в иных обстоятельствах могли бы стать гордостью нации. И все это — на основании экстраординарности сделанного террористами выбора, их самоотречения ради якобы великой идеи, их извращенного отношения к жизни и смерти.

Однако сам этот выбор, свидетельствуя о силе страстей, обуревающих террористов, вовсе не говорит об их человеческой неординарности и масштабности. Он скорее является вариантом перенесенной взрослыми людьми в сферу политики неразумной детской игры со спичками, признаком их своеобразной инфантильности, социальной и духовной незрелости. Он явственно связан с неумением адекватно воспринимать и реально оценивать действительность, со смешением реального и желаемого, подлинной жизни с азартной игрой, с неспособностью противиться искушениям и соблазнам и удерживаться на грани, за которой исчезает человеческий разум и теряется человеческий облик, с тягой к запретному плоду и с той детской жестокостью, которая выражается в желании повесить кошку нелюбимого соседа.

В эпоху НТР, разветвленных политических отношений, массовых движений и высокого профессионализма во всех сферах общественной жизни террористы питают странную иллюзию, что обрести социальную значимость и стать масштабной фигурой можно, просто схватившись за пистолет и бомбу, что якобы равнозначно обретению закулисной власти и воздействию на исторический процесс.

В этом отношении современный «левый» террорист — фигура, явно архаичная. Он принадлежит не к XX, а в лучшем случае к XIX в. Однако он одновременно и сын своего времени, детище конца XX столетия, эпохи бурных социальных сдвигов и научно-технической революции. Именно впечатления от стремительных изменений в науке и технике, экономических и политических отношениях, социальной структуре, образе жизни, происшедших в странах самых различных регионов мира, вызвали у него своеобразный комплекс псевдореволюционного нетерпения, обманчивое чувство не только закономерности и неизбежности, но еще и легкой осуществимости изменений в любых условиях и во всех областях социальной жизни. Внезапное появление на политической арене вчера еще никому не ведомых лиц, возглавляющих партизанские движения, а затем и правительства небольших стран, вступивших на путь национально-освободительной борьбы, еще более способствовало формированию в сознании экстремистски настроенных людей мысли о том, что не боги горшки обжигают и что каждому дано выдвинуться в исторические личности.

Террорист — человек с притязаниями, резко превышающими его возможности, и, следовательно, в существе своем мелкий человек. Не случайно террористы постоянно мучимы различными вариантами комплекса неполноценности, от которого и стремятся избавиться, играя жизнями людей и изображая из себя посланцев судьбы.

Естественно поэтому, что, хотя в ряды «левых» террористов и входят отдельные сравнительно талантливые, но односторонне развившиеся люди, в целом сам «левый» терроризм — это движение посредственностей, обретающих чувство собственной значимости в том, что они вступили в единоборство с государством. В этом чувстве укрепляет многих из них и сравнительная легкость продвижения по ступеням внутритеррористической иерархии. Для этого достаточно только проявить решительность во время акций, желать и быть способным командовать небольшой группой людей и дожить на свободе до очередного ареста вышестоящих членов организации. Прозябавший до 37 лет в качестве почтового служащего, Ремо Панчелли быстро стал шефом римской колонны «Красных бригад». Еще бóльшую карьеру сделал Патрицио Печи, стремительно вознесшийся на посты шефа туринской колонны и члена «стратегического руководства» бригад. Его мать между тем утверждает, что он не имеет способностей и качеств для того, чтобы быть «шефом тер-

В последнее время не только участились случаи дерзирства из террористических организаций, но нередкой стала и сдача без боя террористов, отсиживающихся в убежищах, битком набитых всевозможным оружием. Убедились ли они в том, что заблуждались по поводу революционности своих идей и действий или насчет самих себя, осознали ли порочность избранного пути или мнимость и натужность своей идейности, но, так или иначе, желания умирать в бою многие террористы больше не выражают. Другие продолжают убивать и отстреливаться, но сомнительно, чтобы это было проявлением мужественной жертвенности, скорее здесь имеет место традиционный активистский комплекс, к которому добавляются привычка к принятому и ставшему удобным образу жизни, самолюбие привилегированной идеализированной касты «героев», страх перед наказанием и просто неспособность ни к чему, кроме убийств.

Террорист — фигура трудная для постижения. И не потому, что он так уж загадочен и сложен. А потому, что нормальному человеческому уму трудно поверить в его изломанную, лицемерную, самообманную, а главное, античеловеческую логику и психику, трудно смириться с тем, что такое возможно. А сам по себе он прост. Он сфинкс без загадки. Под таинственным покровом прячется знакомая и банальная фигура претенциозного индивидуалиста. Его аморализм, мотивированный отрицанием идей и ценностей капиталистического общества, — это по существу обратная сторона той же буржуазной морали. Индивидуалистический мятеж против общезначимых этических принципов — явление традиционное в истории буржуазного сознания. «Террористы нашего времени, возможно, никогда не читали Штирнера, — пишет автор книги «Терроризм и террористы» англичанин Э. Хайамс, — но они действовали в его духе»³³. С той только разницей, что личное стремление к сбрасыванию нравственных оков и «абсолютной свободе» у индивидуалистов следующих за автором книги «Единственный и его собственность» поколений стало во все большей степени приобретать видимость борьбы за освобождение народа от оков политических и экономических.

Главный двигатель террористов — потребность в самовыявлении и самоутверждении в любых формах и любой ценой, хотя многие из них, загипнотизированные собственной демагогией, этого не осознают. Избранный ими отчасти по убеждению, а отчасти за неимением других возможностей способ удовлетворения этой потребности

хотя и сопряжен с риском для собственной жизни, но практически является самым легким и доступным для них. Стремящийся выглядеть и ощущать себя масштабной и самобытной личностью, террорист на деле ординарный подражатель, существо со стадными инстинктами. Он подделка, а не оригинал. Неподдельна только проливаемая им кровь.

3

Слово и Дело

В сферу левотеррористической мысли вступаешь как на поле, покрытое движущимся туманом. За серой пеленой не видно ни его границ, ни расположения на нем предметов. Одни из них смутно просвечивают в тумане, другие вдруг проступают перед тобой, но вне всякой связи с остальными. И сами, внезапно ставшие четкими, их контуры — это контуры не предмета в целом, а лишь его видимой части. С другой точки или при порыве ветерка он выглядит совсем иным, но тоже не открыт взору полностью.

Попробуйте присмотреться внимательно к непрерывно проступающим в тумане левой фразеологии террористов понятиям: пролетариат, классовая борьба, революция, социализм, коммунизм — и попытаться представить себе их реальное содержание, как немедленно станете в тупик. И тут же поймете, что непрерывным повторением слов на высокой ноте все, собственно, и заканчивается. Слово, вместо того чтобы открывать путь к постижению явления, этот путь закрывает. Объем подменяется плоскостью. Вместо цельности — произвольно выхваченные, а то и вымышленные кусочки, складывающиеся в грубую мозаичную схему, в рамках которой каким-то странным, абсурдным способом занимают свое место несовместимые, подчас диаметрально противоположные идеи.

«Пролетарская революция»? Допустим. Но каким образом она рассматривается как «пролетарская», если рабочий класс заранее признан неревOLUTIONционным и ставка делается на «горстку борцов» из интеллигентской молодежи? Что собой представляет «революция», если ее осуществлением объявлены «гамбизационе», поджоги, грабежи, убийства? Почему капитализм должен рухнуть в результате этих акций? И каким станет «светлое будущее», во имя которого дозволено уничтожить половину

человечества и лишить другую человечности? И каким способом разрушение «диалектически» претворяется в созидание? Террористы не только не дают ответ на эти вопросы, они ими зачастую и не задаются. Не задаются, несмотря на то, что нередко сталкиваются с собственными противоречиями, можно сказать, нос к носу.

Мышление «левых» террористов противоречиво по своей сути, и это сказывается при теоретическом подходе их к любой проблеме, и прежде всего при подходе к самой теории и оценке ее значения для практической деятельности.

Казалось бы, какие могут быть противоречия, если «левые» террористы шага не делают без оглядок и ссылок на теорию. Уже первый политический манифест западно-германских террористов был озаглавлен: «Заполнить пробелы революционной теории — создавать Красную армию». Их листовки и речи на судах пестрят многозначительными цитатами и теоретико-политическими постулатами.

Вот один из последних и весьма выразительных примеров. Волна массовых арестов собрала основной актив итальянских террористических организаций в тюрьмах. «Красные бригады» решили продолжать «борьбу с режимом» и в заключении. Их новая «стратегическая резолюция» потребовала «сконцентрировать огонь на пенитенциарной системе», поскольку в тюрьмах «вооруженные милитаристы» осуществляют «превентивную контрреволюцию». Арестованные, или, как они себя называют, «Пролетарские Пленники», организовали несколько тюремных бунтов, руками завербованных уголовников и оставшихся на свободе соратников убили ряд надзирателей и отступников. В тюрьмах даже была проведена кампания борьбы с «правым уклоном» и «реформизмом», направленная против лиц, апеллировавших к законности в борьбе за улучшение тюремных условий. Все это, вместе взятое, было объявлено новым успехом «сражающейся Коммунистической Партии», которая проведенной ею кампанией «обнажила всю политическую слабость режима». В результате, оказывается, были сделаны важные шаги по пути достижения «нового единства пролетариата метрополии — Заключенных Пролетариев и Рабочего Класса»¹. Ну и, естественно, был нанесен очередной удар по «сердцу государства», которое в данной ситуации послушно переместилось в тюрьмы.

Это, конечно, не столько идеология, сколько саморекламная мелодекламация, подгонка реального под во-

ображаемое и желаемое, что само по себе является признаком псевдоидейности. Но факт остается фактом: «левые» террористы всеми силами стараются сохранить идеологический декорум, хотя и делают непрерывно шаги «от великого к смешному». Те из западных авторов, которые решительно выступают против недооценки идеологического фанатизма «левых» террористов, в этом отношении правы. «Политика,— пишет западногерманский политолог М. Грейфенхаген о Г. Энслин,— понималась ею как крестовый поход за идею»². Апеллируя к идеям, террористы пытались придать своей человеконенавистнической практике в чужих и собственных глазах видимость революционного дела, снискать репутацию крупных политических фигур. «Террористы не только борются за дело, но и дело борется за них»³,— отмечал А. Каплан.

Но одновременно не менее правы и другие политологи, которые ставят под сомнение первостепенную роль идейно-политической ориентации для практики террористов. Так, например, У. Лакёр полагает, что «вначале приходила настроенность (на террор.— В. В.), а идеологическое обоснование уже потом»⁴ и что идеология часто служит террористам дымовой завесой. Тот же М. Грейфенхаген подчеркивает, что для членов РАФ путь к терроризму «не был связан с марксистской теорией. Она лишь позднее послужила идеологической оболочкой для импульсов, действовавших гораздо раньше». Движимым ненавистью экстремистам «схема классов послужила лишь идеологическим покровом этой ненависти»⁵. М. Соле, в отличие от Грейфенхагена считающий сложившееся у «левых» террористов мировоззрение аутентичным марксизму, одновременно придерживается мнения, что они просто «жонглируют магическими словами... но этикетка обманчива... Это простые ярлыки, выбранные по воле обстоятельств»⁶. Справедливость этих оценок находит подтверждение во втором, диаметрально противоположном первому, принципиальном подходе террористов к теории.

Она ими признается лишь для того, чтобы давать ответы на запросы тактики, и только в той мере, в какой она эти ответы дает. «Заполнить пробелы революционной теории — создавать Красную армию». Вглядимся внимательнее в этот тезис. Иерархия понятий очевидна: для того, чтобы создать так называемую «Красную армию», необходимо обеспечить себя теоретической санкцией. Теория превращается, таким образом, не более чем в служанку тактики.

Вне «классовой борьбы» для «левых» террористов теория никакого значения не имеет. «Без практики вооруженной борьбы изучение «Капитала» лишь буржуазная учеба, программные заявления — болтовня, пролетарский интернационализм — лицемерие»⁷.

Мысль о примате практики над теорией обращается своим острием против последней. Теория при таком подходе перестает быть собственно теорией. Она опошляется, сводясь к обыденному сознанию. Носители этого сознания претендуют на звание политически мыслящих людей, щеголяют философскими терминами. Однако политическая мысль превращается ими в набор демагогических лозунгов, а философские категории — в бессодержательные догмы. Система доказательств и сопутствующая ей лексика построены на принципе подмены аргументов упрощенными иллюстрациями, на низведении сложного до примитивного и, наоборот, на придании примитивному видимости высокого обобщения. Угон самолета для них не менее чем «отправной пункт Пролетарской Революции», арестованные террористы — «Пролетарские Пленники», зверское убийство — «высший акт Пролетарской Гуманности», удачно осуществленная акция — «Победа над Государством».

Среди европейских «левых» террористов существуют и люди типа небезызвестного лидера итальянских «автономистов» А. Негри, способные создавать трактаты, написанные весьма наукообразным, чтобы не сказать заумным, языком. Но пафос этих трактатов — в рассмотрении социальных и теоретических проблем под углом зрения экстремистской практики, их содержание — прямое отражение житейских оценок и стремлений люмпен-пролетарских элементов. Их стержнем является тот же, только разукрашенный эрудицией атеоретизм.

А. Негри — преподаватель университета, исключение в рядах «левых» террористов. Большинство же из них себя в отношении умственной работы не затрудняют, ограничиваясь скромным набором расхожих изречений и кровожадных лозунгов, зато провозглашаемых непрерывно и громогласно. Все это производит впечатление шаманских заклинаний, обращенных не столько к другим, сколько к самим себе, призванных служить чем-то вроде идеологического и психологического наркотического допинга.

Но одновременно с извержением сотен напыщенных слов террористы непрерывно подчеркивают свое недоверие к словам, убежденность в их никчемности, противопо-

ставляя им Дело, понимаемое как прямое действие. Пресловутый примат практики над теорией в их трактовке выглядит более чем просто: «Мы не верим болтовне, мы верим только в действие»⁸. Или: «Писанина — дерьмо. Теперь мы должны делать революцию»⁹. Сама по себе тактика прямого действия шире терроризма. Однако терроризм гнездится в ее сердцевине, как бабочка в коконе. Утверждая, что дела делаются пулями, что пули и есть реальность, «левые» террористы просто довели концепцию до логического конца.

Итак, Слово и Дело категорически противопоставляются друг другу. Противопоставляются на том основании, что словами ничего нельзя изменить, а действительность требует кардинальных преобразований, что слова обрекают людей на пассивность, а действие вырывает их из этого состояния, что выработка единой теоретической позиции — длительный, сопровождающийся бесплодными спорами и разъединяющий «революционеров» процесс, а действие их объединяет. В словах, по мнению террористов, люди лживы, а в действиях они становятся правдивы, слова девальвированы и никого не вдохновляют, в то время как эффективный террористический акт может служить заразительным примером для многих людей.

Это лежащие на поверхности аргументы самих «левых» террористов. Но под ними кроются мотивации и основания более глубокие и личные, такие, как экстремистское нетерпение, стремление дать выход негативным эмоциям, избавиться от комплекса неполноценности, приобщиться к клану сильных личностей и т. д. Именно здесь лежат корни присущего экстремистскому сознанию клубка противоречий при подходе к идеологии. Отрицание слов и одновременно фетишизация «революционной теории», фетишизация теории и превращение ее в пустые, хотя и громкие слова, культ звонкой фразы и культ прямого действия, якобы противопоставленного фразе.

Эти противоречия абсолютно закономерны, поскольку апологетам прямого действия цельная и развернутая теория не только не нужна, но и прямо противопоказана. «Для нас мысль дорога только, поскольку она может служить великому делу *радикального* и *повсюдного* всеразрушения»¹⁰, — говорил М. А. Бакунин. Естественно, что ни о какой последовательной идеологии при таком подходе говорить не приходится, как не приходится говорить и о разумном решении вопроса о соотношении мысли и действия. Само обращение к прямому действию, а тем

более к террористическому, уже есть свидетельство пренебрежения мыслью. Не случайно В. И. Ленин называл террористов-эсеров «настоящими «экономистами» наизнанку»¹¹.

Льстящие самолюбию «левых» террористов претензии быть людьми Дела и антиподами людей Слова малоосновательны. Настоящим революционерам цельность и разработанность теории не только не мешает, но, наоборот, помогает быть активными борцами. В соответствии с принципами научного социализма они придают важнейшее значение идеологической борьбе, идейно-воспитательной работе с массами. Экстремистское же противопоставление Слова и Дела есть следствие отщепенства, недоверия к массам, умственной лени, невежества, неспособности к серьезной теоретической работе и созданию научно обоснованной стратегии. «Слепая вера в чудодейственную силу всякого *action directe*; выхватывание этого «непосредственного воздействия» из общей социально-политической конъюнктуры без малейшего ее анализа; словом, «произвольно механическое понимание общественных явлений» — таков «анархический метод мышления»¹², — писал В. И. Ленин.

В этом методе — вся суть дела. Он по своему существу атеоретичен. Политическое самоопределение «левых» террористов осуществляется не в результате научного анализа реальной социальной действительности, но на основе непосредственной реакции на нее, на базе психологического неприятия ее и стремления к разрушительным действиям. Разработка операций заменяет им политический расчет. Последствия этих операций ими всерьез не просчитываются и остаются для них неясными. Однако самой этой неясностью защищается и поддерживается их иллюзорная надежда на политическую эффективность воинственных авантюр.

Избирательное субъективистское восприятие действительности, создание на основе произвольно и односторонне выделенных фактов обобщений, нередко носящих фантазмагорический характер, невнимание ко всем остальным фактам и отношениям, приоритет предвзятой оценки над знанием и пониманием — органические черты разорванного экстремистского сознания. Парадоксальный факт: будучи эмоционально наиболее чуткими и восприимчивыми представителями своего поколения, «левые» террористы в силу характера их мышления пришли почти к полному отрыву от действительности. В их сознании, как справедливо отмечает западногерманский по-

литолог Х. Мюнклер, «границы между политической реальностью и воображаемым миром все более размываются, так что в конце концов психическая реальность вытесняет действительную»¹³.

Западные наблюдатели с некоторым удивлением отмечают, что, непрестанно повторяя одни и те же абстрактные обвинения и лозунги, «левые» террористы попросту игнорируют многие конкретные, в том числе и трагические, факты и события, вызывающие огромный резонанс в обществе. Так, по словам корреспондента журнала «Нувель обсерватор» в Италии М. Падовани, «Красные бригады» обошли полным молчанием произведенный фашистами взрыв в Болонье, унесший 45 жизней, землетрясение, энергетический кризис и т. д. «Создается впечатление,— пишет он,— что бригадистская мысль развертывается в мире, абстрактном и безлюдном»¹⁴.

Воспринимаемый ими через черные очки мир выглядит столь чудовищно мрачным и враждебным человеку, что и не заслуживает иной участи, кроме уничтожения огнем и мечом. Отсюда выразительная, нарочито хамская лексика «левых» террористов, в соответствии с которой мир объявляется «дерьмовым», а люди — «свиньями», «блохами», «червями» и «гиенами». Самих себя, однако, они рассматривают как вестников и посланцев судьбы на белых конях апокалипсиса, свои сумбурные идеи — как высшую и пророческую истину. В стилистике их речей и прокламаций отчетливо проступает также и дух пастырских посланий, проповедей и молитв, а нередко и просто магических заклинаний.

Слова о «крестоносцах», «архангелах мести» и «ангелах апокалипсиса», щедро рассыпанные по страницам многих посвященных «левым» террористам работ,— явная дань их эстетизации и романтизации, но они не случайны. Дело не только в том, что ядром «Красных бригад» явилась экстремистская католическая группа, равно как в руководстве РАФ были искренне верующие протестанты, в частности Ульрика Майнхоф, которую ее будущий муж втянул в политику, окончательно убедив тезисом о том, что социализм — это воплощение заветов Христа. Важнее то, что террористы, порвавшие или не порвавшие с официальной религией и просто атеисты, мыслят и чувствуют по существу религиозно.

Конечно, религиозность «левых» террористов специфична. С одной стороны, «террор есть прежде всего тип символа — магии»¹⁵. С другой — мистицизм и прагматизм сочетаются у них не в тех пропорциях, что в кано-

нических религиях. С третьей — мистическое в принципе сознание «левых» террористов пытается гримироваться под научное. Для них характерны глубокомысленные ссылки на «материализм» и «диалектику», но само это претенциозное глубокомыслие — отчетливое свидетельство того, что эти понятия превращены ими в культовые.

Наконец, религия требует Абсолюта, персонифицированного в божестве, а в последнего веруют далеко не все «левые» террористы. Зато все они исходят из принципа: «Все дозволено», в свою очередь неразрывно связанного с ницшеанским тезисом: «Бога нет». Но Абсолют у них все же имеется. Теоретически таковым объявляется грядущий коммунизм. Практически же поскольку «коммунизм сегодня, — согласно утверждению У. Майнхоф, — это и есть вооруженная борьба»¹⁶, то последняя и становится искомым Абсолютом. Террористы проникнуты верой в то, что их дело может и должно победить благодаря потокам пролитой крови. Как заявил член японской «Красной армии» Окамото, души погибших героев «звездами восходят на небо». «Революция будет продолжаться, зажигая все новые и новые звезды, пока мы не поймем, что все мы — звезды одного неба, и тогда наступит мир»¹⁷. По меткому замечанию одного западного политолога, для террористов «жертва есть жертвоприношение. И крайнее жертвоприношение — это заклание самого себя». В воспаленных мозгах террористов царит ощущение, что благодаря таким «жертвоприношениям» «боги становятся им на службу»¹⁸.

Своеобразный фанатизм религиозного типа есть очень важный, но, как мы видели, не единственный компонент эклектического мировоззрения «левых» террористов. «Современный терроризм, — пишет Дж. Беккер, — иррационален: это смесь религиозных, национальных, честолюбивых и нигилистических проектов с эмоциями»¹⁹. Вот именно. Применительно к личностному растрепанному сознанию террористов стоило бы, наверное, вместо слова «мировоззрение» употреблять термин «мироощущение».

Идеология «левых» террористов — это по существу не идеология, а умонастроение, воплощенное в социальной терминологии, наскоро сколоченная конструкция из политизированных эмоций. Поэтому, с одной стороны, они прочно внутренне сживаются с принятыми ими политическими установками, не знают сомнений и колебаний и уже из одного самолюбия бывают преданны догме до самоуничтожения перед нею и даже до самопожертвования. С другой — усваивают ее на поверхностном уровне

цитатника, для нее и характерном. Их истина для них единственна и однозначна, она не подлежит обсуждению и не нуждается в проверке. Она служит им стимулом к действию, и это делает ее для них бесспорной.

Единственное, что их действительно заботит,— это утверждение данной, непреложной для них догмы и ее унифицированное восприятие. Западногерманские террористы непрерывно дискутировали по вопросу о «революционном субъекте». Итальянские — о соотношении террористического подполья и «массовой нелегальности». Члены японской «Красной армии» вели глубокомысленные споры о том, можно ли распространять смысл тезиса «Винтовка рождает власть» и на другие виды оружия.

Глупо? Да. Однако еще Герцен предупреждал, что с глупостью следует считаться как с громадной силой. Как, впрочем, и с невежеством, о котором Маркс писал, что оно — «демоническая сила», способная послужить «причиной еще многих трагедий»²⁰.

Можно ли, однако, распространять эти положения на террористов, подавляющее большинство которых имеет высшее или незаконченное высшее образование? А почему же нет? Глупость есть свойство ума, мало способного к самостоятельному анализу нового опыта и осмыслению непривычных впечатлений и данных. Она характеризуется поверхностностью и узостью восприятия при одновременной тяге к привычным догмам. Она усугубляется самодовольной убежденностью в истинности и достаточности собственных знаний, сочетаемой с болезненно-самолюбивой охраной своих представлений как единственно верных, своего уровня как всеобщей нормы, воинственным отвержением всего, чего она не знает и что недоступно ее пониманию. В этом пункте она и сходится с невежеством, которое не есть простое незнание того, что выходит за пределы непосредственного жизненного опыта, но покоится на заскорузлом и ленивом мышлении и системе устойчивых предрассудков.

Конечно, в эпоху всеобщей грамотности, широкого образования и огромной роли средств массовой информации, а также кинематографа глупость может компенсировать свое неумение обобщать и осмыслять путем усвоения обобщенного другими, а невежество — заменить незнание полужнанием и одни расхожие предрассудки другими. Но суть дела от этого не меняется.

Глупость и невежество отчетливо выявляют себя и становятся агрессивными, когда воплощающие их личности претенциозно берутся за дело, к которому не способ-

ны, самоуверенно пытаются войти в сферу, требования которой превышают их ограниченные возможности, и стремятся доказать себе и другим свое право на это. Все это полностью относится и к «левым» террористам!

«Левый» терроризм есть в сущности попытка, игнорируя сложность современного мира и соотношение классовых сил, подойти к возникающим сегодня социально-политическим проблемам с ответами, простыми до примитивности. Террористы переносят на систему социальных отношений в целом свои представления об образе жизни «среднего класса», к тому же нередко сформированные на основе детских впечатлений о тирании семьи и школы. Провозглашаемая ими с высокопарным пафосом стратегия борьбы предельно наивна и несостоятельна, ибо основана на персонификации социальных сил, при которой политическая борьба начинает выглядеть единоборством личностей, символизирующих народ и систему.

Провозглашенный ими примат практики, в соответствии с которой реальность серьезной политической работы в массах подменяется реальностью взрывов и выстрелов, не что иное, как замаскированная авантюристическим активизмом попытка одолеть врага и разрешить объективные социальные противоречия в собственном воображении. Не имеющие в своих рядах ни одного серьезного ученого-экономиста, политолога, социолога, заимствующие чужие мысли, которые они не в состоянии переварить, подчинившие эти мысли своим субъективным представлениям и предрассудкам, лишённые исторического мышления, они устремились в явно неподвластную им сферу политики, до которой не доросли. И это еще одна из глубинных и существенных причин их обращения к авантюристической террористической практике. В ней глупость и невежество воинственны в самом прямом смысле слова, выступая с оружием в руках и реально становясь причиной «многих трагедий».

Претензии и реальность

1

«Ускорение истории»

История знала немало подлинных революционеров и гуманистов, которые, впадая, по словам А. И. Герцена, в трагическую «ошибку любви и нетерпения», пытались ее «ускорить». На «ускорение истории» претендуют и современные «левые» террористы, с той только принципиальной разницей, что их псевдоревolutionное нетерпение основано не на любви, а на ненависти.

«Здесь и сейчас!», «Социализм сегодня!» — эти громкие лозунги, скорее похожие на заклинания, непрерывно срываются с уст террористов. «Мы не спрашиваем ни у кого разрешения на революционные действия»¹, — декларировал К. Маригелла. «Каждый может начать. Нет нужды ждать кого-либо»², — вторили ему западногерманские «левые» террористы. Для того чтобы «ускорить историю», следует самим перейти «на высшую скорость» (что в просторечии и означает заняться террористической деятельностью), утверждали их итальянские единомышленники³.

Экстремистам всегда присуще волюнтаристское стремление перескочить через реальные исторические ступени, «перехитрить историю», принимать желаемое за возможное. «Неужели вы не понимаете, — писал некогда П. Ткачев Ф. Энгельсу, — что революционер всегда считает и должен считать себя вправе призывать народ к восстанию; что тем-то он и отличается от философа-филистера, что, не ожидая, пока течение исторических событий само укажет минуту, он выбирает ее сам; что он признает народ всегда готовым к революции»⁴. Ф. Энгельс справедливо назвал эти рассуждения Ткачева «ребяческими разглагольствованиями»⁵.

«...Революцию нельзя «сделать»... революции *вырастают* из объективно (независимо от воли партий и классов) назревших кризисов и переломов истории...»⁶ — отвечал претендентам на роль «ускорителей истории» В. И. Ленин. Современные «левые» террористы находят-

ся намного позади Ткачева, ибо их авантюристический порыв продиктован не верой в революционность народа, а, наоборот, полным неверием в нее. Но метод политического мышления и практические выводы у экстремистов прошлого и настоящего тождественны.

Идеологам терроризма в абстракции известно, что история делается массами и никакого «ускорения» без активности масс нет и быть не может. Они элементарно начитанны и для того, чтобы, хотя бы формально, считаться с такими факторами, как объективные обстоятельства, революционность или нереволуционность ситуации и т. д. И в своих волюнтаристских концепциях они не обходят этих понятий, но трактуют их в выгодном для себя духе. Массы могут быть революционизированы только «практическим революционным примером», утверждают они. «Ошибочно начинать вооруженную борьбу только тогда, когда обеспечено сознание масс. Это означало бы вообще отказаться от этой борьбы, ибо согласие на нее может быть получено лишь благодаря самой борьбе»⁷. Что касается объективных условий, то их не следует фетишизировать, надо исходить не только из сознания необходимости изменения условий, но и из сознания возможности их революционного изменения. «Надо внимательно следить за объективными условиями, чтобы изменить их, в то время как другие левые думают, что могут установить момент для всеобщего народного восстания, исходя из объективных условий, и выжидают этот момент»⁸. «Внимательно следить» — это сказано для красного словца. Чем-чем, а вниманием к социальной действительности и ее основным глубинным процессам «левые» террористы никак не отличаются. Они живут в мире воображаемом, подменяя реальность априорной схемой. Характерная особенность этой схемы заключается в том, что, указывая на действительные пороки и противоречия современного капиталистического общества, «левые» террористы одновременно подтасовывают факты с целью обоснования правомерности своей авантюристической тактики.

Согласно их концепции, капиталистическая система к сегодняшнему дню полностью изжила себя и достаточно лишь толчка, чтобы она рухнула. «Мы с 1968 г. продолжаем непоколебимо верить, что революция уже на городских углах»⁹, — заявляют итальянские «левые» террористы. Поскольку революция должна осуществляться в условиях государственно-монополистического капитализма, постольку, полагают «левые» террористы, удары,

наносимые государству, являются одновременно ударами по капиталистическим производственным отношениям, а свержение данного государства автоматически означает замену капитализма социализмом.

«Левые» террористы исходят из того, что все капиталистические державы находятся сегодня в состоянии перманентного и глубокого кризиса. Мысль в основе своей справедливая и не ими первыми сформулированная. Капиталистические правительства ищут выхода из кризиса за счет друг друга и одновременно стремятся координировать усилия, возложив тяготы кризиса на плечи народов как собственных, так и развивающихся стран. Тоже, казалось бы, верная посылка. Но посмотрим, что следует дальше. А дальше следует вывод, что в данной обстановке правительства европейских капиталистических держав, во-первых, неизбежно поощряют нарастание реакции, а во-вторых, сознательно идут на предательство национальных интересов, целиком переходя на службу империализму США и транснациональных корпораций.

Из этой похожей на правду и одновременно искаженной картины делаются далеко идущие практические выводы. Прежде всего «левые» террористы провозглашают наличие глобальной революционной ситуации. Правда, империализм, признают они, еще достаточно силен и не превратился полностью в «бумажного тигра», но низвергнуть его посредством одновременных ударов пролетариата метрополии и развивающихся стран уже возможно. Сложившаяся в мире ситуация, с точки зрения «левых» террористов, благоприятствует осуществлению всемирной революции. Главной движущей силой этой революции объявляется в соответствии с концепцией «революционности бедных» «пролетариат» развивающихся стран. Что же касается «революционеров» «метрополии», то они представляют один из отрядов «мировой революционной армии», выполняя важную задачу подрыва империализма изнутри.

Наличие глобальной революционной ситуации, с точки зрения «левых» террористов, становится решающей предпосылкой возможности формирования при помощи вооруженных акций революционных ситуаций в развитых капиталистических странах и осуществления там социалистических революций, ибо в Европе (а также в Японии) к остроте внутренних социальных противоречий прибавляется зависимость от транснациональных корпораций и империализма США. Это касается не только объявленной ими «белым негром США» Италии, имею-

щей репутацию слабого звена в цепи империализма, но и пользующейся репутацией сильного звена ФРГ. В своих печатных заявлениях лидеры РАФ неоднократно расценивали ФРГ двояко: с одной стороны, как «центр империализма», с другой — как «колонию США». Рассматривая ФРГ как колонию США, они не просто исходили из не всегда полностью взаимовыгодного партнерства американского и западногерманского капиталов и размещения на территории ФРГ военных баз США. Они стремились также подогнать оценку экономического состояния страны и материального положения трудящихся под параметры, характерные для развивающихся стран, не брезгуя при этом самыми нелепыми натяжками.

Так, в одном из своих интервью западногерманские «левые» террористы попытались доказать идентичность социально-экономических условий в ФРГ и странах Латинской Америки при помощи нерепрезентативных, а иногда и просто подтасованных статистических данных. Парируя напрашивающиеся возражения, они объявили, что «аргумент, согласно которому федеральная Германия не есть Латинская Америка, выдвинут людьми, оценивающими действительность в соответствии с их зарплатой», расценив позицию этих людей как «выражение человеческой холодности и незнание проблем народной жизни»¹⁰. Аналогичные сопоставления делались и с развивающимися странами других континентов. В этой связи западногерманским журналом «Цайт» было справедливо замечено, что «Майнхоф перепутала Германию 1972 г. с Китаем 1927 г.»¹¹.

Таким образом, одновременно с утверждением своего права начинать революцию в любой момент и в любых условиях, формируя посредством террористической борьбы революционную ситуацию, «левые» террористы отстаивают это право ссылками на то, что такая ситуация уже существует. Буржуазные правительства, по мнению «левых» террористов, держатся сегодня у власти только за счет репрессивных органов и предательства политических партий. Если же атаковать эти органы и одновременно ударить по «коррупцированным политикам», то прогнившие режимы рассыплются в прах.

Однако возникающее здесь противоречие террористов не смущает. Они исходят из вульгарной трактовки примата практики над теорией. «Правильно ли сейчас организовывать вооруженное сопротивление, зависит от того, возможно ли это. А возможно ли это, покажет только практика»¹², — писала У. Майнхоф. Вот и все. Разверты-

вание террористической кампании, таким образом, одновременно становится и доказательством наличия революционной ситуации, и фактором ее создания в целях «ускорения истории».

Три основные задачи, по мнению террористов, призвана решить городская герилья. Держа правительство в непрерывном напряжении, можно, во-первых, якобы достичь «постепенного истощения сил противника, его моральной деградации», «разрушить правящую систему в ключевых пунктах, разрушить миф о ее всемогуществе и неуязвимости». Казалось бы, трудно представить себе более воинственное отношение к капитализму, чем у «левых» террористов. Тотальное, бескомпромиссное отрицание, самые крайние средства борьбы. Но тотальное отрицание есть по природе своей отрицание социально неразборчивое. Им смазывается классовый адрес критики, и ее объектами становятся не только пороки капитализма, но и исторические завоевания человечества, в том числе и политические завоевания народных масс. А это в конечном счете выгодно тому же капитализму. Беспощадные удары в «сердце государства» и по его «слугам»? Но ведь, попросту говоря, это убийства отдельных людей, акции частного, случайного характера. Это борьба не с причинами, а со следствиями, не с существом, а с проявлениями — нечто вроде луддитского гнева, обращенного сегодня не против машин, а против людей и учреждений.

«Терроризм,— пишет известный исследователь проблемы, научный сотрудник Института по изучению войны и мира при Колумбийском университете Дж. Б. Белл,— оружие слабых, но мощное оружие»¹³. Не совсем так. Терроризм действительно оружие слабых. Но мощное ли? Он способен нанести серьезный материальный ущерб, он несет смерть людям, порождает страх, но в конечном счете политически неэффективен. Английские публицисты Ч. Добсон и Р. Пейн в одной из своих книг верно подметили, что террористы не совершили ни одной революции, не добились ни одной смены правительства.

Нельзя сказать, чтобы политические покушения были всегда и полностью неэффективны, т. е. не оказывали бы никакого воздействия на развитие социально-политического процесса. Если бы это было так, вряд ли ЦРУ ввело в свою практику систематическое устранение видных прогрессивных (и не только прогрессивных, но и просто признанных помехой для проведения планов империализма США в жизнь) политических деятелей. В той мере, в какой личность играет самостоятельную роль в

рамках определенной социально-политической системы, накладывая на ее функционирование своей отпечаток, устранение одной личности от руководства аппаратом того или иного уровня и замена ее другой могут сказаться на его работе. Вызванное террористическим актом нарушение сложившегося равновесия, момент возможной растерянности и требующий определенного времени процесс стабилизации и реорганизации также придают этим актам видимость эффективности.

Однако устранение личности не меняет самой системы. Известные коррективы, вносимые в политику новыми лидерами, носят частный характер. Последствия убийств таких ключевых фигур в политическом руководстве Италии и Египта, как Моро и Садат, еще раз подчеркивают это. Впрочем, более двух тысячелетий назад то же самое доказало убийство Юлия Цезаря римскими сенаторами, стремившимися сохранить республиканский строй и своей акцией по существу облегчившими дорогу к власти Октавиану Августу, ставшему первым римским императором. Удары по тем или иным звеньям системы могут вызвать временный сбой, но отнюдь не приводят к ее разрушению. Наоборот, заставляют ее консолидироваться и защищаться крайними средствами. В современной ситуации правый терроризм может оказаться эффективнее «левого», ибо за ним стоят силы, представляющие другое крыло того же правящего класса, а режимы, к установлению которых стремятся правые террористы, суть иная форма господства этого класса. Претендующие же на разрушение системы и смену общественного строя «левые» террористы достичь своих политических целей в принципе не способны. Их практика в конечном счете приводит к результатам, обратным тем, к которым они стремились.

Наиболее убедительное подтверждение этой мысли — самая заметная и, казалось бы, успешная акция «левых» террористов — похищение Альдо Моро. «Красные бригады» надеялись, что правительство пойдет на переговоры и уступки, тем самым признав их равноправной, даже не просто равноправной, но и диктующей условия социальной силой. Не вышло. Террористы стремились помешать осуществлению договоренности между коммунистами и христианскими демократами, но такая договоренность в тот момент была осуществлена. Они стремились воспрепятствовать более тесному сотрудничеству обеих партий и вступлению коммунистов в правительство и этой цели добились. Остается, правда, открытым во-

прос, как сложились бы отношения между партиями, если бы Моро остался в живых. Не стоит, однако, забывать, что идеологические различия между партиями предполагают возможность только компромиссов в конкретной социальной ситуации. Так или иначе, убрав Моро, террористы оказали явную услугу правому крылу ХДП и облегчили его задачи. Но своей главной политической цели — подорвать авторитет ИКП в массах и устранить ХДП от государственного руля — террористы не добились. «Красные бригады» рассчитывали завоевать популярность в народе, а навлекли на себя гнев и отвращение. Были, конечно, и такие, у которых дерзость и неуловимость террористов вызвали восхищение. Но народ в целом, и прежде всего организованный рабочий класс, ответил на преступную авантюру «Красных бригад» всеобщими забастовками и миллионными демонстрациями.

Наконец, «Красные бригады» стремились вызвать нарастание новой волны терроризма и расширение своих рядов. Этого они, казалось бы, добились. На 1978—1979 гг. приходится пик активности и самих бригад, и открыто заявившей о себе «Первой линии», а также самые массовые и разнузданные буйства «автономистов». Ободренные примером итальянских собратьев, вновь ожили казавшиеся уже разгромленными РАФ и «Революционные ячейки» в ФРГ. Активизировались «левые» террористы и в ряде других стран. Но пик — это такая точка, за которой начинается скольжение вниз. Нарастание террористической угрозы и выступления масс заставили правительство резко усилить борьбу против террористов, что привело к аресту нескольких тысяч боевиков как левой, так и правой ориентации. Прилив новых кадров в «Красные бригады» далеко не компенсировал понесенных ими потерь. Более того, сегодня уже известно, что дело Моро породило раздоры в стане террористов, посеяло сомнение и страх в душах многих из них, начавших по мере нарастания бессмысленной жестокости искать путей выхода из терроризма. Именно в убийстве Моро заложены корни того массового отступничества с покаянием, а нередко и с выдачей, которое к началу 80-х гг. стало обыденным явлением в итальянских террористических организациях, решающим образом облегчившим репрессивным органам выполнение их задачи. Самая удачная акция итальянских террористов в конечном счете обернулась самой большой их неудачей. Это вынуждены были признать и лидеры «Красных бригад», которые в принятой в конце 1980 г. новой «стратегиче-

ской резолюции» отказались от ударов по самым крупным политическим фигурам, исходя из отрицательного результата покушения на Моро.

Вторая функция городской герильи — укрепление, сплочение и развитие террористических организаций. «Борющаяся группа может развиваться и продвигаться вперед только через конфликты»¹⁴. Многие свои акции террористы предприняли именно для того, чтобы «спасть группу кровью». Действительно террористическая практика сводит в боевые группы людей, движимых нетерпением, склонных к риску и авантюрам, исполненных наивного желания решить все проблемы одним ударом, — словом, одержимых активистским комплексом. Жизнь, однако, показала, что в самом обращении террористических групп к этой практике — зародыш их будущего распада и уничтожения. С одной стороны, неизбежны аресты и гибель борцов. С другой — крах надежд на моментальную и эффективную победу, страх, усталость, разочарование, угрызения совести, приводящие к стремлению выйти из игры, расправы с подозреваемыми в предательстве или отступничестве членами организаций.

Третья приписываемая городской герилье террористами ее функция — путем вооруженной пропаганды пробудить рабочий класс к действию, «разбить барьер между революционерами и народом»¹⁵. Отсюда их убежденность, что они «бросают бомбы как в аппарат подавления, так и в сознание масс»¹⁶. Принцип вооруженной пропаганды, однако, в самом своем существе глубоко лицемерен, ибо, кроме пропаганды насильственных действий, в нем ничего не содержится. Терроризм по своей природе вовсе не предполагает пропаганды идей, поскольку главный его смысл заключается не в том, чтобы быть привлекательным, но в том, чтобы внушить страх. И не только врагу, но и обществу в целом. Это вынуждены были признать и лидеры «левого» терроризма. «Городская герилья ничего не ждет от публики, кроме враждебности»¹⁷, — писала У. Майнхоф. Террористы и вызвали к себе массовую враждебность, распространившуюся также и на идеи, которые они намеревались пропагандировать.

И наконец, четвертая задача террористических кампаний — перерастание городской герильи в «гражданскую войну», осуществление «социалистической революции». Идеологи терроризма потому и считают вооруженное насилие «наиболее существенным звеном в глубинной работе класса», что видят в нем «перспективу его власти».

Большинство террористов рассматривают герилью как процесс, состоящий из нескольких ступеней: создание первых террористических групп, превращение их в ходе террористической кампании в единые «Красные армии», организация «Сражающихся коммунистических партий», народная война.

Однако и здесь полного единства между «левыми» террористами разных оттенков не существует. Х. Малер, например, считал задачей западногерманских террористов на первой фазе их деятельности демонстрацию того, что вооруженные группы могут создаваться и противостоять государственному аппарату. Некоторые из «левых» террористов утверждали, что только следующие за конспиративным уровнем акции будут первым шагом к революционной войне. Другие объявили саму городскую герилью первой фазой революционной войны. Одним казалось, что переход на ступень революционной войны потребует долгого времени и эта война будет длительной. Другие надеялись на быстрый переход со ступени на ступень. «Красные бригады» смотрят на положение вещей еще более «оптимистично». В своей очередной «стратегической резолюции», принятой летом 1981 г., они провозгласили: «Столкновение между революцией и контрреволюцией приняло облик гражданской войны»¹⁸. В том же ключе мыслят и «автономисты», исходящие из лозунга: «Беспорядки — это и есть революция».

Впрочем, все эти различия между «левыми» террористами тех или иных оттенков не принципиальны. Они суть всего-навсего различия в степенях словесного «ускорения истории». Именно словесного, поскольку терроризм на деле стремится не ускорить, а перехитрить историю, что практически невозможно.

2

Утопизм и антиутопии

«Страсть к разрушению есть страсть созидающая», — провозгласил почти полтора века назад Михаил Бакунин. Блеснувшая новизной и диалектичностью, эта мысль на время ослепила многих передовых современников Бакунина, увидевших в ней революционную формулу. Приоритет разрушительного пафоса и критика капитализма с позиций анархистского всеотрицания в эпоху не изжитых еще иллюзий по его адресу могли иметь в течение ко-

роткого времени известное прогрессивное значение. Но вскоре выяснилось, что утверждение «разрушения до основания» не отменяет вопроса: «А что затем?» Именно наличие в достаточной мере исторически обоснованной и отчетливой позитивной программы отделяет подлинных революционеров от анархистов-разрушителей, каким остался сам Бакунин.

Когда современные «левые» террористы громогласно декларируют: «Наша цель — разрушить Империю»¹, «Общество должно разлететься на куски»² — и готовы заплатить за это любую цену, вплоть до установления «на время» фашистских режимов и даже провоцирования мировой войны, не может не встать вопрос: а во имя чего должна быть уплачена эта цена? Что последует за разрушением капиталистического общества и осуществлением «террористической революции»? «Коммунизм», «Мировой коммунизм», — отвечают леваки. А конкретнее? Что именно будет представлять собой «коммунистический рай» по-экстремистски? И тут с удивлением выясняется, что большинство «левых» террористов не имеет об этом ни малейшего представления и этим вопросом не интересуется. «Будет хорошо» — и все тут. Во время «студенческой весны» один из лидеров французских левых, Соважо, заявил: «Главное — сокрушить капитализм, а там посмотрим»³. Дальше этого «а там посмотрим» не идет и подавляющее большинство «левых» террористов.

Р. Клаттербак, усиленно пытающийся установить прямую генетическую связь между «левыми» террористами и революционными марксистами, в данном случае вынужден был признать, что первые в отличие от вторых «не видят дальше насильственных нападений на существующее общество»⁴. Р. Клаттербак не с потолка берет этот вывод. «Мы не имели точных представлений о новом обществе. Оно должно было измениться и улучшиться, но мы не имели никаких конкретных идей... Мы только желали, чтобы все изменилось... Мы никогда не ставили отчетливо вопроса о том, чего конкретно хотим»⁵ — это слова рядовой активистки РАФ. Но ту же самую мысль, только в форме наукообразных постулатов, высказывали и теоретики организации. В соответствии с духом бакунинского постулата они пытались придать «чистому разрушению» созидательный смысл, утверждая, что «перестраивающая и формирующая сила пролетариата слагается только посредством накопления моментов разрушения, обнаруживается только в этом»⁶. Справедлива в этой связи мысль Б. Дженкинса о том, что «левый» тер-

роризм «меньше заинтересован в установлении справедливого общества, чем в стимулировании апокалипсиса»⁷.

Свое нежелание заглядывать в будущее, ради которого они осуществляют кровавые акции, «левые» террористы нередко обосновывают заимствованными у лево-радикалистских идеологов аргументами. «Если кто-нибудь ожидает точного описания специфических институтов и отношений нового общества,— писал Г. Маркузе,— это абсурд: невозможно их определить априори. Они сложатся по методу проб и ошибок в ходе самого развития народного общества»⁸. Маркузе здесь явно передергивает: невозможность априорной детальной разработки модели будущего общества самоочевидна. Пробы и ошибки также, к сожалению, неизбежны в ходе подъема на новую историческую ступень. Но возводить их в ранг принципиального политического метода — значит вообще отказаться от научного предвидения, отвергнуть необходимость руководствоваться определенными социальными идеалами в процессе революционной борьбы.

В ходе любого революционного процесса в сознании его участников отражаются как его реальные, исторически созревшие для решения, так и иллюзорные задачи. Это явление закономерное. «...Разве не естественно,— писал В. И. Ленин,— что идущие на борьбу миллионы, веками жившие в неслыханной темноте, нужде, нищете... преувеличивают вдесятеро плоды возможной победы?»⁹ Утопизм? Утопизм. Но утопизм, социально обоснованный, связанный с забеганием вперед в направлении объективного развития социального прогресса. Утопизм, приводящий позднее к разочарованиям, трудному приспособлению к реально осуществленной и на фоне завоевавших умы и души идеалов недостаточной ступени этого прогресса. Но утопизм, выраженный в идеалах, конкретизированный определенным представлением о природе общественного строя, за который ведется борьба, и в то же время содержащий в себе ядро из положений, составляющих научный фундамент этих идеалов, не реализованных в полной мере не в силу их ошибочности, а в силу преждевременности. «Коммунизм» в мировоззренческой системе «левых» террористов остается пустым словом, никакими, пусть мистифицированными и фантазмагорическими, представлениями, не говоря уже о теоретической разработке, не наполненным, лишенным каких-либо отчетливых признаков.

Террористы по своей сущности утописты. Превращение абстрагированной мысли в догму и использование

догм для сотворения социальных мифов, преодоление и снятие одним скачком мысли сложнейших вопросов общественной жизни и политических противоречий, вера в то, что отброшенное и поверженное в уме легко может быть отброшено и повержено на практике,— характерные признаки мышления «левых» террористов. Они, по выражению Г. В. Плеханова, адресованному их предшественникам-анархистам,— «утописты упадка, пораженные неизлечимым духовным малокровием»¹⁰. Они утописты без Утопии. Их утопизм целиком обратился на процесс и ни в малейшей степени не затронул цель, хотя именно целью они обосновывают необходимость данного процесса. Причем под процессом в данном случае имеется в виду не длительный и сложный процесс становления социалистического общества и его эволюции в направлении к коммунизму, но сама кампания вооруженной террористической борьбы, победа которой таинственным образом предполагает «большой скачок» из капитализма в коммунизм. Возникает очередной заколдованный круг: террористическая революция оправдывается тем, что она приведет к «мировому коммунизму». Однако сам по себе этот «мировой коммунизм» никаких конкретных характеристик не имеет, кроме одной: он является следствием террористической революции.

Искренность убеждения террористов в том, что, сея смерть, они неминуемо придут к власти и осуществят «коммунистическую революцию», подкрепляется, например, обнаруженными в убежищах террористов ряда стран планами создания «революционных правительств». Это заставляет поставить вопросы: чего же ждать от этих правительств народу? Как должен выглядеть установленный ими социально-политический строй? Хотя на деле никакой «перспективы власти» у террористов нет, эти вопросы не являются риторическими. Во-первых, нельзя полностью исключать возможность того, что в будущем могут найтись силы куда более могущественные, чем сами «левые» террористы, которые увидят свой политический интерес в том, чтобы предоставить им руль государственного правления, как это в свое время имело место с Гитлером. Во-вторых, что гораздо актуальнее, их социальная демагогия вся держится на утверждении, что они ведут «борьбу за коммунизм». Этим аргументом они вербуют сторонников. В этом пункте им часто верят отвергающие их методы, но не решающиеся на категорическое осуждение их самих люди, солидарные с выдвинутыми некоторыми левоэкстремистски настроенными общест-

венными и профсоюзными деятелями лозунгом: «Ни с «Красными бригадами», ни против них».

Однако можно ли давать сколько-нибудь обоснованные ответы на поставленные выше вопросы, если у нас нет для этого ни реальных фактов, ни серьезных теоретических материалов? Не будет ли это произвольным фантазированием? Нет. Мы обладаем по меньшей мере четырьмя вполне достаточными источниками, на основании которых можем спроецировать картину «справедливого», «коммунистического» общества, руководимого «левыми» террористами. Это, во-первых, проекты будущего, составленные их прямыми предшественниками. Во-вторых, футурологические концепции автономистского крыла «левого» терроризма, которое, в исключение из общего правила, опираясь на анархистскую традицию, такие концепции разрабатывает. В-третьих, это пример тех стран, где группировки, движимые идеями, аналогичными идеям «левых» террористов, узурпировали власть в результате не индивидуального террора, а используя армию и бюрократический аппарат, сложившиеся в кастовые институты в ходе национально-освободительных войн. И наконец, в-четвертых, это принципы политической деятельности «левых» террористов и нормы их жизни и общения в пределах собственного микромира, в террористических организациях.

В свое время С. Г. Нечаев, выдвигая на первый план чисто разрушительные задачи, утверждал, что «мужики... по устранении всего, мешающего им... сумеют устроиться гораздо осмысленней и лучше, чем то, что может выйти по всем теориям и проектам, писанным доктринарами-социалистами»¹¹. Однако спустя некоторое время и он столкнулся с необходимостью изложить собственные «теории и проекты». В статье «Главные основы будущего строя» он провозгласил необходимость сосредоточить после революции все средства в руках «нашего комитета» и объявить физическую работу обязательным для всех делом. Отказавшиеся от нее лишались каких-либо средств к существованию. Регламентации должен был подвергнуться не только труд, но и многие другие стороны жизни граждан «нового общества» с его общественными столовыми, спальнями, учебными заведениями. Исключение допускалось только для особо ценных в области управления или изобретательства лиц, непосредственно утверждаемых комитетом. Вырисовывалась весьма любопытная структура «свободного общества»: бесконтрольно властвующий «комитет», создаваемая им ка-

ста новой аристократии и огромная масса народа, поставленная перед выбором: «Или к труду, или смерти!» Маркс и Энгельс, на чей «Манифест Коммунистической партии» Нечаев имел наглость сослаться, справедливо охарактеризовали нечаевский прожект как образчик «казарменного коммунизма».

Казалось бы, совсем иную концепцию развивает идеолог итальянского «автономизма» А. Негри. Создание коммунизма, по Негри,— «это антагонистический и субъективный процесс уничтожения труда. Коммунизм есть уничтожение капитала во всех отношениях. Это — не-труд»¹². В коммунистическом обществе «проблема производства (воспроизводства) — распределения уступает место фундаментальному закону, который и начинает господствовать,— закону не-труда. Отказ от принуждения к труду становится всеобщим»¹³.

Сразу же после революции должно быть осуществлено обобществление всех благ и уничтожение денег. Для всех членов общества должна быть введена равная «социальная зарплата». Одновременно предполагается уничтожение всех аппаратов и институтов с их организационной оформленностью, специфическими функциями и относительной самостоятельностью. Заодно должны быть упразднены интеллигенция и целый ряд «ненужных» наук.

Про Негри не скажешь, что он утопист без Утопии. Анархистский идеал здесь выражен с ошарашивающим максимализмом. Но во-первых, за пределы этой абстрактной схемы Негри не выходит, и никакого представления о том, каким же образом станет существовать общество, в котором каждый волен не работать, и что оно будет из себя представлять, он не дает. Во-вторых, вынужденный признать, что для превращения общества в желанный рай для бездельников все же потребуется определенное время, он делает маленькое, но принципиальное отступление от «закона не-труда». «В период, который ведет к универсализации этого закона и его господству, труд будет сведен к минимуму. Чтобы воспроизводить этот дерьмовый мир, можно работать пару часов, если работать будут все»¹⁴. Не будем придирааться к этой формуле с чисто экономической стороны: в конце концов, упразднив науки, искусства, современные бытовые удобства и потребность в них, может быть, и возможно обойтись парой часов труда в день. Но ведь для этого их надо упразднить! Упразднить не только вещи и культурные ценности, но и потребности человека!

И к тому же кто-то должен заставить людей, уже проникнутых соблазнительным идеалом «не-труда», работать эти два часа в день. Кто? Добавим к этому, что сам скачок в царство «абсолютной свободы» от всего и вся должен, согласно Негри, осуществляться в ходе непрерывной «культурной революции». Идеалом, таким образом, объявлена первобытная материальная и духовная нищета, путь к нему связывается с перманентным насилием. Кого? Над кем? Не будем гадать. Факт остается фактом: реальный потенциал специфической концепции А. Негри, пронизанной анархистским пафосом, в конечном счете, как это ни парадоксально, тот же «казарменный коммунизм».

Не будем также гадать, в какой мере представляют себе реальный облик «светлого будущего», в которое они пытаются через грязь и кровь втащить упирающееся человечество, те из «левых» террористов, которые искренне движимы идеалистическими побуждениями, ибо насилие со стороны идеалистов-догматиков мало чем отличается от насилия со стороны убежденных поработителей. Еще Гегель подчеркивал, что «субъективная добродетель, управляющая только на основании убеждения, влечет за собой ужаснейшую тиранию. Она осуществляет свою власть без судебных форм и наказывает так же просто — только смертью»¹⁵.

Экстремистскому сознанию в конечном счете всегда присущ авторитаризм. Один из «раскаявшихся» лидеров РАФ, Х. Малер, говорил, что, будучи террористом, он втайне мечтал об авторитарном государстве, мини-аналогом которого была террористическая группа, требовавшая от своих членов безоговорочной дисциплины, слепого подчинения руководству, фанатичного следования экстремистской доктрине. Внешне кажущееся принципиальным и незыблемым противоречие между утверждающим деспотический тоталитаризм неофашизмом и «левым» терроризмом с его антиэтатистскими устремлениями на деле носит мнимый и преходящий характер.

С максимальной силой реальный облик «казарменного коммунизма» и его человеконенавистническая сущность проявились в полпотовской Кампучии, превращенной в огромный концентрационный лагерь. Самоуверенными и невежественными «реформаторами» были упразднены как «антисоциалистические» явления деньги, промышленность, торговля, медицина, образование, искусство, а сельское хозяйство было сведено на уровень примитивного подневольного ручного труда. Здесь не

только не стоял вопрос о демократии, но трудящиеся массы были практически превращены в рабов. Руками невежественных юнцов, не умеющих ничего, кроме как убивать, упоенных властью над людьми и причастностью к касте избранных носителей высшей «революционной» истины, клика тиранов и палачей истребила треть населения страны, в том числе почти всех специалистов, пытаясь под угрозой смерти превратить остальную его часть в бессловесный скот.

Таково же и «светлое будущее», уготовляемое «левыми» террористами народам своих стран. Не бездоказательно ли это суждение? Кто может поручиться за его справедливость? Они сами, их политическое мировоззрение, их тактические принципы и практические навыки. Отчужденность от народных масс и элитаристское самоощущение, ненависть к демократии и демократическим институтам, отвращение к цивилизации и культуре, полное неуважение к человеческой личности и стремление рассматривать и использовать ее только как объект политических манипуляций, привычка решать все социальные вопросы при помощи оружия и игнорирование ценности человеческой жизни, наконец, отсутствие опыта реальной организаторской и хозяйственной работы и пренебрежение этим опытом — может ли все это при гипотетическом приходе «левых» террористов к власти в один миг уступить место гуманной и научно обоснованной идеологии, демократической политике, профессиональной компетентности, самокритичной оценке своих возможностей и прав на руководство государством?

Ответ до смешного ясен. Весьма сомнительно также, чтобы «освобожденные массы» в сознании террористов уравнились с ними самими. Но даже если бы это было так, то самое большее, что они могли бы сделать,— это перенести на общество в целом те привычные им нормы поведения и принципы взаимоотношений, которые сложились в их собственных группах. Группам, подчеркнем это, объединившихся на добровольных началах и состоящих из единомышленников, сплоченных клановым элитаризмом и высокомерным отношением ко всем, кто не является членом группы. По каким же нормам складываются отношения в недрах клана?

Практически только на ступени первоначального объединения и в группках кустарного типа отношения между членами террористических банд выступают в форме игры в романтическое братство членов гонимой и возвышенной секты. Как только организация начинает про-

фессионализироваться и обретать стройную структуру, в силу вступают законы мафии.

В соответствии с этими законами действовали бы они и по отношению к гражданам созданного по их канонам «справедливого общества», если бы их победа могла стать реальностью. Не только «левый» терроризм, но и вообще левый экстремизм способен осуществлять свою власть только в форме жесточайшей диктатуры. Диктатуры, осуществляемой от имени народа идеализированного, вымышленного над народом реальным. Он не может не подионять людей под свои представления о долге, нормах поведения, образе жизни «революционного народа». И не может не стремиться «из высших соображений» к отрубанию голов тем, кто не втискивается в прокрустово ложе установленных им догматических, аскетических, обезчеловечивающих критериев. «...В нашем идеале нет места насилию над людьми»¹⁶,— писал В. И. Ленин. Идеалом современных «левых» террористов, отвечающим их философии жизни, является универсальное и перманентное насилие. «Полное жизни животное, свирепое со своими врагами, дикое и свободное в своих страстях,— такой мне хочется видеть коммунистическую диктатуру»¹⁷,— провозглашал А. Негри. Знакомая интонация, явственно наталкивающая на воспоминания о «белокурой бестии». Прimitивный утопизм левотеррористического мышления исходно беременен кошмарной антиутопией кампучийского образца.

3

На авансцене и за кулисами

«Терроризм,— как отмечается в предисловии к двухтомному справочному изданию «Политический терроризм»,— есть скорее вспомогательное оружие, чем решающее»¹. Судя по всему, что нам уже известно о терроризме, эта мысль справедлива. Вспомогательное, но чье? Революционеров, как пытаются уверять многие западные авторы? Но террористическая практика противостоит задачам, интересам и принципам подлинно революционных народных движений. Люмпенизированных бунтарей? Так для них он основное оружие. Государства и государственных секретных служб? Но этому, казалось бы, противоречит антигосударственная направленность «левого» терроризма. Реакционных слоев и сил?

Но как быть с его «революционной направленностью»? Не возникают ли здесь противоречия? Возникают, но это противоречия самого «левого» терроризма и ситуации, сложившейся вокруг него.

Характерной особенностью заговорщических организаций, естественно, является их строгая конспиративность. Именно конспиративность, неуловимость небольшой, тесно спаянной группы являлась и является для многих сторонников терроризма преимуществом такого рода организаций перед массовыми движениями, в которые, уже в силу самой их широты, с большей легкостью могут проникать доносчики и провокаторы. Однако история показала, что именно заговорщические группы, как правило, носят псевдоконспиративный характер и являются наиболее благодатным полем деятельности провокаторов и манипулирования этими группами.

Групповая замкнутость и одновременно склонность к продиктованным материальными нуждами и прагматическими целями беспринципным контактам, авантюрам, неразборчивость в средствах, ненормальный образ жизни в подполье, в атмосфере спешки, слезки, полной сосредоточенности на технических деталях предстоящих акций ведут к смещению нравственных критериев, а следовательно, и к поверхностности и односторонности в оценке людей, вступающих в организацию. Сами организации, пройдя через кружковый период, обретают своеобразную пирамидальную структуру, где каждое низшее звено только через своего лидера общается с высшим, через него получает указания, которые подлежат неукоснительному исполнению. Низшими звеньями обсуждаются не задачи, а лишь технические способы их реализации. При такой структуре, целесообразность которой обосновывается конспиративными соображениями, руководители практически бесконтрольны, а их цели и убеждения зачастую расходятся с целями и убеждениями низовых активистов, добровольно становящихся пешками в их руках. В этих условиях в рамках группы легко занимает лидирующее положение наиболее жестокая, беспринципная и наиболее подготовленная для террора личность, не знающая идейных сомнений и угрызений совести. А такими личностями в свою очередь очень часто становились внедряемые специальными службами агенты, прошедшие соответствующую профессиональную и психологическую подготовку. Обеспечивая успех проводимых ими операций, оберегая их от провалов и одновременно устраняя конкурентов, спецслужбы помогают своим аген-

там продвинуться к руководству заговорщической организацией. И если это удастся, такая организация становится послушным орудием в руках тех самых сил, во имя борьбы с которыми ее рядовые члены вступают в нее.

Какие же силы способны стоять, а в некоторых случаях и реально стоят сегодня за спиной «левых» террористов? Это прежде всего силы внутренние — такие, как секретные службы государства или оппозиционные организации иных направлений. Это также силы внешние — сходные по политическим целям и идеологии заговорщические организации в других странах или иностранные государства. Все эти силы бывают самым разнообразным образом переплетены между собой. Так, правооппозиционные организации могут скрытно пользоваться поддержкой со стороны тех или иных государственных институтов. Секретные службы иностранных государств нередко проводят свои акции в контакте с правительственными учреждениями и одновременно опираются на группировки правой оппозиции и т. д.

Удары, осуществляемые террористами по представителям государственного аппарата, для политически неисклюшенных людей нередко становятся доказательством того, что эти удары наносятся всегда самостоятельно, без ведома органов охраны, поскольку эти органы якобы не могут допускать те действия, которые призваны парировать. Наивная логика. Могут, и по самым разным соображениям.

Во-первых, ради того, чтобы глубже внедрить своих людей в организацию, выяснить все ее планы, связи, убежища и затем нанести ей смертельный удар. Так, в начале 1969 г. из донесений тайных агентов, внедренных в организацию К. Маригеллы, стало известно о ее намерении захватить бразильский авиалайнер. Террористам позволили его захватить, чтобы не расшифровывать агентов. Позднее с их помощью Маригелла был заманен в ловушку и убит в перестрелке. Во-вторых, представители власти бывают заинтересованы в террористических провокациях, ибо это дает им повод для наступления на все левооппозиционные силы и принятия чрезвычайных законов. Таких случаев в истории политической борьбы известно множество. В-третьих, господствующий в капиталистическом обществе класс неоднороден. В его недрах существуют борющиеся между собой за власть силы, которые нередко прибегают для борьбы друг с другом и к террористическим действиям.

Было бы, конечно, ошибочно полагать, что все левотеррористические группировки с самого начала манипулируемы секретными службами или инородными политическими организациями. В момент возникновения такие группировки, как правило, складываются и действуют независимо. Другой вопрос: что происходит с ними дальше? Любопытен ответ на него Х. Малера. Вот что он говорит о рафовцах второго поколения: «Их нельзя больше расценивать как левых. Они — пешки в политической игре, их передвигают совсем другие люди»². Не следует также думать, что между «левыми» террористами и манипулирующими ими силами обязательно существуют прямые связи. Чаще всего эти связи носят косвенный характер, чему служит система промежуточных подставных организаций. Даже будучи проводниками чужеродного влияния, большинство террористов, тем более рядовых, не осознают своей подлинной роли или полагают допустимым «ради пользы дела» заключать союз «хоть с чертом», которого надеются перехитрить и переиграть.

Но факт остается фактом: зарождающиеся как враждебные существующему строю и правящей элите, левотеррористические организации в силу их идейно-политической сущности и организационной структуры могут быть использованы той или иной частью правящей элиты в собственных интересах. Оппозиционный терроризм играет двойную социальную роль: с одной стороны, он выступает как угроза сложившимся общественным отношениям и государственным институтам, с другой — в определенных условиях полезен господствующему классу, по крайней мере тем его слоям, которые стремятся под предлогом борьбы с терроризмом подавить прогрессивные движения, упрочить соответствующую этим целям политическую линию. Во имя этого нередко приносятся в жертву и уничтожаются руками террористов видные представители правящего класса, иначе, чем эти слои, понимающие его интересы. Для этой цели нередко используются террористы левацкого толка или имеющие репутацию «левых».

Характерна в этом отношении история покушения на Карреро Бланко, заядлого реакционера, устраненного потому, что более гибкие, чем он, фалангисты рассчитывали после смерти Франко, поступившись наиболее одиозными сторонами режима и сделав демократические уступки народу, сохранить за собой власть в стране. Бланко был помехой этим планам, поэтому, узнав о готовящемся баскской террористической организацией

ЭТА покушении на него, испанские секретные службы не только не помешали террористам, но, наоборот, всячески способствовали им, охраняя от угроз со стороны полиции, не посвященной в тайны высокой политики.

В ряде стран реакционные слои, не стоящие непосредственно у власти и даже враждебные существующим правительствам, в то же время обладают в системе государственных институтов, в органах юстиции и охраны порядка влиянием, достаточным для того, чтобы оказывать серьезную помощь террористам, действия которых отвечают их социальным интересам. И это относится не только к неофашистскому подполью, являющемуся вооруженной рукой данных слоев, но и к псевдореволюционному «левому» терроризму. Вряд ли случайно, что тысячи полицейских, карабинеров, тайных агентов, ведущих поиски похитителей Моро и руководимых опытными специалистами сыска, как зачарованные останавливались перед очевидными данными, как бы не видя их, и странным образом сворачивали со всех следов, ведущих к преступникам.

Плетущие заговор против демократических режимов и готовящиеся к их свержению ультраправые организации не только осуществляют террористические акции руками откровенных неофашистов, но и стремятся подчинить своему влиянию и в той или иной мере направить деятельность, казалось бы, враждебных последним «левых» террористов. В 1978 г. сенатор Банфи, президент Международной федерации борцов Соппротивления, обнародовал выдержки из выработанных португало-итальянским фашистским альянсом «Ажинтер пресс» «заметок по стратегии», где говорилось: «Мы считаем главной задачей разрушение государственного аппарата, которое должно осуществляться под прикрытием акций левых экстремистов. В их группировки мы уже внедрили своих людей. Все наши действия — как пропаганду, так и террористические акции — мы должны обставлять таким образом, чтобы создавалось впечатление, будто их инициаторы — наши противники»³.

Многие органы печати высказывают подозрение, что в соответствии с этой установкой фашисты заслали в «Красные бригады» в момент их оформления своих людей, среди которых называют и Ренато Курчо, бывшего в юности членом правой студенческой организации. У нас нет данных для того, чтобы со знанием дела судить о достоверности этой версии. Но и нет оснований отнестись к ней с недоверием. Что мешает в нее поверить? «Комму-

нистическая» фразеология Курчо? Но она еще не есть коммунистическая идейность. К тому же не словами проверяется лицо политического деятеля, а его делами, не говоря уже о том, что и Азеф должен был спекулировать на социалистической фразе. Какими бы невероятными и неправдоподобными ни казались раздвоенность и лицемерие провокаторов, они существуют. И следует признать, что у провокаторов — свои логика и психология, свои нормы поведения и законы игры. Впрочем, Курчо скорее всего не подходит на роль сознательного провокатора из идейных неонацистов. Он фанатик несколько другой идеи, однако идеи, которая позволяет ему встать рядом с неонацистами. Следует вспомнить, что еще в начале 70-х гг. Франко Фреда — неонацист, организовавший в 1969 г. взрыв сельскохозяйственного банка в Милане, унесший десятки жизней, — выдвигал идею создания единого оппозиционного политического блока из террористических групп, однородного в своих действиях, несмотря на различие исходных доктрин его левых и правых крыльев. С этой идеей солидаризировался и Курчо, исходивший из наличия между «Красными бригадами» и неонацистами таких точек соприкосновения, как «ненависть к режиму», «отказ от системы», наличие общих мишеней в лице магистратов, полицейских, журналистов и т. д. Идея осталась нереализованной в силу слишком заметных расхождений между организациями и, вероятно, антинацистских настроений низовых бригадистов, но позиция Курчо знаменательна.

В документах итальянских неонацистов постоянно встречаются выражения солидарности с борьбой «левых» террористов против, как они выражаются, лжедемократии и сатрапов. В 1980 г. один из лидеров неонацистов, П. Раути, официально предложил ультралевым заключить перемирие в интересах борьбы против общего врага. Известно, что после периода открыто декларируемой взаимной враждебности и подчас довольно ожесточенных столкновений между левотеррористическими и неонацистскими организациями сначала установился своего рода вооруженный нейтралитет, а затем возникли и более тесные отношения. Сегодня имеется уже немало свидетельств не только стремления тех и других к сотрудничеству, но и фактов осуществления его.

Стали известны, например, связи «Красных бригад» с масонской ложей П-2, с благословения и при помощи ЦРУ готовившей правый переворот в Италии. При обыске на вилле руководителя ложи Личо Джелли были об-

наружены документы, свидетельствующие, что Джелли организовывал транспортировку в Италию оружия, купленного представителями «Красных бригад» за рубежом у связанных с ЦРУ торговцев им. «Красные бригады» поддерживали контакты с неонацистскими организациями и на международном уровне. Так, на состоявшемся летом 1978 г. в Бразилии съезде представителей различных правоэкстремистских организаций в качестве гостей присутствовали и два члена «Красных бригад». Объявляя об этом, испанский неонацист Х. Т. Бласко сообщил также, что их организация сотрудничает с испанской левотеррористической группировкой ГРАПО. Идеологические различия, отметил он, не заслоняют от них первоочередного характера общей задачи борьбы против демократического режима.

Сегодня нет еще достаточных данных для того, чтобы с уверенностью судить, насколько далеко зашло взаимопонимание и сотрудничество «левых» и правых террористов. Скорее всего это процесс, который далек еще от организационного завершения. К тому же, несмотря на объективное родство тех и других, официальная идеология «левого» терроризма ставит определенные границы процессу его сближения с терроризмом правым. Однако показательно, что лидеры итальянского «автономизма» в последнее время вслух заговорили, что они допустили ошибку, сосредоточив главное внимание на антифашистской борьбе. Процессы над «левыми» террористами показали, что в таких делах, как закупка и транспортировка оружия, «отбеливание» денег, сбор информации и т. д., они систематически прибегали к помощи или посредничеству неонацистов. И конечно же, последние оказывали им услуги не из чистого альтруизма. Мы не склонны, упрощая вопрос, думать, что эти связи приветствовались большинством рядовых «левых» террористов. Вероятнее всего, они, занятые своей непосредственно порученной им деятельностью, не имели об этих связях достаточно ясного представления. Но политическая суть дела от этого не меняется.

Не менее сложный и неоднозначный характер носят и зарубежные связи «левых» террористов. В сентябре 1974 г. команда боевиков японской «Красной армии» захватила французское посольство в Гааге. Целью акции было освобождение группы арестованных французским правительством членов КАЯ. После освобождения здания там были найдены гранаты, которые, как выяснилось, принадлежали к боезапасам, похищенным группой

Баадера — Майнхоф с американских военных складов в 1971 г. В 1975 г. интернациональная, «смешанная» команда террористов во главе с венесуэльцем Карлосом похищает в Вене интернациональную же группу из 26 участников совещания высокопоставленных представителей стран ОПЕК. В конце 1977 г. в Вене была арестована западногерманская террористка Габриела Тидеман, хорошо известная как участница многих террористических операций. Тидеман попала в поле зрения полиции как человек, переправлявший «Красным бригадам» деньги. В ее бумагах среди прочих данных имелась и такая запись: «Рим — дело Ал. Мо.». Весь ее зловещий смысл был понят несколько позднее, после похищения Альдо Моро «Красными бригадами».

Координация действий, взаимопомощь, прямое сотрудничество между левотеррористическими организациями отдельных стран — новая, специфически современная и потому особенно бросающаяся в глаза черта «левого» терроризма, predeterminedенная характером его идейно-политических установок, а также теми техническими возможностями, которые предоставляются террористам эпохой НТР. Эта черта делает современный «левый» терроризм явлением куда более весомым и опасным, чем ограничивавшиеся локальными рамками левотеррористические организации прошлых эпох, чьи международные контакты, как правило, ограничивались общими заверениями в солидарности.

Не случайно поэтому, что на нее обратили самое пристальное внимание западные политологи. При этом многие из них факты взаимодействия между различными левотеррористическими группами воспринимают как доказательство существования всемирной организации, своего рода «террористического интернационала». Именно так, как мы видели, озаглавил свою книгу Ж. Кауфман. К. Стерлинг пишет о левотеррористических группировках как об «элитных батальонах» «интернациональной коммунистической армии»⁴. В предисловии ко второму тому справочного издания «Политический терроризм» говорится, что «современные террористы часто действуют как члены чего-то вроде мультинациональной корпорации» и даже имеют свое общее «подлинное правительство»⁵.

В этой мысли реакционным политологам помогают утвердиться сами «левые» террористы, непрестанно подчеркивающие, что они ставят своей задачей повергнуть империалистическое чудовище в глобальном масштабе, осуществить «мировую пролетарскую революцию». Отсюда

их постоянное рекламирование собственного интернационализма и солидарности с «пролетарскими народами» всего мира. Наконец, создавая национальные экстремистские организации, «левые» террористы не устают подчеркивать, что эти организации являются составной частью мировой «революционной» армии. Время от времени происходят встречи и совещания представителей некоторых левотеррористических групп, о чем широко оповещается пресса. Однако слова словами, а реальность реальностью. Между отдельными террористическими организациями сложились отношения сотрудничества и взаимопомощи. Но дальше этого дело не пошло. «Можно, не боясь ошибиться, утверждать, что существование Красного Интернационала, являющееся излюбленным аргументом многих диктаторов, используемым для оправдания репрессивных систем, есть просто-напросто миф»⁶, — пишет весьма осведомленный автор Луис Гонсалес Мата, бывший сотрудник испанской секретной службы.

Почему? Прежде всего, потому, что конкретные политические цели левотеррористических организаций разных стран слишком различны, а их практические возможности слишком ограничены, для того чтобы сложились реальные условия создания единого движения с общим центром. Во-вторых, потому, что подлинное существо идейно-политических позиций «левых» террористов, скрытое за саморекламными претензиями на интернационализм, категорически препятствовало этому. Этот вывод может показаться неожиданным и парадоксальным, но зададимся простым вопросом: возможно ли существование интернационализма, базирующегося на неприязни и недоверии к собственному народу? А между тем именно с этим отношением к нему и поисками революционного субъекта вне пределов своей страны во имя придания собственным отщепенческим организациям видимости авангарда массового движения в значительной мере связаны «интернационалистические» мотивации «левых» террористов. С другой стороны, в основе глобальных антиимпериалистических мотиваций «левых» террористов, оформленных лозунгами интернационалистического характера, лежит протест против экономической и политической зависимости от США и транснациональных корпораций. Мотивы сами по себе справедливые, но чисто национальные, а в практической трактовке их «левыми» террористами принимающие нередко и расистский характер. Антиимпериализм у них легко оборачивается антиамериканизмом вообще, антисионизм — антисемитизмом. Это засвиде-

тельствовано не только публичными заявлениями бывших западногерманских террористов Клейна и Баумана, но и реальными акциями «левых» террористов типа попытки взрыва Еврейского дома или осквернения памятника жертвам фашизма в Западном Берлине. Так линия деятельности, начатая решительным разрывом с «поколением Освенцима», по существу повернулась в направлении к Освенциму.

Таким образом, то, что «левыми» террористами выдается за интернационализм, есть своеобразная форма псевдоинтернационализма, базирующегося на чисто националистической основе. Естественно, что это уже само по себе делает невозможным создание единого и централизованного левотеррористического движения. Когда Я. Шрайбер подчеркивает, что «глобальный террористический заговор с единым центром есть плод нашего испуганного воображения»⁷, он ошибается только в одном: не просто испуганного, но также и политически тенденциозного.

Принимая на веру левацкую демагогию террористов, реакционные политики и идеологи не просто муссируют ложную идею о существовании левотеррористического интернационала. Они спекулируют на ней с целью возложить ответственность за развертывание левотеррористической активности в капиталистическом мире на СССР и социалистические страны. Именно эта тенденция красной нитью пронизывает книги К. Стерлинг, Г. Дэникера, Ж. Кауфмана и ряда других авторов. За эту мысль ухватились некоторые из высокопоставленных политических деятелей в странах Западной Европы. Пришедший к рулю государства в США Р. Рейган положил эту идею в основу американской внешней политики, объявив ее главной целью борьбу против «международного терроризма», якобы инспирируемого и руководимого СССР.

Злонамеренность и абсурдность этих выдумок достаточно очевидны. Как подчеркивалось в журнале «Проблемы мира и социализма», «политические цели и кредо» террористов любых направлений, в том числе и так называемых «левых» террористов, «несовместимы с принципами коммунистической идеологии и морали, лежащими в основе социалистического общества... эта несовместимость абсолютно исключает любые связи между Советским Союзом и террористами в капиталистических странах вопреки инсинуациям или даже прямым утверждениям иных ответственных деятелей капиталистических держав»⁸.

Клеветнические выдумки К. Стерлинг, являющейся давним агентом ЦРУ, и другие инсинуации не нашли поддержки даже у многих отнюдь не симпатизирующих социализму политологов и в близких к правящим кругам США органах прессы. Так, журнал «Юнайтед Стейтс ньюс» в статье, озаглавленной «Терроризм — русское секретное оружие?», прямо сформулировал: «ЦРУ не может доказать этот тезис»⁹. Специальная комиссия сената США поставила под сомнение тезис о причастности СССР к акциям международного терроризма, заявив, что доказательств этого в распоряжении правительства США не имеется.

Признание хотя и сделанное скрепя сердце, но существенное. В то же время мировая общественность располагает достаточно убедительными доказательствами того, что за дымовой завесой нападков на СССР и социалистические страны руководство США систематически осуществляет манипулирование террористическими организациями в самых различных регионах мира. Проникновение в эти организации и прямое насаждение их стало для ЦРУ одной из существенных сторон его деятельности, притом не только в странах, правительства которых рассматриваются заправилами американской политики как враждебные. Сегодня широко известен обнаруженный при обыске на вилле неонациста Джелли документ ФМ-30-31, подписанный бывшим начальником штаба американской армии Уэстморлендом, указывающий на необходимость использования террористических движений «в дружественных странах» с целью «убедить их правительства и общественное мнение в опасности коммунизма». В нем черным по белому предписывалось создавать полувоенные подрывные группировки, организовывать беспорядки и столкновения с полицией, осуществлять взрывы и убийства полицейских и проводить акции, направленные на дискредитацию юридической власти. С этой целью ЦРУ использует как «левых», так и правых террористов и, более того, систематически стремится не только приписывать акции, осуществленные неонацистами, левацким группировкам (что используется как повод для атаки на левые силы вообще), но и объявлять инициаторами таких акций социалистические страны. Типичным примером этой тактики является попытка обвинить, используя грубо фальсифицированные данные, в причастности к осуществленному турецким террористом, неонацистом Агджой покушению на папу Иоанна Павла II болгарского гражданина С. Антонова.

За чередованием волн «левого» и правого терроризма в таких странах, как ФРГ и особенно Италия, многие внимательные наблюдатели не без оснований видят направляющую руку секретных служб США. Как правило, таинственные нити, связывающие эти службы с террористическими организациями, не бывают прослежены отчетливо и полностью. ЦРУ и его фактотумы и союзники умеют замечать следы, не гнушаясь убийством свидетелей и участников своих преступлений, а также осведомленных журналистов. Это настолько вошло в систему, что само по себе стало играть роль хотя и косвенных, но убедительных улик. И несмотря на это, в отношении связей некоторых организаций и подлинного назначения их акций сегодня накоплен весьма выразительный материал.

Луисом Гонсалесом Матой, который по долгу службы имел прямые контакты с ЦРУ, обрисована в одной из его книг впечатляющая картина соучастия агентов американской разведки в убийстве Карреро Бланко, поскольку устранение последнего отвечало политическим планам США в отношении будущего послефранкистской Испании. Автор указывает также, что в студенческие организации Басконии ЦРУ внедрило 30 своих осведомителей. В другой книге Гонсалес Мата приводит данные, свидетельствующие о причастности ЦРУ к похищению Альдо Моро.

Хотя на состоявшемся над убийцами Моро процессе Моретти и его соратники решительно отрицали, что покушение на Моро было инспирировано извне, и целиком брали его на себя, в этом позволительно усомниться. Достаточно вспомнить о почти неприкрытых угрозах в адрес Моро со стороны государственного секретаря США Киссинджера, о связях ЦРУ с фашистской ложью П-2 и о взаимоотношениях последней с «Красными бригадами», о подозрительном поведении полицейского начальства, получившего от своих подчиненных накануне похищения Моро информацию, что в Рим прибывают террористы из других городов, и отвергнувшего предложение об их задержании, об агенте ЦРУ Рональде Старке, специально посланном в Италию для контактов с «Красными бригадами» и помогавшем им доставать оружие, о странной фигуре Коррадо Симионе, таинственного «великого старца», пользующегося репутацией главного закулисного руководителя «Красных бригад», основателя и директора языкового института «Гиперион» в Париже, который в западной печати рассматривается как одно из прикрытий ЦРУ в Европе. Эти и им подобные факты, взятые пооди-

ночке, казалось бы, еще ни о чем не говорят, но сама их многочисленность и чья-то упорная забота о том, чтобы они так и оставались непрослеженными и не сведенными воедино, заставляет задуматься.

Косвенным доказательством того, что покушение на Моро направлялось извне, являются и некоторые ставшие с течением времени очевидными странности, связанные с этой акцией. В своих коммюнике террористы возвещали, что «суд» над Моро раскрыл подлинных и скрытых ранее лиц, ответственных за, как утверждали похитители, самые кровавые страницы истории последних лет. Казалось бы, в соответствии с логикой и принципами террористов фамилии этих «убийц» должны были быть обнародованы, а сами они подвергнуты «революционному суду» и казнены. Однако этого не произошло, из чего явствует, что похитители Моро и те, кто стоял за ними, стремились к устранению именно Моро. Покушение было приурочено к началу суда над «историческими лидерами» «Красных бригад» и обрамлено целой серией покушений на полицейских, тюремных надзирателей и других мало-значительных лиц. Похоже, что тем самым специально делалось все, чтобы затушевать особый смысл атаки на Моро и придать ей видимость одной, хотя и самой крупной, из акций в ходе широкой террористической кампании.

Можно полагать, что большинство бригадистов, охваченных эйфорией по поводу «победы над государством», не понимали скрытого смысла этой «победы» и не видели нитей, которые приводили их в движение. Марионетки представлялись себе самостоятельно действующими личностями. Они работали на реакцию, воображая себя революционерами. Декларативные противники «мирового империализма», они оказались его орудиями. Не первый в истории случай рокового политического самообмана. Еще в прошлом веке К. Маркс с горечью писал Ф. Энгельсу: «... теперь мы уже знаем, какую роль в революциях играет глупость и как негодяи умеют ее эксплуатировать»¹⁰.

К выводу о том, что Моро стал жертвой заговора, направляемого ЦРУ, быстро пришли многие западные политики, исследователи, литераторы. Среди них — бывший заместитель министра внутренних дел Италии Дзамберлетти и писатель Леонардо Шаша. Сегодня, судя по итальянской прессе, мало кто в стране сомневается в справедливости этого вывода, хотя сотрудники юстиции, ведущие процесс над убийцами Моро, сделали все возможное

для того, чтобы вопрос о том, кто стоял за их спиной, остался вне поля зрения суда.

Заинтересованность ЦРУ в манипулировании террористическими организациями не исчерпывается стремлением к вмешательству во внутренние дела других стран. В последние годы видный американский политолог, бывший профессиональный разведчик, работавший в странах Центральной Америки и во Вьетнаме, ныне ответственный сотрудник информационного центра ЦРУ «РЭНД корпорейшн» Б. Дженкинс систематически развивает идею так называемой суррогатной войны. Это своеобразный вариант локальной войны, которую великие державы, избегающие столкновения лоб в лоб, что в современных условиях было бы равносильно самоуничтожению, могут, согласно мысли Дженкинса, вести руками террористических групп, нанося ущерб и урон противнику и оказывая на него давление при помощи разовых акций с применением новейшего оружия, демонстрирующих их военные возможности и готовность в перспективе использовать их во всю мощь. «Сегодня отвергнутая большинством стран как незаконная форма войны, она может в будущем стать законной»¹¹. В предвидении этого Дженкинс осуществляет нечто вроде практического инструктажа, перечисляя основные задачи, направления и методы ведения «суррогатной войны» и подчеркивая, что для этой войны «государства могут использовать существующие террористические группы... или создавать собственных террористов»¹².

Где пролегает граница между «суррогатной», террористической и «настоящей» войной, захотят ли и смогут ли государства, ввязавшиеся в такую войну, остановиться на этом рубеже? Автор на эти вопросы не отвечает, но нельзя не отметить, что свою концепцию Дженкинс развивал параллельно с такими действиями руководителей американской политики, как подписание директивы А-59, санкционирующей локальное применение ядерного оружия, принятие решения о производстве нейтронных бомб, химического и бактериологического оружия. Нельзя забывать и о вошедшей в практику госдепартамента США традиции заблаговременно отрабатывать варианты внешнеполитической стратегии, держа их про запас и в нужный момент извлекая из-под спуда, как это было и с принципом так называемой борьбы за права человека и с лозунгом «борьбы против международного терроризма», кстати подкрепляемым ссылкой на то, что он нарушает права человека. Идея «суррогатной войны»

уже сегодня получает частичную реализацию в преступной деятельности, например, вскормленных ЦРУ наемнических террористических банд в Никарагуа. И осуществляется она на фоне проводимой Вашингтоном откровенно милитаристской политики, безудержной гонки вооружений и циничного провозглашения правомерности превентивного применения ядерного оружия.

В свете этих фактов и должна оцениваться концепция «суррогатной войны» с ее ставкой на терроризм. В свете этой ставки должен оцениваться сам терроризм. Провозглашаемые «левыми» террористами ближайшие цели совпадают с целями самых реакционных политических сил. А это не только означает, что они своими действиями объективно оказывают услуги данным силам. Это создает и основу для сознательного использования «левого» терроризма социальными кругами и организациями, враждебными демократии и рабочему движению, чему к тому же способствует фанатическая заряженность экстремистов на разрушительные действия и готовность сотрудничества во имя этого «хоть с чертом». Маломощный сам по себе, «левый» терроризм, превращаясь в таран в руках стоящих за его спиной социально весомых сил, сразу обретает потенциал, делающий его способным вызывать серьезные потрясения в обществе и на международной арене. И в этом — главная его опасность.

«Левый» терроризм — это, казалось бы, терроризм оппозиционный, антигосударственный. В некоторых случаях, промелькнув метеором по политическому небосклону, он в этом качестве и сходит на нет. Но в нем заложена органическая способность превращения в косвенную форму государственного террора. При этом сегодня им манипулируют не только институты, секретные службы и правые деятели собственного государства, но и спецслужбы заинтересованных иностранных держав. Используя терроризм, эти державы стремятся воздействовать не только на внутривнутриполитическую ситуацию в других странах, но и на их внешнеполитическую линию, на сложившуюся в регионе или в мире систему международных отношений. В этом политическом контексте «левый» терроризм становится подлинно международным (а не просто транснациональным) терроризмом, поскольку целью и результатом его деятельности является ущерб, причиняемый международным отношениям. На этот уровень оппозиционные заговорщические группировки сами по себе подняться не в силах, но достигают,

его, когда выступают как орудия осуществляющих стратегию международного терроризма империалистических держав*.

То, что «левый» терроризм в главных капиталистических странах объективно играет на руку реакции, коренится в самой его социальной сущности. Отсюда же вытекает и закономерность его неуклонной эволюции вправо или деидеологизации. И то и другое является предпосылкой для возможного взаимодействия в определенных рамках между ним и терроризмом правого толка, а также стоящими за спиной последнего организациями и силами. Эти силы, выступающие против демократии и прогрессивных массовых движений, нагнетающие атмосферу напряженности и стремящиеся повернуть колесо истории вспять, рассматривают «левый» терроризм как одно из важных орудий, способствующих

* Не всякие террористические операции, осуществляемые за рубежом, и нападения на объекты инонационального происхождения являются актами международного терроризма. Как подчеркивается в журнале «Проблемы мира и социализма», «в большинстве из очень многих попыток его определения признается по меньшей мере следующее: это — насильственные действия, выражающиеся в убийствах или иных посягательствах на жизнь людей в политических целях и затрагивающие в той или иной мере международные отношения»¹³. Возьмем в этой связи достаточно сложный пример захвата группой западногерманских террористов посольства ФРГ в Стокгольме в 1976 г. Смыслом этой атаки был не удар по отношениям между Швецией и ФРГ, но попытка избавиться от суда и заключения группу Баадера. Аналогичные цели ставились и при захвате смешанной командой террористов пассажирского авиалайнера на Мальорке. Подобного рода операции квалифицируются многими компетентными западными исследователями (вопреки установкам ЦРУ и ряда ангажированных политологов) как акции не международного, но транснационального терроризма. Если вторая характеристика связывается с формальными параметрами типа места покушения, состава осуществляющих его групп, подданства мишеней атак, то первая — с политическим смыслом и назначением акций. Наиболее последовательные сторонники отграничения транснационального терроризма от международного подчеркивают, что первый представлен группировками, в принципе независимыми, невзирая на те или иные их зарубежные связи, второй — группировками, прямо или косвенно манипулируемыми иностранными государствами. Собственно, именно тогда, когда за спиной террористической группы стоит заинтересованное в подрыве существующих международных отношений империалистическое государство, терроризм и обретает возможность воздействовать на эти отношения. Тонкость вопроса заключается, однако, в том, что склонность «левых» террористов к транснациональной активности в сочетании с их идеологическими установками облегчает им переход на путь международного терроризма.

выполнению их замыслов, пытаются, и часто небезуспешно, манипулировать им.

Нельзя недооценивать этот момент. Но неверно было бы на данном основании и просто отождествлять «левый» терроризм с правым или ставить под сомнение сам факт существования именно «левого» терроризма как особой разновидности террористической деятельности, что иногда встречается в зарубежной литературе. Между ним и правым, неофашистским терроризмом имеются существенные различия, вытекающие из их конечных политических установок, провозглашаемых ими идеалов, движущих ими мотивов. В то время как правый терроризм, ведя борьбу против «коммунистической угрозы», открыто стремится к укреплению капиталистического строя и установлению во имя этого тоталитарных режимов, современный «левый» терроризм объявляет своей основной целью уничтожение капитализма и государства как «системы», осуществление «коммунистической революции».

Другое дело, что декларация и субъективные намерения «левых» террористов находятся в вопиющем противоречии с объективным смыслом их деятельности, что их идейные установки исходно противоречивы и обманчивы, что «левизна» этих установок мнима и служит для социальной мимикрии. Но, в частности, именно этот своеобразный «двойной план», наличие определенного политического подтекста, неадекватного идеологическим конструкциям «левого» терроризма, и отличает его от лишнего какой-либо неоднозначности прямолинейного неофашистского терроризма.

Необходимость последовательного разоблачения социальной мимикрии «левого» терроризма, его роли как орудия правых сил, выявления его профашистского потенциала самоочевидна. Но эту задачу не следует решать упрощенно. Психологически вполне понятное стремление «заклеймить» «левый» терроризм путем отождествления его с терроризмом неофашистским в теоретическом плане выглядит поверхностным и односторонним, а в практически-политическом плане — недостаточно эффективным, ибо эффективная борьба с «левым» терроризмом требует как внимания к тому общему, что объединяет его с терроризмом правым, так и учета его конкретной специфики, его своеобразной «двойственной» природы и связанных с ней возможностей социальной демагогии. Она предполагает как непримиримость к самому «левому» терроризму, так и

борьбу за умы и сердца тех, кого террористы, спекулируя на их социальных и личных проблемах, политической и человеческой незрелости, пытаются вербовать в союзники или соратники. Ее необходимой составной частью является расшифровка «генетического кода» клеток злокачественной социальной опухоли: доказательное и четкое выявление классовой сущности и политической роли «левого» терроризма, контрреволюционного характера его двусмысленной псевдореволюционной идеологии, понимание реального соотношения между подлинными и мнимыми мотивациями «левых» террористов, конкретный теоретический и психологический анализ используемого ими механизма обмана и самообмана.

«Жить с терроризмом» или бороться против него?

Что же дальше? Действительно ли наступила «эпоха террора», как утверждают главный редактор журнала «Терроризм» И. Александер, политолог и публицист Д. Белл, израильский профессор Ю. Динстайн и многие другие авторы? ¹ Не следует ли человечеству, трезво глядя в глаза фактам, смириться с тем, что «террористическая субкультура может стать постоянной чертой нашего мира» ², как полагает Б. Дженкинс? И не пора ли уже людям учиться «жить с терроризмом», как пишет в книге одноименного названия Р. Клаттербак?

Как ни странно, но большинство названных авторов и многие другие из разделяющих подобный взгляд на перспективы терроризма отрицают за ним какую-либо социальную и историческую обусловленность, рассматривают его как явление наносное, то инспирированное извне, то возникшее под воздействием необъяснимым образом обретшей влияние идеологии. Более того, одновременно с призывом «привыкать» к терроризму они отнюдь не отказываются от борьбы с ним. Многие из них, будучи связаны с госдепартаментом и специальными службами, являются сторонниками применения к нему решительных, а кое-кто — и самых крайних мер.

И тем не менее фаталистическая нота отчетливо звучит во всех их рассуждениях. В этом можно видеть и просто проявление страха, у которого, как известно, глаза велики, и сознательное преувеличение с целью создания благоприятной психологической атмосферы для установления «сильной власти», и пропагандистский маневр (использование темы терроризма в качестве дымовой завесы для агрессивной политики империалистических держав), опирающийся на традиционное отождествление терроризма с освободительными движениями.

Но пожалуй, главным основанием для подобных прогнозов является предвзятое представление о терроризме как о «составной части мятежной стратегии в общем контексте внутренней войны или революции». При этом реакционные идеологи и политики не замечают,

что, пропагандируя эту ложную идею и делая из нее фаталистические выводы, они тем самым фактически выдают свое если не внутреннее убеждение, то предположение неотвратимости подъема революционных движений.

Та же фаталистическая нота звучит и в работах многих авторов, базирующихся, казалось бы, на иных послылках.

Так, например, Л. Диспо, автор книги «Машина террора», исходит из того, что терроризм коренится в природе самого государства в качестве производного от борьбы за власть и «единственного средства самозащиты». Терроризм как сверху, так и снизу представляет собой, по автору, некую извечную и в принципе самостоятельную машину. «Терроризм,— пишет Л. Диспо,— не инструмент, но автономная система»³. Таким образом, существование терроризма, к которому автор относится со страхом и отвращением, утверждается в качестве нормы политической жизни.

Иными путями, но к тому же итогу приходит и другой, казалось бы, гуманистически настроенный автор — Ян Шрайбер. «Террористы — это вовсе не «они». Это большинство из нас», — пишет он, подкрепляя свой тезис массовой распространенностью способности делать зло и причинять боль. Террорист, с его точки зрения, «отличается от законопослушного и порядочного обывателя не тем, что он насильник, в то время как обыватель таким не является», но тем, что обыватель совершает насилие в рамках дозволенного обществом, в то время как террорист использует методы, «рассматриваемые обществом как преступные»⁴. Отчасти — осуждение насилия, отчасти — утверждение его неотвратимости, отчасти — критика терроризма, отчасти — смирение перед его неизбежностью. Любопытно, что и Л. Диспо и Я. Шрайбер, несмотря на принципиальное различие их исходных мотивировок, не находят иного выхода, кроме как моральное самоусовершенствование личности.

Ссылки на врожденную агрессивность людей, лишь слегка прикрытую тонкой и хрупкой нравственно-правовой литосферой, обретенной в ходе истории цивилизации, и на высвобождение этой агрессивности условиями пылешней эпохи — один из типичных вариантов фаталистического подхода к терроризму. Сторонники этой точки зрения не видят различий между политическим насилием и актами патологической жестокости типа осуществлявшихся бандой Мэнсона. Им свойственно также резкое

преувеличение, если не абсолютизация, предрасположенности людей к насилию, нередко подкрепляемое явно подтасованными результатами заранее подталкивающих к искомому ответу опросов и экспериментов.

Основанием для пессимистических прогнозов у целого ряда политологов является их убеждение в том, что террористические группы в силу их конспиративности, глубокого идейного и человеческого единства их членов выследить и обезвредить практически невозможно.

Среди буржуазных террологов имеются и сторонники оптимистического взгляда на будущее. Среди них первое место занимает У. Лакёр, резко полемизирующий в своей книге «Терроризм» с господствующим в западной литературе преувеличением сил, возможностей и перспектив «левого» терроризма. У. Лакёр подчеркивает, что в ходе человеческой истории терроризм, активизируясь на время, всегда быстро сходил на нет и исчезал на долгие годы. Верное наблюдение, опираясь на которое У. Лакёр начиная с середины 70-х гг. (т. е. еще до покушения на Альдо Моро и разворачивания террористического шаша в Италии) предсказывал близкое наступление краха терроризма. Более глубоких и основательных аргументов в распоряжении У. Лакёра не нашлось и не могло найтись, ибо, как мы отмечали ранее, с его точки зрения, в терроризме наличествует «случайный», «непостижимый» элемент и он может «вообще не иметь корней». Поэтому только и остается, что, с одной стороны, призывать к защите демократии, а с другой — пассивно ожидать, когда волна терроризма спадет сама собой. Таким образом, обратной стороной оптимизма У. Лакёра является тот же фатализм. В этом, впрочем, нет ничего неожиданного, поскольку У. Лакёр, избегающий грубого отождествления «левого» терроризма с революционным насилием, утверждает в принципе тот же подход, делая это при помощи тенденциозного подбора фактов, не заметных для неискушенных читателей умолчаний, игры в «объективность» и ловкой софистики. Признавая, например, что марксизм выступает против терроризма, он одновременно пропагандирует мысль, что сами условия политической борьбы и прагматические соображения якобы неизбежно вынуждают революционеров обращаться к террористическим методам вопреки их теоретическим установкам. «Всегда имелись, — пишет он, — идеологические выводы против терроризма, но революционеров толкало к нему, ибо они не в силах были выбирать средства, но вынуждены были их употреблять».

Характерно, что этот обобщающий вывод У. Лакёра делает в контексте рассуждений об эсерах, которые обращались к тактике индивидуального террора не по роковой неизбежности, а в силу их идеологической ориентации, выступали против подлинных революционеров своей эпохи — марксистов в условиях, позволявших поднимать массы на организованную политическую борьбу.

Еще одна линия обоснований фаталистического взгляда на перспективы «левого» терроризма (нередко к тому же выдаваемого за «марксистский») базируется на верной в принципе посылке, что терроризм есть порождение современных социальных условий. Однако сама эта идея трактуется сторонниками данного подхода вульгарно-редукционистски. Логика здесь элементарна: коль скоро терроризм есть порождение капиталистического общества, он исчезнет вместе с падением капиталистического общества. Этот тезис можно произнести и с оптимистической интонацией, особенно используя его в контексте левацких предсказаний о ближайшей гибели капитализма. Но по существу его смысл глубоко пессимистичен, ибо на деле он означает, что терроризм рассматривается как неизбежное социальное зло, как явление неустранимое и непобедимое в современных условиях. Вариантом той же мысли является постановка терроризма в такую связь с кризисными явлениями и процессами современного капиталистического общества и происходящими в нем социально-структурными сдвигами, которая предполагает, что только ликвидация этих процессов и решение связанных с ними социальных проблем создадут необходимые условия и предпосылки для победы над терроризмом.

Но разве это не так? Разве не капитализм и его противоречия являются почвой для возникновения терроризма? Не попадаем ли мы здесь в объятия У. Лакёра или, чего доброго, экс-канцлера Шмидта? Нет, конечно. Одно дело — не признавать за терроризмом социальных корней, и совсем другое — рассматривать их конкретно, отвергая вульгарно-редукционистское представление о том, что корень — это уже и есть плод. Капиталистический строй — подпочва, а его кризис — почва, в которой в конечном счете коренятся социальные источники терроризма. Почва, но не непосредственная причина. Растению для обмена веществ и роста необходимы кроме почвы определенные природные условия, а культурному — еще и грамотный уход, без которых лежащее в земле зерно

не дает всходов. Тем более это относится к терроризму, который является не биологическим, но социальным феноменом. Его возникновение и развитие, успехи и поражения в решающей степени зависят от определенной системы надстроечных и субъективных факторов, а не просто от наличия капиталистических производственных отношений. И воздействовать на некоторые из этих факторов, как и на самих террористов, возможно и в условиях капиталистического общества.

Да, конечно, ликвидация капиталистических отношений принесла бы кардинальное решение проблемы «левого» терроризма. Но это не означает, что с ним невозможно бороться, не уничтожив капитализма. (Мы говорим в данном случае не о терроризме вообще во всех его ипостасях, но именно о «левом» терроризме и не о разовых акциях, осуществляемых одиночками, но об организованном политическом движении.) И хотя успешная борьба с «левым» терроризмом представляет задачу весьма непростую, она вполне выполнима. Для этого необходимы как целенаправленная и последовательная деятельность правительств, так и активность общественных и политических организаций, опирающихся на поддержку широких народных масс.

Главная сложность, безусловно, состоит в том, что действительно эффективная борьба с «левым» терроризмом предполагает не только меры, направленные непосредственно против него, но также если не искоренение тех факторов, которые непосредственно способствуют его возникновению и развитию, то хотя бы их нейтрализацию. Это требует прежде всего признания со стороны правительств буржуазных стран социальной обусловленности «левого» терроризма и их воли к решению в пределах возможного проблем, непосредственно провоцирующих террористическую форму самовыражения и протеста. Между тем, как справедливо подчеркивается в органе испанских социалистов «Эль социалиста», «одна из самых больших трудностей в борьбе с терроризмом заключается в том, что государства отказываются признать существование социального и политического конфликта, питающего этот феномен»⁵.

В большинстве случаев правительства реагируют на деятельность «левых» террористов ужесточением репрессивных мер. Значение этих мер нельзя недооценивать. Сегодня, когда миф о неуловимости террористических групп рассеялся, очевидно, что данные меры достаточно эффективны по отношению к уже существующим органи-

зациям. Они позволяют резко сократить, если не свести на нет, активность террористов.

Но такие меры нерезультативны по отношению к вновь формирующимся террористическим группам, ибо потенциальных террористов страхом от вступления на избранный путь не удержишь. Более того, чисто репрессивные действия, не подкрепленные определенными мероприятиями социального характера, чреватые превращением террористов в мучеников идеи.

Борьбу с «левым» терроризмом следует вести более широким фронтом, с более дальним прицелом, чем просто выслеживание и аресты членов террористических группировок. Необходимо, во-первых, лишить террористическую стратегию всякого смысла, сделать терроризм неэффективным в глазах самих террористов. Во-вторых, разбить терроризм в отношении идейно-политическом, т. е. окончательно рассеять иллюзии на его счет, лишить его поддержки и сочувствия той среды, где он еще находит сторонников, создать атмосферу всеобщей нетерпимости к нему. Тем самым одновременно перекрываются источники пополнения террористических организаций новыми кадрами, приходящими на смену арестованным или вышедшим из политической игры. В-третьих, необходимо блокировать силы, сознательно или бессознательно способствующие развитию и деятельности террористов. Это относится, с одной стороны, к средствам массовой информации, обеспечивающим терроризм даровой и широкой рекламой. Это относится, с другой стороны, к правозаговорщическим кругам и органам специальных служб, стремящимся манипулировать как правотеррористическими, так и левотеррористическими организациями.

Опыт более чем десятилетней борьбы с терроризмом, как успешной, так и безуспешной, показал, что решить эти задачи хотя и чрезвычайно трудно, но при соблюдении трех основных условий все-таки можно.

Прежде всего это последовательная и непримиримая позиция правительств стран, перенесших эпидемию терроризма, по отношению к нему, решительное использование имеющихся в их распоряжении средств. Задаваясь вопросом о причинах жизнестойкости итальянского терроризма, социолог Болафи пришел к выводу, что она свидетельствует больше о слабости правительства, чем о силах «Красных бригад»⁶. Вывод в значительной мере справедливый. Политологами не раз отмечались попустительство терроризму со стороны отдельных звеньев

государственного аппарата и репрессивных сил Италии, разъединенных коррупцией и непосредственно связанных с неофашистскими заговорщиками, а также и традиционная неэффективность итальянской пенитенциарной системы, начиная с формальных возможностей до бесконечности затягивать открытие и проведение любого процесса и кончая отсутствием элементарного порядка в тюрьмах, из которых заключенные бегут сотнями*.

При таком положении дел, да еще в атмосфере непрекращающегося и углубляющегося экономического, социального и политического кризиса, правительство проявляло явную нерешительность в борьбе с терроризмом, опасаясь, что крутые действия с его стороны могут вызвать ответную реакцию вроде итальянской «алжирской войны». Колебаниям правительства способствовали и явно двусмысленные отношения лидеров стоящей у власти ХДП с неофашистскими силами и политическими представителями заокеанских союзников.

Следует поэтому признать, что затянувшийся более чем на 10 лет разгул терроризма в Италии в значительной мере на совести итальянского правительства. В других странах, где власти проявили по отношению к терроризму энергию и решительность, им в короткие сроки удалось добиться если не полного искоренения «левого» терроризма, то сведения его активности к редким разовым акциям отдельных уцелевших боевиков. Стоило итальянскому правительству перейти к решительным действиям против «левых» террористов, одновременно приняв ряд мер по отношению и к правым заговорщикам, как оно добилось значительных успехов.

По мнению многих западных политологов, основная проблема борьбы с терроризмом состоит не в сложности его военного подавления, а в цене, за это уплаченной. Проблема — терроризм угрожает демократии, но усиление репрессивных органов, принятие чрезвычайных законов и тому подобные мероприятия являются слишком дорогой ценой за ликвидацию терроризма, ибо также связаны с ограничением демократии или отказом от нее, — не надумана. Такая опасность, как показал опыт ряда стран Латинской Америки и Турции, в которых под предлогом борьбы с терроризмом устанавливались военные диктатуры, и Европы (закон о борьбе с терроризмом во франкистской Испании, направленный против всех оп-

* Это не риторическое преувеличение. По приводимым Р. Соле данным, в 1977 г. из тюрем Италии сбежало 559 человек.

позиционных режиму сил, закон о запрете на профессии в ФРГ), реально существует.

Не случайно поэтому столь острыми оказались споры между сторонниками пересмотра существующих систем охраны порядка и норм судопроизводства и их противниками, между приверженцами «гибкого прагматизма» и полной неуступчивости, между теми, кто стоит за энергичный «контртеррор», «превентивные меры» и создание для этого специальных органов, и теми, кто боится, что такие органы обретут непредусмотренную силу и власть, а «превентивные меры» примут характер «охоты на ведьм».

В этом споре безусловно правы те, кто, протестуя против мер антидемократического характера, одновременно стоит за принципиальную неуступчивость по отношению к террористам, ибо это единственный, но вполне достаточный способ продемонстрировать им неэффективность их тактики. «Терроризм есть косвенная стратегия, которая выигрывает и проигрывает в зависимости от того, как вы на нее отвечаете... Вы всегда можете отказаться делать то, что он хочет заставить вас делать... В этом — крайняя слабость террористической стратегии»⁷. Когда общество в лице отдельных его слоев, средств массовой информации и ответственных государственных институтов не поддается на шантаж со стороны терроризма и ведет силами органов охраны порядка с ним последовательную борьбу, это не только резко сужает практические возможности терроризма, но и лишает смысла саму его активность.

Это означает, что победа над терроризмом возможна и в рамках буржуазно-демократических режимов, на основе существующей уже законности, отнюдь не требуя ужесточения этих режимов и отказа от демократических принципов. Она требует лишь строгого отделения законных форм политического протеста от террористической деятельности, неконъюнктурного и непреклонного отношения к терроризму и угрозам с его стороны, последовательной борьбы со всеми без исключения террористическими организациями как «левого», так и правого толка и со всеми без исключения их вдохновителями и покровителями.

Важнейшим условием успешной борьбы против терроризма является активная деятельность народных масс. Кстати сказать, превращение рядом политологов проблемы защиты демократии как от терроризма, так и от контртеррора в дилемму, фатально неразрешимую и

оставляющую только возможность из двух зол выбрать меньшее, есть результат «верхушечного» политического мышления, которое исходит из того, что ситуация сводится лишь к соотношению сил и единоборству правительства с террористами. Военное поражение терроризму действительно могут нанести только правительственные органы. Но уже для того, чтобы с уверенностью вести борьбу против терроризма, им требуется ощущать поддержку народных масс и массовых организаций. А в некоторых случаях необходимо и давление снизу на колеблющееся или ведущее двусмысленную политическую игру правительство. Что же касается сферы идейно-политической, то здесь позиция народных масс по отношению к терроризму становится решающим фактором.

«Левые» террористы рассчитывали нажать политический капитал, привлечь на свою сторону массы атаками на буржуазное, действительно несправедливое и подверженное коррупции государство. Но массы оказались гораздо пронительнее и мудрее, чем думали экстремисты. Они раскусили их игру и сказали не только «нет» терроризму, но и «да» государству. Не потому, что у них существуют какие-либо иллюзии по его адресу, но потому, что у них нет иллюзий по адресу террористической борьбы с государством и политической демократией. Лозунгу «левых» террористов: «Разрушить государство!» — они противопоставили свой лозунг: «Защитить государство, чтобы его изменить!»

Категорическое отвержение массами левоэкстремистской тактики как профашистской, решительные выступления против террористических авантюр под лозунгами: «Убийства — не революция!», «Нет — террору и насилию!» — выбивают у террористов почву из-под ног, пресекают возможность демагогически спекулировать именем народа, разоблачают их социальную мимикрию и лишают каких-либо надежд на политическое будущее. Как справедливо подчеркнул итальянский журналист-коммунист Боффи, «если сегодня терроризм терпит поражение за поражением, то объясняются они, в частности, и твердой негативной позицией, которую всегда занимали по отношению к нему трудящиеся массы»⁸.

Наконец, при формировании линии поведения по отношению к терроризму необходимо исходить из его подлинной, а не придуманной природы, руководствоваться в оценке его сильных и слабых сторон, возможностей и перспектив реальными знаниями, а не фантазмагорическими представлениями сенсационно-панического харак-

тера. Смакующая угрожающие заявления и кровавые акции террористов буржуазная пресса пытается представить дело так, будто бы не сегодня завтра грянет террористический апокалипсис. Она формирует в сознании аудитории впечатление тайного всемогущества террористов и беззащитности, уязвимости в силу ее гуманности и приверженности к правопорядку «современной цивилизации», живущей под дамокловым мечом, который в любую минуту могут обрушить на ее голову террористы, не делающие этого только из желания продлить садистское наслаждение охватившим людей ужасом.

Насчет наслаждения ужасом это верно. Этого у террористов не отнимешь. Собственно, современный терроризм и стремится не столько к убийству единиц, сколько к запугиванию сотен тысяч. Но только ли ради удовольствия, получаемого от устрашения отсроченным приговором, не приводят они его в исполнение? Или потому, что для этого у них не имеется достаточных сил? Не следует преуменьшать опасность терроризма, но преувеличивать ее тоже не стоит.

В западной прессе, подчеркивая резко возросшую зависимость современного города от бесперебойного обеспечения его многообразных потребностей, любят рисовать его чем-то вроде человека, которому достаточно перерезать вену, чтобы он погиб.

В этом контексте охваченные паникой или хладнокровно-расчетливые пророки «террористического апокалипсиса» и расценивают громогласные угрозы «левых» террористов и их сравнительно немногочисленные попытки вывести из строя линии электропередачи, водоснабжения, транспортные артерии. Но город с его многосторонними хозяйственными взаимосвязями и техническими возможностями не живое тело, и, перерезав одну вену, его не убьешь. Неэффективность этих попыток и явилась одной (как мы увидим чуть ниже, далеко не единственной) из причин для фактического отказа от подобной практики.

Особенно любимая тема средств массовой информации — возможность ядерного шантажа со стороны террористов. В печати постоянно муссируют слухи о якобы имевших место замыслах или попытках похищения ядерного оружия. На страницах газет и журналов не только ведется спор о возможности кустарным способом изготовить атомную бомбу, но и приводятся рецепты этого изготовления.

Пищу для сенсаций нередко подбрасывают средствам

массовой информации и сами террористы, похваляющиеся иногда своей психологической готовностью к атомному шантажу, при помощи которого можно заставить любое правительство «плясать канкан на столе». По признанию автора этих слов М. Баумана, принципиальная возможность овладения атомной бомбой и ядерного шантажа признавалась западногерманскими «левыми» террористами. Все это выглядит чрезвычайно эффектно и пугающе. Однако реализовать такого рода замыслы заговорщическим террористическим группкам чрезвычайно трудно, если не невозможно. Теоретически бомбу можно и сделать, и украсть, и пустить в ход. Практически же это требует такого количества исполнителей, что это, во-первых, исключает возможность единодушия, во-вторых, при нынешней проницаемости террористических групп не может быть сохранено в тайне.

Но дело еще и в том, что «левые» террористы не только не имеют сил осуществить многое из того, чем они сами и средства массовой информации пугают публику, но и не хотят этого. Западной прессой обходится простейший и напрашивающийся вопрос: почему за полтора десятка лет «левые» террористы, занимаясь поджогами автомашин и мелких предприятий, осуществляя взрывы казарм, издательств, офисов, не осуществили ни одной по-настоящему масштабной экономической диверсии? Обходится и вопрос о том, почему же рафовцы, пофантазив на счет эффективности атомного шантажа, сочли его нецелесообразным.

Образ готового и способного на все, бессмысленно разрушающего и бесконтрольного фанатика, культивируемый буржуазными средствами массовой информации,— плод незаконного супружества саморекламы террористов и сенсационных художественных домыслов журналистов. В организациях возможно наличие и таких людей, но сама организация не может не руководствоваться определенным практическим расчетом. Люди, не имеющие вообще никаких табу,— вне политики, а люди и тем более организации, занимающиеся политикой, не могут не знать определенных самоограничений. У «левых» террористов эти самоограничения также существуют, несмотря на то, что лежат в сфере не нравственной, а стратегической и что сама их стратегия в значительной мере построена на иллюзиях и самообмане. Они способны «преступить через кровь», они способны во многом не считаться с общественным мнением и гордиться его враждебностью, они могут ошибочно расценивать эффек-

тивность своих действий, но есть границы, за пределы которых они не выходят, твердо зная, что это будет гибельным для них. Им приходится в той или иной мере не только считаться со своими реальными возможностями, но и с тем, что они объявляют себя организациями «рабочего класса». Поэтому вопреки своим широковетельным заявлениям о «создании невыносимого положения» на диверсии, выходящие за определенные рамки, они не решаются. Ведя профашистскую политику, они идеологически и тем более организационно противопоставляют себя неофашистам, а контакты с ними стремятся скрывать. Будучи явными антикоммунистами и громкогласно объявив войну ИКП, «Красные бригады» не осмелились развернуть против нее систематическую террористическую кампанию. Есть основания полагать, что воинственными словами, разнузданным аморализмом, кровавыми частными акциями «левые» террористы маскируют и компенсируют в достаточной мере осознанное ими самоограничение в социальных масштабах деятельности и специфическую политическую осторожность.

Мистифицированное представление о террористах как о людях, абсолютно цельных и неуязвимых в силу их фанатизма, не обращающих внимания ни на какие препятствия и не считающихся с практическими результатами их деятельности, и порождает образ неистребимой многоголовой гидры, у которой на месте отрубленных голов немедленно вырастают новые, продолжающие извергать пламя. Однако такое представление справедливо только по отношению к очень узкому кругу лиц, не решающему судеб террористического движения. «Левые» террористы в массе не являются ни сильными, ни цельными людьми, их идейность замешана на бурных негативных страстях, их действия — в значительной мере — форма душевной разрядки, следствие нетерпения, причем не столько политического, сколько психологического. А это умонастроение и состояние духа редко может быть прочным и длительным. Разочарование, осознание если не преступности, то бессмысленности своей деятельности, ненормальности образа жизни в подполье и полуподполье рано или поздно овладевают многими из них. Беглецы из левотеррористических организаций говорят о нарастающем желании порвать с этим тяготящим их образом жизни, о душевном расколе, о страхе, который внушает им их собственный, сложившийся за годы пребывания в терроре облик⁹.

Правдивость этих свидетельств подтверждается мно-

гочисленными самоубийствами террористов и все нарастающим потоком отступничества и раскаяния. Поток этот, безусловно, был бы еще шире, если бы не страх перед мстью вчерашних соратников и суровым тюремным наказанием. Не случайно похороны убитого за раскаяние Вакчера привлекли большое количество молодых людей, несших плакаты с призывом: «Выйти из терроризма, не заговорив, не попав в тюрьму, не становясь жертвой бывших товарищей!»¹⁰

После того как в начале 80-х гг. правительство Италии наконец-то сумело предпринять решительное наступление на терроризм, устроило тюремный режим и одновременно приняло закон о снижении наказаний дающим показания террористам, отступничество стало приобретать массовый характер. Так, из 35 арестованных в Бергамо членов «Первой линии» сразу заговорили 32. Из 183 арестованных с середины 1981 по середину 1982 г. отказались давать показания только 8. Не столь впечатляюще количество раскаявшихся в «Красных бригадах» с их более длительной историей, большей дисциплиной, круговой порукой, спаянностью кровью и угрозой самых суровых приговоров, но и там отступничество приняло широкий размах. При этом особенно важно, что заговорили не только рядовые террористы, но и хорошо информированные члены руководства организацией.

Не случайно, кстати, что многие арестованные (и не только арестованные) лидеры итальянских террористических организаций в большей или меньшей мере пересматривают свое отношение к террористической практике.

Так, А. Негри обратился из тюрьмы к «автономистам» с призывом к прекращению террористической деятельности, осудив ее, в частности, за то, что она привела к прекращению прилива в движение новых кадров. Высказались против абсолютизации вооруженной борьбы и двое других ведущих идеологов и руководителей «автономизма» — О. Скальцоне и Ф. Пиперно, призывающие ныне перейти к «социальной практике». Лидеры «автономистов» критикуют «Красные бригады» за «ультрамилитаризм», преждевременные столкновения с государством, игнорирование «социальных вопросов».

Критические замечания в адрес «Красных бригад», обособивших «вооруженную борьбу» от «борьбы социальной», раздаются сегодня и из рядов «Первой линии». Да и сами «Красные бригады» уже в конце 70-х гг. оказались вынужденными заняться определенной самокри-

тикой и признать, что их деятельность привела к «потере связи с массами». Учитывая чрезвычайную агрессивность «Красных бригад», их склонность все свои деяния изображать в качестве «победоносных», нельзя не увидеть здесь стыдливое и замаскированное признание ими провала чисто террористической тактики.

«Левый» терроризм сегодня еще далеко не сошел на нет. Несмотря на значительный понесенный экстремистами урон, еще не ликвидированы до конца такие организации, как РАФ, «Первая линия», «Рабочая автономия», «Красные бригады». Эти организации, хотя и очень ослабленные, нет-нет да и дают о себе знать новыми убийствами, взрывами, ограблениями. «Красные бригады», например, ознаменовали начало процесса над М. Моретти и большой группой террористов целой серией атак на полицейских, карабинеров, юристов. И все же правы итальянские журналисты, называющие Италию еще не излечившимся, но уже выздоравливающим больным, упрекая себя в том, что «недооценили скрытый кризис терроризма».

Верность террористическому знамени ныне продолжает сохранять лишь небольшая и все сокращающаяся кучка закоснелых догматиков, а также люди, опасющиеся заслуженной расплаты за совершенные ими тяжчайшие преступления, и те, для кого жизнь «охотников за скальпами» и ощущение тайной власти над людьми стали привычной потребностью. Но в последних случаях речь уже идет не о политике, а о чистой уголовщине, так же как применительно к членам организуемых спецслужбами террористических банд речь идет не об «идейном» терроризме, но о простом наемничестве.

В признаниях итальянских террористов сегодня постоянно звучит одна мысль: «Кто бы мог подумать, чем это кончится?» Важная мысль: социальная обстановка в Италии за последние годы не изменилась к лучшему, и факторы, которые подталкивали определенные слои молодежи к политическому экстремизму и использовались как поводы для обращения к терроризму, остались в силе. Однако в настоящее время уже хорошо известно, к чему это может привести и чем кончиться. И это становится достаточно серьезным противовесом экстремистским тенденциям и предупреждением для тех, кто, не имея перед глазами такого опыта, могли бы составить новое поколение «левых» террористов.

И не только для них. Существует, как мы видели, опасная заинтересованность в «левом» терроризме заку-

лисно оказывающих ему поддержку и манипулирующих им реакционных кругов и специальных служб империалистических государств. Однако в их позиции по отношению к «левому» терроризму имеются две кардинальные слабости. Они способны использовать его в своих целях, но как социальное явление он развивается, набирает или теряет силу и размах на основе объективных условий и своих собственных внутренних законов и возможностей. Это во-первых. А во-вторых, свои связи с «левыми» террористами и каналы, через которые осуществляется воздействие на них, реакционные силы вынуждены хранить в глубокой тайне от общественности и от основной массы самих террористов. Они потому и обращаются к последним, что их руками стремятся скрытно осуществить то, что по различным соображениям не могут себе позволить делать открыто. А это означает, с одной стороны, что уже само по себе ослабление террористических организаций снижает заинтересованность правых сил в битой и отыгранной карте. С другой стороны, в условиях массового протеста против терроризма и потокающей ему политики правящих верхов, вынужденной или обусловленной принципиальными позициями правительственной борьбы с ним, покровительство «левому» терроризму становится для правых кругов делом нецелесообразным и просто опасным. Поэтому им приходится отходить в сторону, отмежевываться от него, даже присоединяться к борьбе с ним.

Сложнейшую проблему «левого» терроризма нельзя, конечно, односторонне рассматривать через призму радужного и бездумного оптимизма. Но еще менее разумно относиться к нему с фаталистическим смирением или в панике принимать террористов за вестников апокалипсиса. Борьба есть борьба, и ее исход нельзя предсказать с гарантированной стопроцентной точностью. И все же проделанный анализ убеждает, что борьба с «левым» терроризмом вступила в новую фазу, что он стоит на грани полного поражения и распада и не имеет исторических перспектив. Этот вывод сегодня можно подкрепить не только фактом резкого ослабления левотеррористической активности, но и авторитетным свидетельством Р. Курчо, поддержанным большой группой арестованных членов «Красных бригад», который в выпущенной им в начале 1983 г. декларации признал «стратегический кризис» «левого» терроризма и объявил о том, что «цикл революционной вооруженной борьбы, начатой в 1978 г., закончен»¹¹. Откровенно называя поражение поражением,

Курчо видит его причины в принятии организационной формы «сражающихся групп», в «идеологических галлюцинациях» типа «концепции авангарда» и подражания латиноамериканской герилье, в «скудости» социального анализа, в «милитаристской» тактике. К аналогичным выводам приходят и некоторые другие объявляющие о прекращении деятельности и самороспуске левотеррористические группировки.

Однако это отнюдь не означает, что победа над «левым» терроризмом и устранение его с политической арены как существенной социальной силы могут быть достигнуты автоматически. Следует помнить, что многие из социальных факторов, способствующих формированию левотеррористических тенденций, остаются неизжитыми и что силы внутренней и международной реакции, выдвинувшие сегодня на первый план террористическую активность неофашистов, не оставляют надежды на возможность гальванизации и использования в своих целях «левого» терроризма.

Надо отдавать себе ясный отчет и в том, что самокритика многих лидеров левотеррористических организаций не тождественна их разоружению, а вынужденное отступление — не равносильно сдаче. Они думают не об отказе от террористического насилия, а о новом гриме для него и о своевременности его применения. Тот же Р. Курчо, отрекшись от «милитаристской» тактики, не отказался от своих главных идеологических принципов и установки на вооруженную борьбу, призывая к поиску новых форм экстремистской активности, соответствующих условиям «метрополии» и задачам «герильи 80-х гг.».

Современный «левый» терроризм по самой его двудушной природе лицемерен и коварен. В определенных рамках он обладает пластичностью, способностью менять облик и формы, приспособливаться к новым условиям, выдвигать в соответствии с этими условиями новые демагогические ходы и аргументы. В последнее время его адепты в ряде стран, воздерживаясь от индивидуальных покушений или параллельно с их осуществлением, делают попытки примазаться к пацифистским и экологическим движениям, толкнуть их на путь вооруженного насилия, навязать этим движениям экстремистские приемы типа, например, взрывов и поджогов на строительных объектах атомных электростанций. Эти акции были решительно осуждены демократической общественностью, попытки террористов внедриться в прогрессив-

ные альтернативные движения потерпели крах, но, несмотря на это, сами эти попытки достаточно показательны.

Ясно, что ни о каком чувстве самоуспокоения по отношению к «левому» терроризму и различного рода иллюзиям на его счет не может быть и речи. Борьба с ним и с нетеррористическими формами левацкого экстремизма, чреватая перерастанием в террористические, с факторами и силами, способствующими их формированию и развитию, должна вестись последовательно и непрерывно по всем необходимым для успеха этой борьбы линиям.

Примечания

Введение

¹ *Dispot L.* La machine à terreur. Paris, 1978, p. 9.

² Искра, вып. IV, 1925, с. 96.

³ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 31, с. 350.

⁴ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 382.

⁵ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 1, с. 65.

⁶ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 24, с. 405.

⁷ *The World Today*, 1978, vol. 4, N 1, p. 6.

Часть I

Глава 1

¹ *Kaufmann J.* L'Internationale terroriste. Paris, 1977, p. 53.

² *Арисменди Р.* Ленин, революция и Латинская Америка. М., 1975, с. 558.

³ *Terrorism*, 1979, vol. 3, N 1—2, p. 9.

⁴ *Kaufmann J.* Op. cit., p. 69.

⁵ *Ibid.*, p. 54.

⁶ *Duenas Ruis O., M. Rugnon de Duenas.* Tupamaros, libertad o muerte. Bogota, 1971, p. 33.

⁷ *Guevara Ernesto Che.* Escritos y discursos. La Habana, 1972, p. 33.

⁸ *Political terrorism*, vol. 1. New York, 1975, p. 149.

⁹ Сёкигун документа. Токио, 1975 (на япон. яз.), с. 351.

¹⁰ *Fetscher J., Rohmoser G.* Ideologien und Strategien. Opladen, 1981, S. 96.

Глава 2

¹ *Nemès I.* Terroristak as NSZK — ban. Kossuth 1978, old. 108.

² *Laqueur W.* Terrorism. London, 1977, p. 148.

³ *Ibid.*, p. 146.

⁴ *Ibid.*, p. 220.

⁵ *O'Brien C. C.* Reflections on Terrorism. *New York Review of Books*, 1976, vol. 23, N 14, p. 47.

⁶ *Solé R.* Le défi terroriste. Paris, 1979, p. 141, 239.

⁷ *Fromkin D.* The strategy of terrorism. — *Foreign Affairs*, 1975, vol. 53, N 64, p. 683.

⁸ *Demaris O.* Brothers in blood. New York, 1977, p. 377.

⁹ *Becker J.* Hitler's Children. London, 1977, p. 72.

¹⁰ *Oestreich R.* The roots of terrorism. *The Round Table*. London, 1978, N 289, p. 74.

¹¹ *Solé R.* Op. cit., p. 177.

¹² *Becker J.* Op. cit., p. 242.

¹³ Le Monde diplomatique, 1978, N 284, p. 1.

¹⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 14.

Глава 3

¹ Europeo, 1979, N 24—25, p. 30.

² Kaufmann J. Op. cit., p. 65.

³ Rinascita, 10.I.1978, p. 29.

⁴ Kaufmann J. Op. cit., p. 65.

⁵ Terrorism, 1979, vol. 3, N 1—2, p. 30.

⁶ Ibid., p. 30—31.

⁷ Demaris O. Op. cit., p. 29.

⁸ Коваленский М. Русская революция в судебных процессах и мемуарах, кн. 1. М., 1923, с. 40.

⁹ Ibid., p. 230.

¹⁰ Laqueur W. Op. cit., p. 210.

¹¹ International Terrorism. National, Regional and Global Perspectives. New York, 1976, p. 39.

¹² Новое время, 1981, № 39, с. 29—30.

¹³ Horizont, 1979, N 20, S. 8.

¹⁴ Quadrant, 1979, vol. XXII, N 7, p. 9.

¹⁵ Solé R. Op. cit., p. 154.

¹⁶ Rinascita, 19.V.1978, p. 2.

¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 88.

¹⁸ Плеханов Г. В. Соч., т. IV. М.—Пр., 1933, с. 237, 252.

¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 182.

²⁰ Там же.

²¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 5.

²² Demaris O. Op. cit., p. 381.

²³ Laqueur W. Op. cit., p. 76.

²⁴ Quadrant, 1978, vol. XXII, N 7, p. 9.

²⁵ Плеханов Г. В. Соч., т. IV, с. 252.

²⁶ Kaufmann J. Op. cit., p. 117.

²⁷ Le Nouvel Observateur, 1980, N 795, p. 43.

²⁸ Sterling C. The Terrorist Network. — The Atlantic, 1978, vol. 242, N 5, p. 38.

Часть II

Глава 1

¹ Terrorism, 1979, vol. 3, N 1—2, p. 29.

² Le Nouvel Observateur, 1980, N 831, p. 62.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 377—378.

⁴ Sieber G. Im Hintergrund lauer die Profis. — In: Deutsche Zeitung, 23.IX.1977, S. 13.

⁵ Shubert A. Stadtguerilla: Tupamaros in Uruguay. Rote Armee Fraktion in der Bundesrepublik. Bonn, 1972, S. 119, 120.

⁶ Terrorism, 1979, vol. 3, N 1—2, p. 15—16.

⁷ Ibid., p. 40.

⁸ Shubert A. Op. cit., p. 117.

⁹ Demaris O. Op. cit., p. 43.

¹⁰ Le Nouvel Observateur, 1977, N 685, p. 43.

¹¹ Le Nouvel Observateur, 1980, N 831, p. 62.

¹² Solé R. Op. cit., p. 122.

- ¹³ Terrorism, 1979, vol. 3, N 1—2, p. 7.
¹⁴ Demaris O. Op. cit., p. 218.

Глава 2

- ¹ L'Express, 1979, N 1442, p. 74.
² Solé R. Op. cit., p. 7.
³ Demaris O. Op. cit., p. 382.
⁴ Ibid., p. 228.
⁵ Terrorism, 1979, vol. 3, N 1—2, p. 28.
⁶ Ibid., p. 26.
⁷ Demaris O. Op. cit., p. 31
⁸ International Terrorism: National, Regional and Global Perspectives, p. 38—39.
⁹ Demaris O. Op. cit., p. 39.
¹⁰ Kaufmann J. Op. cit., p. 115.
¹¹ Geismar A. L'engrenage terroriste. Paris, 1981, p. 140.
¹² Le Nouvel Observateur, 1980, N 831, p. 65.
¹³ Le Nouvel Observateur, 1980, N 795, p. 43.
¹⁴ Encounter, 1978, vol. 51, N 3, p. 81.
¹⁵ Dispot L. Op. cit., p. 220.

Глава 3

- ¹ Terrorism. A staff study prepared by the Committee of International Security. U. S. house of representatives. Ninety-third Congress. Washington, 1974, p. 111.
² Новый мир, 1981, № 11, с. 243.
³ Encounter, 1975, vol. 44, N 6, p. 16.
⁴ Schreiber J. Op. cit., p. 98.
⁵ Foreign Affairs, 1975, vol. 53, N 64, p. 692.
⁶ Schreiber J. Op. cit., p. 98.
⁷ Demaris O. Op. cit., p. 383.
⁸ Laqueur W. Op. cit., p. 109.
⁹ Terrorism, 1980, vol. 3, N 3—4, p. 179.
¹⁰ Journal of International Affairs, 1978, vol. 31, N 1, p. 112.
¹¹ Solé R. Op. cit., p. 222.
¹² Spectator, 1978, vol. 240, N 7812, p. 8.
¹³ Kupperman R., Trent O. Terrorism: Threat, Reality, Response. Stanford (Calif.), 1979, p. 42.

Часть III

Глава 1

- ¹ The Terrorism reader. A historical Antology. London, 1979, p. 64.
² Ibid., p. 59.
³ Ibidem.
⁴ Ibid., p. 101.
⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 122.
⁶ Коваленский М. Указ. соч., с. 37.
⁷ Фигнер В. Н. Полн. собр. соч., т. 1, ч. 1 М., 1928, с. 98.
⁸ Дебагорий-Мокриевич Вл. От бунтарства к терроризму, кн. 1. М., 1930, с. 101—102.

- ⁹ Чарушин Н. А. О далеком прошлом. М., 1973, с. 101.
¹⁰ Intellect (New York), 1978, vol. 106, N 2397, p. 458.
¹¹ The Atlantic, 1978, vol. 242, N 5, p. 40.
¹² Laqueur W. Op. cit., p. 4.
¹³ Terrorism, 1978, vol. 1, N 3—4, p. 243.
¹⁴ Le Nouvel Observateur, 1979, N 790, p. 31.
¹⁵ Solé R. Op. cit., p. 117.
¹⁶ Kaufmann J. Op. cit., p. 117.
¹⁷ Le Nouvel Observateur, 1977, N 676, p. 54.
¹⁸ Encounter, 1975, vol. 44, N 6, p. 18.
¹⁹ Le Nouvel Observateur, 1977, N 676, p. 54.
²⁰ Terrorism, 1979, vol. 3, N 1—2, p. 36.
²¹ Коваленский М. Указ. соч., с. 27.
²² Terrorism, 1979, vol. 3, N 1—2, p. 36.
²³ Le Nouvel Observateur, 1980, N 797, p. 43.
²⁴ Le Nouvel Observateur, 1978, N 723, p. 90.
²⁵ Le Nouvel Observateur, 1980, N 831, p. 60.
²⁶ Demaris O. Op. cit., p. 227.
²⁷ Достоевский Ф. М. Собр. соч. в 10-ти томах, т. 4. М., 1956, с. 107.
²⁸ Le Nouvel Observateur, 1981, N 881, p. 46.
²⁹ Becker J. Op. cit., p. 21—22.
³⁰ Ibid., p. 282—283.

Глава 2

- ¹ Political terrorism. New York, vol. 2, 1978, p. 6.
² Terrorism, 1980, vol. 3, N 3—4, p. 222.
³ Political terrorism, vol. 2, p. 6.
⁴ Terrorism, 1980, vol. 3, N 3—4, p. 246.
⁵ Schreiber J. Op. cit., p. 13.
⁶ Clutterbuck R. Living with terrorism. London, 1975, p. 123.
⁷ Esprit, 1977, N 1, p. 3.
⁸ Terrorism, 1980, vol. 3, N 3—4, p. 246.
⁹ Political terrorism, vol. 2, p. 18.
¹⁰ The Round table (London), 1978, N 269, p. 71; Terrorism A staff study... p. 111.
¹¹ Becker J. Op. cit., p. 89.
¹² Demaris O. Op. cit., p. 226.
¹³ Ibid., p. 244.
¹⁴ Le Nouvel Observateur, 1981, N 857, p. 34.
¹⁵ Däniker G. Antiterror Strategie. Stuttgart, 1978, p. 164.
¹⁶ Shreiber J. Op. cit., p. 25.
¹⁷ Demaris O. Op. cit., p. 228.
¹⁸ Terrorism, 1979, vol. 3, N 1—2, p. 28.
¹⁹ Becker J. Op. cit., p. 179.
²⁰ См.: Новое время, 1978, № 17, с. 28.
²¹ The Round table, 1978, N 269, p. 78.
²² Le Nouvel Observateur, 1982, N 910, p. 39.
²³ Le Monde diplomatique, 1982, N 334, p. 20.
²⁴ Ibid., 1982, N 339, p. 14.
²⁵ Ibidem.
²⁶ Ibidem.
²⁷ La violenza e la politica. Roma, 1979, p. 61.
²⁸ Плеханов Г. В. Соч., т. IV, с. 248.
²⁹ Le Nouvel Observateur, 1980, N 809, p. 38.
³⁰ Kaufmann J. Op. cit., p. 117.

- ³¹ *Encounter*, 1978, vol. 51, N 3, p. 86.
³² *Demaris O.* Op. cit., p. 225.
³³ *Huys E.* *Terrorists and Terrorism*. London, 1975, p. 22.

Глава 3

- ¹ *Le Nouvel Observateur*, 1981, N 844, p. 31.
² *Spiegel*, 1977, N 45, S. 57.
³ *Terrorism*, 1978, vol. 1, N 3—4, p. 245.
⁴ *Laqueur W.* Op. cit., p. 77.
⁵ *Spiegel*, 1977, N 45, S. 57.
⁶ *Solé R.* Op. cit., p. 113.
⁷ *Politik durch Gewalt: Guerilla und Terrorismus heute*. Bonn, 1976, S. 131.
⁸ *Kaufmann J.* Op. cit., p. 118.
⁹ *Terrorism*, 1979, vol. 3, N 1—2, p. 32.
¹⁰ Цит. по: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 18, с. 395.
¹¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 383.
¹² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 17, с. 190—191.
¹³ *Fetscher J., Rohmoser G.* Op. cit., S. 68.
¹⁴ *Le Nouvel Observateur*, 1981, N 844, p. 31.
¹⁵ *Terrorism*, 1978, vol. 1, N 3—4, p. 250.
¹⁶ *The New York Review of Books*, 1979, vol. XVI, N 13, p. 26.
¹⁷ *Kaufmann J.* Op. cit., p. 115.
¹⁸ *Terrorism*, 1978, vol. 1, N 3—4, p. 251.
¹⁹ *Becker J.* Op. cit., p. 213.
²⁰ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч., т. 1, с. 112.

Часть IV

Глава 1

- ¹ *Terrorism*, 1978, vol. 3, N 1—2, p. 31.
² *Ibidem*.
³ *Le Nouvel Observateur*, 1980, N 831, p. 61.
⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 18, с. 533.
⁵ См. там же, с. 534.
⁶ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 246.
⁷ *Terrorism*, 1979, vol. 3, N 1—2, p. 11.
⁸ *Schubert A.* Op. cit., p. 23.
⁹ *Le Nouvel Observateur*, 1977, N 671, p. 55.
¹⁰ *Kaufmann J.* Op. cit., p. 68.
¹¹ *Demaris O.* Op. cit., p. 231.
¹² *Shubert A.* Op. cit., S. 117.
¹³ *Bell J. B.* *A Time of Terror*. New York, 1978, p. 97.
¹⁴ *Demaris O.* Op. cit., p. 229.
¹⁵ *Terrorism*, 1979, vol 3, N 1—2, p. 3.
¹⁶ *Ibid.*, p. 7.
¹⁷ *Demaris O.* Op. cit., p. 234.
¹⁸ *Le Nouvel Observateur*, 1981, N 881, p. 47.

Глава 2

- ¹ *Terrorism*, 1979, vol. 3, N 1—2, p. 16.
² *Ibidem*.

- ³ Борисов А. Н. «Левый» радикализм и рабочее движение в развитых капиталистических странах. М., 1971, с. 17.
- ⁴ *Glutterbuck R.* Op. cit., p. 131.
- ⁵ *Kaufmann J.* Op. cit., p. 61.
- ⁶ *La violenza e la politica*, p. 62.
- ⁷ *Journal of International Affairs*, 1978, vol. 12, N 1, p. 119.
- ⁸ *Kaufmann J.* Op. cit., p. 83—84.
- ⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 120—121.
- ¹⁰ Плеханов Г. В. Соч., т. IV, с. 236.
- ¹¹ Наша страна. Исторический сборник. СПб., 1907, с. 238.
- ¹² *Negri A.* *Marx oltre Marx.* Milano, 1979, p. 177.
- ¹³ *Negri A.* *Il comunismo e la guerra.* Milano, 1980, p. 132.
- ¹⁴ *Ibidem.*
- ¹⁵ Гегель Г. Философия истории. М.—Л., 1935, с. 417.
- ¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 122.
- ¹⁷ Цит. по: Мяло К. На путях бунта: от протеста к террору. — Иностранная литература, 1984, № 3, с. 208.

Глава 3

- ¹ *Political terrorism*, vol. 2, p. 4.
- ² *Horizont*, 1979, N 21, S. 8.
- ³ За рубежом, 1982, № 6, с. 17.
- ⁴ *Sterling C.* Op. cit., p. 38.
- ⁵ *Political terrorism*, vol. 2, p. 2.
- ⁶ *Gonzalez Mata L.* *Terrorismo Internacional.* Barcelona, 1978, p. 237.
- ⁷ *Schreiber J.* Op. cit., p. 206.
- ⁸ Проблемы мира и социализма, 1981, № 4, с. 92.
- ⁹ *U. S. News and World Report*, 1981, vol. XC, N 17, p. 27.
- ¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 30, с. 266.
- ¹¹ *International Terrorism and World Security.* London, 1975, p. 31.
- ¹² *Ibidem.*
- ¹³ Проблемы мира и социализма, 1981, № 4, с. 92.

Заключение

- ¹ *Terrorism: Theory and practice.* Boulder (Col.), 1979, p. 159; *Bell J. B.* *A Time of terror...* p. IX; *International Law Association. Report of 56-th Conference.* New Delhy, 1974, p. 163.
- ² *Terrorism: Theory and practice*, p. 39.
- ³ *Dispot L.* Op. cit., p. 46.
- ⁴ *Schreiber I.* Op. cit., p. 92.
- ⁵ *El Socialista*, 1981, N 206, p. 49.
- ⁶ *Le Nouvel Observateur*, 1981, N 844, p. 31.
- ⁷ *Foreign Affairs*, 1975, vol. 53, N 64, p. 697.
- ⁸ Проблемы мира и социализма, 1982, № 7, с. 69.
- ⁹ *Le Nouvel Observateur*, 1980, N 831, p. 64.
- ¹⁰ *Ibid.*
- ¹¹ *Le Nouvel Observateur*, 1983, N 953, p. 27.

Содержание

Бикфордов шнур и пятиконечные звезды	3
Часть I	
«Право на ненависть!»	17
1. Предтечи и последователи	—
2. Почва и корни	43
3. Апология тотального насилия	59
Часть II	
Борьба против народа от имени народа	73
1. Отщепенцы в роли «классового авангарда»	—
2. Убийства статистические и «символические»	84
3. Вспомогательное оружие	95
Часть III	
Блудные дети буржуазии	105
1. Этика насильственного благодеяния	—
2. Сфинкс без загадки	119
3. Слово и Дело	139
Часть IV	
Претензии и реальность	149
1. «Ускорение истории»	—
2. Утопизм и антиутопия	157
3. На авансцене и за кулисами	165
«Жить с терроризмом» или бороться против него	183
Примечания	200

Витюк В. В.

В 54 Под чужими знаменами: Лицемерие и самообман «левого» терроризма. — М.: Мысль, 1985. — 206 с.
80 к.

В книге освещаются проблемы, связанные с таким социально-политическим феноменом, как «левый» терроризм. Разоблачаются попытки буржуазных идеологов отождествить с терроризмом освободительную борьбу масс, показывается противоположность теорий и практики «левого» терроризма марксистско-ленинскому учению о классовой борьбе и освободительных революциях.

В 0302030900-08948-85
004(01)-85

ББК 66.019
1ФБ

Виктор Владимирович Витюк

**ПОД ЧУЖИМИ
ЗНАМЕНАМИ**

**ЛИЦЕМЕРИЕ И САМООБМАН
«ЛЕВОГО» ТЕРРОРИЗМА**

**Заведующий редакцией А. Л. ЛАРИОНОВ
Редактор Э. В. МАКАРОВА
Младший редактор А. П. ОВСЕПЯН
Оформление художника А. В. КУЗНЕЦОВА
Художественный редактор А. М. ПАВЛОВ
Технический редактор Е. А. МОЛОДОВА
Корректор Т. М. ШПИЛЕНКО**

ИБ № 2168

**Сдано в набор 17.08.84. Подписано в печать 29.01.85. А03916.
Формат 84×108¹/₃₂. Бум. тип. № 2. Литературная гарн. Высокая печать.
Усл. печ. листов 10,92. Усл. кр.-отт. 11,24. Учет.-издательских листов 11,95.
Тираж 34 000 экз. Заказ № 1066. Цена 80 к.**

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

**Московская типография № 32 Союзполиграфпрома при Государственном
комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговл.
103051, Москва, Цветной бульвар, 26.**

ПОД ЧУЖИМИ ЗНАМЕНАМИ

Что такое современный "левый" терроризм? Как он соотносится с терроризмом правым и какую роль играет на политической арене капиталистических стран? Чем обусловлены его появление и рост и кто такие "левые" террористы? Каков механизм их социальной демагогии и самообмана, как совмещаются в их сознании якобы "гуманистические" и "революционные" посылки с человеконенавистнической практикой? На эти и другие связанные с ними вопросы даются ответы в предлагаемой читателю книге.

